

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: "Financial University"

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 9, No. 5, 2019

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора — **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора — **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросянц, кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Расстргуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, доктор политических наук, заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, проректор Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher
of the Department of Insurance and Economy of Social Sphere,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, the deputy
manager of Department of sociology on education and methodical
work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Associate Professor,
Department of Political Science and Mass Communications, Financial
University, Moscow, Russia;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Doctor of Political Sciences, Deputy first vice rector for
work with authorities and regional development, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
the vice-rector Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgoplov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator Financial University, Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ПУБЛИЧНАЯ И ЛАТЕНТНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Чепель С.Л.

Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы 6

Каминская Т.Л.

Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы 15

Михалёва Г.М.

Уличная активность как форма предвыборной агитации 22

Брега Г.В.

Международные санкции и внутренние угрозы в оценках российских предпринимателей. 31

Булатов А.Г.

Каналы рекрутирования высшей административной элиты России 39

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Капто А.С.

Стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи 43

Мамедзаде И.Р.

Современная философия Азербайджана: достижения и перспективы. 49

Курылев К.П., Данюк Н.С., Семибратов Е.В., Никулин М.А.

Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов 56

Пачкалов А.В.

Франкфурт-на-Майне как центр формирования западной финансовой олигархии 66

Замараева Е.И.

Факторы изменчивости социокультурной динамики в контексте межкультурной коммуникации. 73

Селезнёв П.С., Шалаев И.Л.

Национальная политика в многонациональном государстве: баланс интересов или гегемония власть имущих? ... 79

Харчилава Х.П., Башков Д.Ю., Мухин К.Ю.

Теоретико-методологические основы формирования концепций социальной науки, влияющие на развитие человеческого капитала. 86

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глотов В.И., Аржанов И.А.

НАТО и безопасность в Арктике: проблемы, возможности, перспективы. 92

Александрова О.А., Борковская Е.И.

«Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запятую столичная молодежь? 97

Галас М.Л.

Перспективы инвестиционной миграции в России как фактор предупреждения социальных и экономических рисков и угроз 106

Петросянц Д.В.

Анализ позитивного и негативного влияния экологических организаций на политические и экономические процессы в современной России 113

Аршин К.В.

Институты гражданского общества как агенты регулирования миграции. 120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Лукьяненко К.Т.

Рост деструктивной активности в молодежной среде: причины и перспективы 125

РЕЦЕНЗИИ

Шатилов А.Б.

Элитологический аспект политики идентичности (Рецензия на монографию Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: история, теория, практика) 129

CONTENTS

COVER STORY: PUBLIC AND LATENT POLITICS IN THE MODERN WORLD

Chepel S.L.

The Dynamics of Electoral Activity and Problems of Consolidation of "New Democracies" In Post-Communist European Countries.6

Kaminskaya T.L.

Political Media Texts and The Problem of Confidence: Modern Challenges15

Mikhaleva G.M.

Street Activity as a Form of Election Campaigning22

Brega G.V.

International Sanctions and Domestic Threats in the Assessments of the Russian Entrepreneurs31

Bulatov A.G.

Recruitment Channels of the Highest Administrative Elite of Russia39

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Kapto A.S.

UNESCO Youth Strategy43

Mamedzade I.R.

Modern Philosophy of Azerbaijan: Achievements and Prospects of Development ... 49

Kurylev K.P., Danyuk N.S., Semibratov E.V., Nikulin M.A.

Russia's Role in the Formation of the Conceptual Provisions of the Eurasian Security56

Pachkalov A.V.

Frankfurt am Main as a Center of Formation of Financial Oligarchy66

Zamaraeva E.I.

Factors of the Variability of Sociocultural Dynamics in the Context of Intercultural Communication73

Seleznev P.S., Shalaev I.L.

National Policy in a Multinational State: Balance of Interests or Hegemony of Powers that Be?79

Kharchilava Kh.P., Mukhin K. Yu., Bashkov D. Yu.

Theoretical and Methodological Foundations of the Formation of Concepts of Social Science, Affecting the Development of Human Capital.86

CURRENT SOCIO-POLITICAL AND HUMANITARIAN RESEARCH

Glotov V.I., Arzhanov I.A.

NATO and Arctic Security: Challenges, Opportunities and Prospects92

Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I.

"Buy or Rent": What Do Metropolitan Youth Choose?97

Galas M.L.

Prospects of Investment Migration in Russia as a Preventive Factor of Social and Economic Risks and Threats 106

Petrosyants D.V.

Analysis of the Positive and Negative Impact of Environmental Organisations on Political and Economic Processes in Modern Russia 113

Arshin K.V.

Civil Society Institutions as Agents of Migration Regulation 120

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

Lukianenko K.T.

Growth of Destructive Activity among Young People: Causes and Prospects. 125

REVIEW

Shatilov A.B.

Elitological Aspect of Identity Politics (Review of the Monograph: V. Sh. Surguladze. Identity Politics in the Realities of National Security: History, Theory, Practice) 129

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТАМеждународный
научно-практический журнал
Том 9, № 5 (41), 2019

Главный редактор –

А.Б. ШатиловЗаведующий редакцией
научных журналов –**В.А. Шадрин**

Выпускающий редактор –

Ю.М. АнютинаКорректоры – **С.Ф. Михайлова,****Е.В. Маурина**Верстка – **С.М. Ветров**Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6Тел.: **8 (499) 943-98-02**E-mail: julia.an@mail.ru[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)Оформление подписки
в редакциипо тел.: **8 (499) 943-94-31,**e-mail: MMKorigova@fa.ru;**Коригова М.М.**

Подписано в печать 01.10.2019

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 15,84 усл.п. л.

Заказ № 859

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. AnyutinaProofreaders – **S.F. Mihaylova,****E.V. Maurina**Design, make up – **S.M. Vetrov**Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993tel.: **+7 (499) 943-98-02**E-mail: julia.an@mail.ru[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 943-94-31**e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 01.10.2019

Format 60 x 84 1/8.

Size 15,84 printer sheets.

Order № 859

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-14

УДК 32(045)

Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы

С.Л. Чепель

Финансовый университет;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамика электоральной активности граждан посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы в период 2001–2018 гг. как важный индикатор процесса консолидации демократии. На основе сравнительного подхода выявляются различия в поведении избирателей в посткоммунистических и поставторитарных странах, анализируются особенности влияния социального, социокультурного и институционального факторов на электоральное участие в «новых демократиях». Автор отмечает, что основное воздействие на уровень электоральной активности населения оказывает социокультурный фактор, как соотношение в общественном сознании ценностей выживания и ценностей самовыражения. Подчеркивается, что преобладание в культуре посткоммунистических обществ ценностей выживания обусловило преимущественно утилитарное отношение граждан к демократии, что привело к снижению явки на выборы в атмосфере массового разочарования результатами рыночной экономической реформы и сохранению невысокого уровня электоральной активности в последующий период. Отмечается также слабая институционализация политических партий в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, оказавшихся по этой причине неспособными эффективно противодействовать нарастающему абсентизму в рядах избирателей.

Ключевые слова: электоральная активность; консолидация демократии; посткоммунистические «новые демократии»; поставторитарные «новые демократии»; ценности самовыражения; ценности выживания; партийная идентификация

Для цитирования: Чепель С.Л. Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-6-14

ORIGINAL PAPER

The Dynamics of Electoral Activity and Problems of Consolidation of “New Democracies” In Post-Communist European Countries

S.L. Chepel

Financial University,

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

ABSTRACT

The article deals with the dynamics of electoral activity of citizens which comes out as an important indication of the on-going process of consolidation of democracy in the post-communist countries of Central and Eastern Europe in the period from 2001 to 2018. The comparative analysis helps to show the differences in voter's behaviour in post-communist and post-authoritarian countries as well as to point out the peculiar impact of social, socio-cultural and institutional factors on voter turnout in “new democracies”. The author stresses that sociocultural factor considered as a correlation of survival values and values of self-expression in mass conscience exerts the primary influence on the level of participation of citizens in elections. The author emphasised that the prevalence of survival values in the culture of post-communist societies is the primary reason for utilitarian relation of

people to democracy. It, in its turn, contributes to decreasing participation in elections in the conditions of mass disappointment in the results of market economy reforms and low-level electoral activity later on. More to that, weak institutionalisation of political parties in post-communist countries in Central and Eastern Europe proved to be unable to hinder effectively growing absenteeism of voters.

Keywords: electoral activity; consolidation of democracy; post-communist “new democracies”; post-authoritarian “new democracies”; values of self-expression; values of survival; party identification

For citation: Chepel S.L. The dynamics of electoral activity and problems of consolidation of “new democracies” in post-communist European countries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-6-14

Стагнация демократической волны, ставшая глобальной политической тенденцией первого десятилетия XXI в., отчетливо проявилась в посткоммунистических странах, где с начала 2000-х гг. наблюдалось последовательное снижение показателя качества демократии. По данным проекта Nations in Transit, осуществляемого Freedom House с целью изучения тенденций развития политических процессов в посткоммунистических государствах Европы и постсоветских государствах Евразии, в 2017 г. впервые с 1995 г. в этой группе стран число консолидированных авторитарных режимов превысило число консолидированных демократий (<https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2017>). В 2018 г. в 19 из 29 исследуемых посткоммунистических и постсоветских государств было отмечено снижение показателя качества демократии по всем категориям оценки, таким как демократичность системы правления на национальном и локальном уровне, избирательный процесс, гражданское общество, независимость СМИ, независимость судебной системы, коррупция. А также было зафиксировано наибольшее падение среднего значения показателя качества демократии за последние 23 года реализации проекта (<https://freedomhouse.org/.../nations-transit/nations-transit-2018>). Общая тенденция снижения показателя качества демократии имела определенную субрегиональную специфику. Если его среднее значение с 2008 по 2018 г. в группе посткоммунистических и постсоветских стран снизилось с 0 до -0,32, то в Балканском субрегионе до -0,19, в Евразийском до -0,33, а в субрегионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) до -0,40 (<https://freedomhouse.org/.../nations-transit/nations-transit-2018>). На первый взгляд, эти результаты выглядят неожиданными, так как страны ЦВЕ были одними из наиболее успешных участников «третьей волны», сумевших за относительно короткий историче-

ский период пройти путь от мобилизационной диктатуры до стабильной демократии. Однако именно на фоне прошлого успеха тенденция снижения качества демократии проявилась в странах ЦВЕ ярче, чем в государствах Балканского и Евразийского субрегионов, которые в начале XXI в. представляли собой в основном полуконсолидированные демократии, смешанные режимы и полуконсолидированные автократии. Поэтому субрегион ЦВЕ представляется одним из наиболее интересных объектов изучения с целью определения факторов, сдерживающих процесс консолидации молодых демократических режимов. Разделяемое широким кругом исследователей мнение сводится к тому, что стагнация демократической волны демонстрирует ограниченную способность населения стран «новой демократии» успешно адаптироваться к условиям общества открытого типа. «Нужно быть готовым к тому, — писал еще в середине 90-х гг. Ф. Шмиттер, — что эйфория народных масс сменяется шоком понимания того, что падение тиранов не означает чудесного появления бесконечной гармонии и добрых чувств; ...что само по себе пришествие демократии не приносит заодно свободу и равенство, рост благоденствия и справедливость, безопасность и равные возможности, автономию и подотчетность властей» [1]. Но при этом дискуссионным остается вопрос о вероятности трансформации глубокого общественного недовольства правительственной политикой в масштабное разочарование демократией и очередной авторитарный отлив.

В условиях демократии важным индикатором отношения граждан к политической системе является электоральное поведение, характер которого позволяет судить как об уровне легитимности властных институтов, так и о степени институционализации политических партий. Поэтому исследование динамики электоральной активности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы в период 2001–2018 гг.

является актуальным в плане ответа на вопрос о степени устойчивости режимов «новой демократии» и вероятности их поворота к авторитарной системе либо к использованию отдельных методов авторитарного правления. В статье анализ электоральной активности проводится с использованием электоральной статистики и данных социологических опросов в таких странах ЦВЕ, как Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия. Методологической основой исследования является сравнительный подход, применяемый как с целью выявления различий в электоральном поведении граждан посткоммунистических и поставторитарных «новых демократий», так и с целью определения особенностей динамики электоральной активности в странах, отобранных для изучения. Принципом отбора кейсов выступает стратегия «наибольшего сходства», ограничивающая поле исследования государствами, близкими в плане исторического, экономического, социального и культурного развития, что позволяет сосредоточить внимание на выявлении общего и особенного в их политической эволюции. Действительно, в период существования социалистического содружества страны ЦВЕ отличались от республик СССР более дифференцированной социальной структурой, более высоким уровнем жизни и более гибкой экономической системой. В отличие от политических режимов, возникших на постсоветском пространстве, в этих странах политическая оппозиция играла заметную роль в ходе демократического транзита, который поэтому осуществился либо в виде реформы, либо в виде пакта. Несмотря на то, что переход к демократии в Румынии в некоторой степени напоминал революцию, включение этой страны в число рассматриваемых кейсов вполне оправданно с методологической точки зрения. Как справедливо указывали Т. Карл и Ф. Шмиттер, обращаясь к румынскому примеру, «при более тщательном анализе развития событий в этой стране становится ясно, что, несмотря на отдельные вспышки насилия и стихийную мобилизацию масс, действительный ход транзита и его результаты неизменно оставались под контролем сил, сложившихся внутри старого режима» (<https://www.eui.eu/.../SPS/.../Schmitter/Democratization.pdf>).

Как известно, политические режимы социалистических стран практиковали регулярные парламентские выборы, используя их как средство легитимации власти господствующей партии, идеологического воспитания и политической

мобилизации масс. Участие подавляющего большинства граждан в голосовании за кандидатов от т.н. «нерушимого блока коммунистов и беспартийных» выступало символом безоговорочной поддержки ведущей и направляющей роли партийного руководства страны. После распада коммунистических режимов и проведения учредительных демократических выборов электоральная активность в «новых демократиях» в первой половине 1990-х гг. сохранялась на достаточно высоком уровне, в большинстве случаев — сопоставимом с уровнем «старых демократий». По данным Межпарламентского союза, явка на парламентских выборах, проходивших с 1991 по 1996 г. составляла в Болгарии 83,8%, в Венгрии — 68,9%, в Польше — 52,1%, в Румынии — 76,2%, в Словакии — 75,4%, в Чехии — 76,4%. В этот же период доля граждан, принявших участие в голосовании в ходе парламентских выборах, составила в Великобритании 77,0%, в ФРГ — 78,9%, в Швеции — 86,8% (<http://archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>). Главной причиной высокой электоральной активности в начальной фазе демократического транзита стала эмоциональная мобилизация масс, вызванная ростом позитивных ожиданий после распада системы однопартийного правления, дискредитировавшей себя как экономически, так и политически. Эти ожидания в основном были связаны с повышением уровня жизни, увеличением политического влияния общества, гарантией индивидуальных прав и свобод. Характеризуя атмосферу массового социального оптимизма, исследователь гражданского общества в посткоммунистических странах Европы М. Ховард подчеркивал, что «несмотря на страхи и неопределенность относительно того, куда эти изменения заведут, большинство пережили, по крайней мере, краткий миг искреннего волнения, надежд и идеализма в это время быстрой трансформации» [2, с. 44]. Однако в дальнейшем преобладающей тенденцией политического развития «новых демократий» Центральной и Восточной Европы становится снижение явки на выборы. Более чем за 25 лет посттоталитарного развития, начиная с 1991 г., электоральная активность в Румынии упала на 37%, в Болгарии — на 30%, в Чехии и Словакии — на 16%, в Польше — на 1% и только в Венгрии выросла примерно на 1% (<http://archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>). Что же касается периода 2001–2018 гг., то, как следует из табл. 1, сокращение участия в голосовании было особенно резким в Румынии и Болгарии, заметным в Сло-

Таблица 1 / Table 1

**Явка на парламентские выборы в период 2001–2018 гг., % от числа имеющих право голоса) /
Turnout in the parliamentary elections in the period 2001–2018, % of the number of voting right**

Страна / Период	2001–2003	2004–2006	2007–2010	2011–2014	2015–2018
Болгария	67,3	55,7	60,9	50,5	54,0
Венгрия	70,5	67,5	64,3	60,5	69,6
Польша	46,2	40,4	53,8	48,9	50,9
Румыния	65,0	58,4	39,2	41,7	39,4
Словакия	69,9	54,6	58,6	59,1	59,8
Чехия	58,0	64,4	62,5	59,4	60,7
Аргентина	75,0	70,9	72,2	76,3	76,8
Бразилия	69,0	74,0	81,3	80,7	79,8
Эквадор	64,0	63,5	75,7	80,8	81,7
Великобритания	59,3	61,4	65,4	66,1	68,8
ФРГ	79,0	77,6	70,7	71,5	76,1
Швеция	80,1	81,9	84,6	85,8	87,1

Источник / Source: IFES Election Guide (<https://www.electionguide.org/>); IPU PARLINE database on national parliaments (<https://www.archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>).

вакии. В Венгрии и Чехии явка на парламентские выборы практически не изменилась, а в Польше повысилась.

Снижение электоральной активности в посткоммунистических странах принято объяснять глубоким разочарованием населения в результатах реформ, оказавшихся далекими от социальных ожиданий. Как отмечала в частности испанский политолог К. Гонсалес-Энрике, «потеря интереса к участию в выборах вполне очевидно связана с чрезвычайно сильным недовольством функционированием новых демократий в большей части стран Восточной Европы» (https://www.persee.fr/doc/reseo_0330-0599_1996_num_27_3_2798). Действительно, за переход к рыночной экономике посткоммунистические общества заплатили высокую социальную цену, прежде всего, в виде резкого снижения реальных доходов населения. Перевод экономики на рельсы рыночного развития, а также распад системы экономического сотрудничества социалистических стран, который привел к потере части рынков сбыта продукции, вызвали значительное падение производства и занятости. Но даже преодоление со временем трансформационного спада в экономике не могло привести к быстрому росту общественного благосостояния. Характеризуя социальную ситуацию в странах

ЦВЕ, И. С. Яжборовская вполне оправданно отмечает, что «если в течение 90-х гг. большинство трудящихся ожидали от рынка благосостояния, то в начале XXI в. мифологемы этого ряда остались в прошлом» [3, с. 216]. При этом все же необходимо подчеркнуть, что острые социальные проблемы, неудовлетворенность деятельностью правительств испытывали не только посткоммунистические, но и поставторитарные демократизирующиеся общества, составляющие мировую экономическую периферию. Тем не менее, здесь, в отличие от посткоммунистических стран, не наблюдалось резкого падения электоральной активности, и с 1991 г. показатели участия населения в голосовании демонстрируют относительную стабильность. В таких типичных поставторитарных государствах Латинской Америки как Аргентина, Бразилия, Эквадор, долгое время находившихся под властью военных диктатур, явка на парламентские выборы в периоды 1992–1994 гг. и 2015–2018 гг. составила 79,7 и 76,8%; 82,2 и 79,8%; 73,0 и 81,7% соответственно (<http://archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>), (www.electionguide.org). Таким образом, за четверть века активность избирателей снизилась в Аргентине на 2,9%, в Бразилии — на 2,4% (т.е. незначительно), а в Эквадоре даже выросла на 8,7%. Что же касается периода 2001–2018 гг., то,

как следует из *табл. 1*, явка на парламентские выборы в этих странах не снизилась, а выросла, сравнявшись с уровнем зрелых демократий.

Различия в динамике электоральной активности в посткоммунистических и поставторитарных «новых демократиях» во многом были обусловлены фактором предшествовавшего социально-экономического и политического развития. После начала демократического транзита правительства большинства посткоммунистических государств столкнулись с необходимостью осуществления одновременного перехода к рыночной экономике, к открытому обществу и к многопартийности. Очевидно, что такая тройная трансформация стала тяжелым испытанием для населения бывших социалистических стран. В этом плане историческое преимущество многих поставторитарных государств заключалось в том, что приоритетной задачей их режимной трансформации являлась политическая демократизация, так как основы экономики свободного рынка и гражданского общества были заложены в ходе предшествующего развития. Социальным следствием рыночной реформы в посткоммунистических странах стала маргинализация широких слоев населения, значительное увеличение доли бедных, нарастающая имущественная дифференциация, т.е. все то, что воспринималось преобладающим в обществе эгалитарным сознанием как несправедливость, разрушающая основы социальной солидарности. Застойный характер приобрела безработица в результате закрытия убыточных производств, оптимизации численности занятых на приватизированных предприятиях, сокращения служащих в государственных учреждениях. На протяжении большей части периода 2001–2018 гг. во всех посткоммунистических странах ЦВЕ проблема занятости продолжала оставаться довольно острой. По данным Всемирного Банка, в 2001 г. особенно высокий уровень безработицы наблюдался в Болгарии — 19,9%, Польше — 18,3%, Словакии — 19,3%, более низкий в Чехии — 7,9%, Румынии — 6,5%, Венгрии — 5,6%. В дальнейшем доля незанятой рабочей силы медленно сокращалась, но еще в 2015 г. она составляла в Болгарии 9,1%, в Польше — 7,5%, в Словакии — 11,4%, в Чехии — 5,0%, в Румынии — 6,8%, в Венгрии — 6,8% (<https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs>). Как известно из социологии, следствием безработицы всегда становится социальное отчуждение как невозможность, а в дальнейшем и неспособность граждан систематически включаться в общественную

жизнь. В политическом измерении социальное отчуждение означает отсутствие у людей материальных, информационных, психологических ресурсов, необходимых для активного участия в политическом процессе. Казалось бы, несбывшиеся ожидания должны были подтолкнуть «проигрывающие» социальные группы к активным политическим действиям протестного характера. Однако, как справедливо отмечает М. Ховард, обращаясь к проблеме «инфляции ожиданий» в посткоммунистических странах, «на самом деле подтверждается другая гипотеза относительно того, что те, кто явно разочарован, более склонны к фрустрации, пассивности и отказу от активной гражданской позиции» [2, с. 123]. Иными словами, ощущение собственной социальной беспомощности и убежденность в том, что политические элиты игнорируют их интересы, ведет к потере веры «проигравшими» в то, что участие в голосовании на выборах может изменить их положение к лучшему.

В отличие от посткоммунистических стран, поставторитарные общества, имевшие продолжительный опыт капиталистического развития, обладали большей адаптивностью к постоянным колебаниям конъюнктуры свободного рынка. К тому же сложившаяся четко дифференцированная социальная структура, ясное осмысление массовым гражданином своей социально-групповой идентичности способствовали адекватному исполнению им роли относительно активного избирателя. По данным Всемирного Банка, в начале 2000-х гг. в поставторитарных странах также имел место довольно высокий уровень безработицы. Так, в 2001 г. он достигал в Аргентине 17,3%, в Бразилии — 9,3%, в Эквадоре — 10,7%. В последующий период безработица сократилась, но в 2015 г. ее уровень составлял в Аргентине 7,1%, в Бразилии — 8,4%, в Эквадоре — 3,6% (<https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs>). Тем не менее явка на выборы в первой половине 2000-х гг. оставалась достаточно высокой, практически не снижалась, а в дальнейшем даже выросла. С этой точки зрения, можно точнее оценить различия в электоральной динамике в рассматриваемых посткоммунистических государствах. Те из них, которые еще в период социализма предприняли попытки реформирования своих экономических систем в направлении либерализации ценообразования и частичного отказа от централизованного планирования производства оказались лучше подготовлены к проведению масштабной рыночной трансформации,

в том числе и потому, что население обладало некоторыми навыками существования в условиях гибкой экономической конъюнктуры. Прежде всего, речь идет о Венгрии, где в результате реформы 1968 г. началось постепенное движение от административно-командной системы управления экономикой к системе рыночной экономической регуляции. На рубеже 70–80-х гг. XX в. реформа, направленная на внедрение элементов рыночной экономики в сельском хозяйстве, промышленности и торговле была предпринята и в Польше. Думается, что не слишком высокие, но стабильные показатели электоральной активности, наблюдавшиеся в Венгрии и Польше на протяжении всей их посткоммунистической истории с 1991 г. стали проявлением рациональной политической культуры общества, которая во многом сформировалась под влиянием опыта жизни в условиях хотя и ограниченной, но все же реальной экономической и социальной свободы. В других же странах ЦВЕ в социалистический период продолжала существовать высоко централизованная директивная экономическая система, блокировавшая развитие частной экономической инициативы, а значит и становление рационального рыночного мышления. Именно его дефицитом, прежде всего в таких странах как Болгария и Румыния, можно объяснить завышенные ожидания начального этапа посткоммунистического развития, вылившиеся сначала в стремительный подъем, а затем не менее резкий спад электоральной активности в атмосфере нарастающего социального разочарования. Что же касается Чехии и Словакии, то курс на построение более открытого общества, предпринятый правительством еще в период существования единого социалистического государства, был, как известно, прерван в 1968 г. вводом войск государств — членов Варшавского договора. Рыночная экономическая реформа стартовала в Чехословакии только после распада тоталитарной системы в 1989 г., и общество оказалось недостаточно готово к адекватному восприятию рыночных экономических преобразований и их социальных последствий, что проявилось в существенном спаде явки на выборы.

Отмечая роль фактора «шока трансформации» в сокращении явки на выборы, необходимо все же признать, что по мере адаптации населения посткоммунистических стран ЦВЕ к социальным издержкам рыночной экономики, его влияние на политическое поведение последовательно сокращалось. Из этого следует, что более существенное

и долговременное воздействие на динамику электоральной активности оказывал фактор ценностных ориентаций, которые, сформировавшись еще в условиях тоталитарного режима, продолжали сохраняться в политической культуре посткоммунистических обществ. Поэтому можно согласиться с тем, что «заметные различия в характере электорального участия, как и политического участия в целом, отразили культурно обусловленное расхождение в оценках граждан посткоммунистических и поставторитарных «новых демократий» значения демократии для общества и отдельной личности» [4]. Сравнительный анализ траекторий режимных трансформаций в странах «третьей волны» демократизации позволяет сделать вывод о том, что успех в деле консолидации «новых демократий» был во многом связан со степенью распространения в общественном сознании ценностей самовыражения. Ведь устойчивая поддержка процесса демократизации возможна лишь при условии внутренней убежденности широких слоев населения в том, что демократическое политическое устройство ценно само по себе, так как выступает гарантом политических прав и гражданских свобод, которыми общество дорожит. Падение явки на выборы после непродолжительного периода подъема общественно-политической активности в начале демократического транзита свидетельствовало об ограниченном проникновении ценностей самовыражения в культуру посткоммунистических обществ. Обращаясь к этой проблеме, Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали, что «разочарование первыми результатами перехода может привести к ослаблению поддержки демократии, если она не закреплена в сознании людей ценностями самовыражения» [5, с. 180]. Действительно, партийная мобилизационная идеология и жесткий государственный контроль как средства политического управления, использовавшиеся предшествующим режимом, подавляли любые проявления свободы личности. Не меньшим препятствием на пути распространения ценностей самовыражения стал низкий уровень общественного благосостояния, как результат неэффективной административно-командной социалистической экономики. Экономический кризис периода рыночной трансформации лишь усилил влияние на политическое поведение граждан ценностей выживания. Следствием их преобладания в культуре посткоммунистических обществ явился преимущественно утилитарный характер мотивов поддержки демократического

режима, доверие которому тесно увязывалось избирателями с эффективностью правящих элит в деле повышения доходов населения. Но, как показывает история, такая функциональная легитимация властных институтов всегда неустойчива и быстро растворяется в условиях экономического спада. Напротив, курс большинства авторитарных режимов на расширение экономической и социальной свободы личности, как главного фактора успеха процесса экономической модернизации, не мог не привести к некоторому закреплению в культуре общества ценностей самовыражения. Именно с этим связана преимущественно ценностная, а не утилитарная поддержка демократических режимов в поставторитарных странах, где, несмотря на социальные трудности и неудовлетворенность граждан деятельностью правительств по их преодолению, не наблюдалось заметного спада электоральной активности. Подтверждением тому служат примеры рассмотренных поставторитарных латиноамериканских государств, где явка на выборы сохранялась на достаточно высоком уровне на протяжении всего периода демократизации, а с 2001 г. даже росла. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением Р. Инглхарта и К. Вельцеля, о том, что «если разочарование сочетается с широким распространением ценностей самовыражения, эта ситуация, вероятнее всего, даст толчок эффективным массовым противоэлитным акциям» [5, с. 181]. Данная оценка важна и потому, что она помогает выявить особенности электоральной динамики в различных посткоммунистических странах ЦВЕ, которые Р. Инглхарт предложил разделить на западный и восточный типы, как социокультурные категории. По его утверждению, традиции западного христианства в большей степени, чем восточного, способствовали наращиванию темпов экономического роста и повышению общественного благосостояния в странах ЦВЕ в XX в., что сказалось на степени распространения в массовом сознании ценностей самовыражения, а в дальнейшем и предопределило траектории их посткоммунистического развития. Обращаясь к проблеме спада противозэлитной активности в «новых демократиях», Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечают, что «в наибольшей степени он проявился в восточной группе посткоммунистических стран (Болгария, Румыния), где ценности самовыражения особенно слабы, и, напротив, три страны, относящиеся к западной посткоммунистической группе (Венгрия, Польша и Словения), демонстрируют рост противозэлитной

активности, а в трех других (Чешская Республика, Словакия и Восточная Германия) она снизилась незначительно» [5, с. 188]. Конечно, используемое Р. Инглхартом и К. Вельцелем понятие «противозэлитная активность» охватывает политическое участие в целом, включая его электоральную и неэлекторальную формы. Тем не менее, выделенные авторами тенденции развития противозэлитной активности в различных типах посткоммунистических обществ полностью совпадают с динамикой электорального участия в рассматриваемых странах ЦВЕ. Как было показано выше, наибольшее сокращение явки на выборы наблюдалось в Болгарии и Румынии, что отразило крайний дефицит ценностей самовыражения в общественном сознании. В то же время в Венгрии и Польше, обладавших к началу демократического транзита определенным опытом рыночных экономических и социальных реформ, отдельные элементы ценностей самовыражения закрепились в массовой культуре, что обусловило не слишком высокий, но стабильный уровень электоральной активности граждан. Преобладание ценностей выживания над ценностями самовыражения в культуре Чехии и Словакии, в силу противоречивого развития экономических и политических процессов в этих странах в период социализма, проявилось в заметном, но не столь глубоком, как в Болгарии и Румынии, падении явки на выборы.

Помимо социального и социокультурного факторов заметное воздействие на динамику электоральной активности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы оказал также институциональный фактор. Как отмечал в свое время Г. Алмонд, «выборы могут служить общенациональными уроками гражданского воспитания, где учителями являются партии» [6, с. 114]. Иными словами, условием достижения высокого уровня электорального участия выступает устойчивая партийная система, способная к эффективной мобилизации граждан в качестве избирателей. Для посткоммунистических стран характерна в целом ограниченная степень институционализации политических партий, которая в широком смысле трактуется как признание обществом их значимой роли в процессе функционирования политической системы. Как следует из *табл. 2*, по среднему показателю доверия политическим партиям «новые демократии» в странах ЦВЕ отстают, хотя и не очень сильно, от «старых демократий» Европы.

Но при этом необходимо иметь в виду, что невысокие показатели доверия партиям в странах

Таблица 2 / Table 2

**Доверие политическим партиям в странах Европы в период 2004–2016 гг.
(по шкале от 0 до 10, среднее значение) / Trust in political parties in Europe in the period
2004–2016 (on a scale from 0 to 10, average)**

Страна / Год	2004	2008	2010	2012	2014	2016
Болгария	—	1,7	2,0	1,8	—	—
Венгрия	2,7	2,0	3,1	4,2	3,0	3,6
Польша	1,9	2,3	2,5	2,2	2,0	2,4
Словакия	2,7	3,6	2,7	2,8	—	—
Чехия	2,7	2,9	2,7	2,7	3,4	3,5
Средний показатель «новых демократий»	2,5	2,5	2,6	2,7	2,8	3,2
Германия	3,2	3,5	3,4	3,8	3,9	4,2
Великобритания	3,7	3,6	3,5	3,7	3,5	3,8
Швеция	4,4	4,8	5,1	4,9	5,1	4,8
Средний показатель «старых демократий»	3,8	4,0	4,0	4,1	4,2	4,3

Источник / Source: European Social Survey. Data and Documentation. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org>.

Запада связаны с индивидуализацией политического поведения граждан под влиянием постматериалистических ценностных ориентаций. В странах же «новой демократии» в массовом сознании преобладают ценности материалистические, что укрепляет коллективистские настроения и косвенно должно способствовать сплочению избирателей вокруг партий, как руководителей борьбы за социально-экономические интересы. Причины относительной слабости института политических партий в посткоммунистических странах ЦВЕ следует искать в недавнем прошлом. Социально-политические размежевания, которые легли в основу партийных систем стран Западной Европы, получили ограниченное партийное выражение в странах Восточной и Центральной Европы в силу более позднего вступления в процесс модернизации. Политические партии, которые все же возникли в первой половине XX в. и частично возродились после окончания Второй мировой войны были практически полностью ликвидированы в ходе становления тоталитарных режимов. Можно сказать, что в ходе демократического транзита история политических партий в посткоммунистических странах ЦВЕ началась фактически с чистого листа, и политическая демократизация не привела к появлению стабильных партийных систем. Как точно заметил

в этой связи К. Лоусон, «посттоталитарная оттепель позволила восстановить демократические институты, но не возродила старые партии или старые деления» [7, с. 52]. Нестабильность поддержки партий избирателями была обусловлена также масштабной социальной маргинализацией в результате перехода к рыночной экономике. Однако и возникновение более структурированного электорального поля по мере преодоления последствий трансформационного кризиса не принесло значительного укрепления партийной идентификации граждан посткоммунистических государств ЦВЕ. По данным проекта «Европейское социологическое исследование», в 2016 г. о том, что определенная политическая партия им особенно близка, заявили в Венгрии 41% граждан, в Польше — 29%, Чехии — 35%, а в Германии — 55%, в Великобритании — 51%, в Швеции — 63% (<https://www.europeansocialsurvey.org>). Следовательно, можно утверждать, что действующие партии, не обладая весомым потенциалом общественного доверия и не располагая устойчивым собственным электоратом, не в состоянии эффективно противостоять росту абсентеизма в рядах избирателей.

Таким образом, динамика электоральной активности свидетельствует о том, что дефицит ценностей самовыражения в массовой культуре

остаётся основным фактором сдерживания процесса консолидации демократии в посткоммунистических странах ЦВЕ. Поэтому нельзя исклю-

чать, что ухудшение социально-экономической ситуации способно вызвать дальнейшее снижение качества демократии в этой группе стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмиттер Ф.К. Угрозы и дилеммы демократии. URL: old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm.
2. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс; 2009. 191 с.
3. Яжборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М.: Academia; 2008. 378 с.
4. Чепель С.Л. Политическое участие и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(6):61.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011. 464 с.
6. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс; 2002. 537 с.
7. *Cleavages, Parties and Voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Romania*. Lawson K. et al., eds. Westport, etc., 1999.

REFERENCES

1. Shmitter F.K. Dangers and Dilemmas of Democracy. URL: old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm. (In Russ.).
2. Howard M. The Weakness of Civil Society on Post-Communist Europe. Moscow: Aspekt Press; 2009. 191 p. (In Russ.).
3. Yazhborovskaya I.S. Globalization and transformation experience in Central and South-Eastern Europe Countries. Moscow: Academia; 2008. 378 p. (In Russ.).
4. Chepel S.L. Political Participation and the Problems of Consolidation of new democracies in Post-Communist countries of Europe. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;7(6):61. (In Russ.).
5. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence. Moscow: Novoe izdatelstvo; 2011. 464 p. (In Russ.).
6. Almond G., Powell G., Strom K., Dalton R. Comparative Politics Today: A World View. Moscow: Aspekt Press; 2002. 537 p. (In Russ.).
7. *Cleavages, Parties and Voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Romania*. Lawson K. et al., eds. Westport; 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ChepelSL@mpei.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Chepel — Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ChepelSL@mpei.ru

Статья поступила 01.04.2019; принята к публикации 05.05.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.04.2019; accepted for publication on 05.05.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21

УДК 342.5(045)

Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы*

Т.Л. Каминская

Финансовый университет,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-8331-8687>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема доверия в обществе, лежащая на оси «общество-власть-медиа». В рамках анализа сделан обзор подходов к концепту *доверие* в различных парадигмах гуманитарных исследований последней четверти века. Как показано, доверию в современном обществе брошен еще один вызов: распространение фейковых новостей. Обобщая данные дискурс-анализа, контент-анализа медиа, а также экспертного опроса журналистов общественно-политических медиа, автор выделяет способы борьбы общества с фейковыми новостями. Среди этих способов — технологические решения для распознавания и удаления новостей, законодательные ограничения медиаконтента, способ повышения журналистских этических и профессиональных стандартов и повышение медиаграмотности целевых аудиторий медиа.

Ключевые слова: доверие; политика; власть; медиадискурс; фейковые новости

Для цитирования: Каминская Т.Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):15-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21

ORIGINAL PAPER

Political Media Texts and The Problem of Confidence: Modern Challenges**

T.L. Kaminskaya

Financial University,
Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8331-8687>

ABSTRACT

The article deals with the problem of trust in society laying on the axis "society-power-media". The author provided an overview of approaches to the concept of *trust* in different paradigms of humanitarian studies of the last quarter of the century. As our analysis has shown, trust in modern society is challenged by a new challenge — the spread of fake news. Summarising the data of discourse analysis, content analysis of media, as well as of expert survey of journalists of social and political media, the author highlighted the ways of society's struggle with fake news. Among these methods are technological solutions for news recognition and removal, legislative restrictions on media content, improvement of journalistic ethical and professional standards and increasing media literacy of target media audiences.

Keywords: trust; politics; power; media discourse; fake news

For citation: Kaminskaya T.L. Political media texts and the problem of confidence: Modern challenges. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):15-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

Современные массмедиа — это место борьбы дискурсов, где каждая политическая сила стремится использовать различные средства и стратегии, чтобы завоевать доверие со стороны своих целевых аудиторий.

Проблема доверия обсуждается в социологических, экономических, политических и иных исследованиях: разнообразие подходов обуславливает неоднозначность интерпретаций. Доверие и недоверие, согласие и несогласие, также как и настроение масс, общественное мнение, престиж, статус, значимость, являются своеобразными ресурсами развития политического процесса и важными категориями, которые исследуются гуманитарными и социальными науками сегодня. Феномен доверия исследуют философы, политологи, социологи и лингвисты современности.

Работа Ф. Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» задала в XXI в. вектор исследования человеческого общества через категорию доверия [1]. Феноменом доверия, как считает этот знаменитый американский социолог, объясняется уровень социального и экономического развития общества: от уровня доверия в обществе зависит не только социальное устройство, но и экономический прогресс.

В политологическом анализе доверие рассматривается также как основа для формирования стабильности власти в долгосрочном периоде, определяющая ее легитимность и устойчивость. Доверие напрямую включено в механизм легитимации власти, оно формирует социальную базу поддержания властных институтов и осуществляемого ими экономического и политического курса. В рамках политологического подхода доверие рассматривается с разных точек зрения. Так, польский социолог П. Штомпка [2, с. 324–347], исходя из понимания доверия как основы общественной жизни, использует понятие «культура доверия». Доверие к политике воспринимается как отражение более обширного климата доверия, господствующего в обществе, и в целом доверие становится необходимым условием жизнеспособности политической культуры.

Не случайно и российские современные политологи и философы акцентируются на изучении политической культуры и ценностей современных общностей как факторов стабильности общества и доверия к власти. При этом, как справедливо отмечает К. Завершинский,

«в отечественной политологии, как и в теоретических построениях политологов постсоветских обществ <...> действует фактор естественного интеллектуального запаздывания по сравнению с методологическими приоритетами эволюции современной политической науки» [3].

Что касается российских политологических исследований, то в них оценивается чаще всего уровень доверия к политической власти, лидерам или партиям, факторы поддержки политического доверия, эффекты политического доверия, причины кризиса доверия и пр.

В социологии выделяют межличностное, генерализированное, институциональное доверие. Последнее связано с взаимодействием индивида и конкретного социального института. Большинство социологов опираются на идеи Н. Лумана, который рассматривает власть как средство коммуникации и считает доверие элементарной частью социальной жизни, а его центральной функцией называет уменьшение сложности мира [4]. Однако при этом Н. Луман подчеркивает и связь доверия с риском, который состоит в том, что доверительное ожидание может завершиться разочарованием.

Кроме того, в современной социологии ведутся исследования (преимущественно методом опросов и сравнением цифровых показателей политической активности населения) уровня доверия к отдельным политикам и политическим/социальным институтам (социологический центр РАН, ВЦИОМ).

Доверие рассматривается также в контексте культурного и социального капитала и считается важным, хоть и скрытым, его измерением [5]. Политическое доверие может рассматриваться как символический капитал (т.е. положительная репутация, имидж, имя, известность и пр.), который стремятся накопить политики в процессе политической коммуникации и использовать как ресурс. Местом генерирования политического доверия, производства значений доверия является медиадискурс, приобретающий в наши дни новые формы и способы завоевания аудитории. О значимости использования символического капитала территории в коммуникативных практиках власти автор писал ранее [6].

Концепции доверия присутствуют также в других отраслях социально-гуманитарного знания. Значительная часть современных гуманитарных исследований посвящена механизмам доверия к государственным и политическим

институтам, политическим лидерам и региональным руководителям.

Во многих исследованиях формирование доверия в обществе в целом и к власти, в частности, связывается с доверием к каналам массмедиа. Так, А. Ефанов справедливо отмечает, что «культура доверия строится на основе взаимодействия трех сторон: общества, органов государственной власти и СМИ (при этом ключевую роль в данном процессе играет именно институт массмедиа). В противном случае проявление недоверия к СМИ порождает угрозу нарушения коммуникативной связи между обществом и властью, а также дефицит доверия к последней» [7].

И действительно, политическая коммуникация в современном мире медиатизирована: медиа формируют мнения, образы, представления о политике и политиках. А доверие — один из аспектов медиадискурса, оказывающих влияние на конструирование политической реальности.

Что же касается анализа стратегий формирования доверия в политических медиатекстах, то русскоязычных исследований такого рода крайне мало. Анализ медиадискурса в современной российской лингвистике связан прежде всего с вычленением и описанием выразительных средств политического языка, законами самого медиадискурса. Тематический журнал «Политическая лингвистика», выходящий в Екатеринбурге, активно публикует такие исследования. В разделе «Политическая коммуникация» данного журнала публикуются статьи, связанные с отдельными языковыми средствами (метафорами, эвфемизмами), а также с описанием определенных дискурсивных практик.

Лингвисты рассматривают актуальный политический лексикон, например, Т. Шмелева — сквозь призму своей известной концепции «слово текущего момента», Е. Шейгал занимается лингвистикой политической медиаречи в сопоставительном аспекте применительно к современным социальным процессам. Известны своим интересом к политической медиакommunikation лингвистические школы факультетов журналистики Москвы и Санкт-Петербурга (МГУ: Н. Клушина, СПбГУ: Л. Дускаева), уральская лингвистическая школа (Э. Чепкина, А. Чудинов) и др. Большинство исследователей политической лингвистики в России представлено в коллективной монографии 2012 г. «Язык СМИ и политика» под редакцией Г. Солгани-

ка. Монография, впрочем, отражает в большей мере однонаправленное влияние политики на язык современных СМИ. Лингвисты вычленяют, как правило, речевые средства, используемые политиками и журналистами: прецедентные тексты, тропы, а также ошибки и ключевые слова в медиатекстах, вне связи с политическими практиками и политической обстановкой [8].

Таким образом, в российских исследованиях по теории коммуникации и лингвистике преобладает ориентировка на анализ самого политического медиадискурса как такового, без его связи со стратегическими установками завоевания доверия.

В работах европейских исследователей продвижение/развитие доверия рассматривается как семиотический процесс. Так, П. Матейкова обосновывает предположение о наличии в языке средств для формирования доверия и предлагает аналитическую модель, состоящую из четырех обязательных компонентов: интереса для партнера по коммуникации или целевой группы, достоверности коммуникации и действия, скоординированного действия и взаимного доверия [9, с. 337]. Развивать доверие можно только при языковой реализации всех компонентов. Процесс развития доверия посредством текстов будет успешным, только когда конкретный реципиент воспринимает элементы текста или весь текст как знаки и интерпретирует как сигналы благонадежности/доверительности (*vertrauenswürdigkeit*).

В русле лингвистических исследований доверие рассматривает и А. Фризе. В отличие от П. Матейковой, она выявляет не только языковые средства, но и коммуникативные стратегии. Автор задается вопросами, с помощью каких персуазивных стратегий PR можно развивать доверие и как эти стратегии выражаются/реализуются в языковом плане [10]. Традиционно в Германии (а как указывает Ф. Фукуяма, Германия — страна с высоким уровнем доверия) в исследованиях уделяется пристальное внимание политическому дискурсу, в том числе и предвыборному. Можно привести в пример коллективную монографию 2014 г. «*Sprache. Macht. Denken. Politische Diskurse verstehen und fuhren*», изданную во Франкфурте [11], сборник «*Politische Diskurskulturen in Europa*», вышедший в Висбадене и другие исследования. Политическая коммуникация исследуется в Европе преимущественно в контексте ее медиатизации [12].

Подобные исследования активно поддерживаются научными и общественными европейскими фондами. Так, при поддержке фонда Friedrich-Ebert-Stiftung в 2016 г. вышла работа «Политика и достоверность», ставящая проблему, как политика может вернуть доверие граждан. Монография содержит не только основные теоретические идеи, высказанные на научно-практической конференции с таким же названием, но и практические рекомендации [9].

Таким образом, рассматривать категорию доверия необходимо сегодня в контексте доверия к массмедиа. И в этом плане современная реальность предлагает обществу новые вызовы.

Самый очевидный из них — распространение фейковых новостей. Масштабы вызова очевидны хотя бы по опросу ВЦИОМ, проведенному в текущем году. Опрос продемонстрировал, в частности, что за последний год-два с недостоверными новостями в Интернете сталкивались 31% россиян, причем среди людей с высшим образованием эта доля выше — 38%. Каждый пятый (20%) опрошенный встречал подобные новости на телевидении (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660>).

Феномен фейковых новостей с типологизацией методов и мотивов их создания подробно рассмотрен в статье А. Суходолова и А. Бычковой. Эти исследователи предложили пять критериев классификации медиафейков, три из которых связаны с категорией достоверности. Ставя вопрос о противодействии влиянию на общество фейковых новостей в плане подрыва доверия к медиа, исследователи указывают на усилия США и Европы в борьбе с фейками, отмечая, что «Германия стала первой страной после США, где Facebook запустил в тестовом режиме систему выявления и маркировки фейковых новостей» [13, с. 163]. Что касается антифейковых технологий, то на сайте европейских медиаисследований представлено не менее десятка разработок технологических решений для распознавания фейковой информации, прежде всего — визуальной (<https://sciencemediahub.eu/2019/03/20/the-promise-and-limitations-of-technological-solutions-to-disinformation>). Между тем технологии, с помощью которых можно производить фейки, все более совершенствуются. Так, с помощью технологии Deepfake можно не только состарить любое лицо, но и заменить его в видеоконтенте, даже очень качественном. Она уже используется для замены актеров в эпизодах ху-

дожественных фильмов. Приложением FaceApp, созданным в 2017 г., может воспользоваться любой владелец смартфона.

Один из самых известных российских исследователей медиафейков, профессор СПбГУ и журналист С. Ильченко объясняет распространение фейков с возрастающей визуализацией медиаконтента легковерностью молодой аудитории: «Шоу-цивилизация как особый вариант организации информационных потоков в современном мире предполагает приоритет визуальных каналов распространения сведений в процессе коммуникации» [14, с. 71]. Он предлагает акцентировать внимание на текстовом контенте, отмечая, что сегодня «проблема достоверности информации в социальной практике, в том числе и в журналистике, решается либо простым признанием факта наглядной демонстрации визуального материала, либо попытками визуализации иных вариантов материально фиксированной информации. То есть достоверно только то, что увидела аудитория с помощью визуальных каналов информации: в телеэфире, на видеоресурсах в сети, на полосах печатных СМИ, на дисплеях гаджетов. Текстовая или аудируемая вербальная информация остается в подобном контексте некой альтернативой, тяготеющей к достоверности» [15, с. 22]. С. Ильченко создает буквально пошаговое руководство подготовки будущих журналистов к проверке информации и выявлению фейков (в частности, поиск фейков в сетевых ресурсах), так называемое «антифейковое обучение». На возможности высшего образования в предотвращении распространения и доверия к фейковой информации уповаet и А. Михальская, отмечая на примере книги М. Зыгаря «Вся кремлевская рать. Краткая история современной России» некритичность молодежной аудитории в восприятии политической информации: «Любой разумный человек, получивший обычное школьное, а тем более вузовское, образование в СССР, поймет, что дальше читать не стоит, если только не воспринимать книгу как политический триллер. Но не современный читатель поколения 30-летних, на которого и рассчитан текст» [16, с. 90].

Разумеется, нельзя не отметить российские инициативы развития законодательства в борьбе с фейками. Как известно, в 2019 г. Госдума приняла два закона, связанных с означенной темой:

о неуважении к власти в Интернете и о блокировке фейковых новостей. Анализировать эффективность и правоприменительную практику еще рано.

Российское медийное сообщество также обеспокоено кризисом доверия, однако законы восприняло с опаской. Опасения демонстрирует медиадискурс в Интернете, а также экспертный опрос российских журналистов, пишущих на тему политики (в процессе подготовки статьи опрошены 10 человек). Журналисты опасаются правоприменительной практики, в ходе которой возможно ущемление прав журналистов и, как следствие, еще один виток понижения доверия к массмедиа.

В отечественных массмедиа концепт *доверие* употребляется преимущественно в связке с концептами *политика*, *выборы*, *суд*. Например, в «Новой газете» слово *доверие* является ключевым для поиска текстов политических сюжетов и новостей, в «Медузе» оно употребляется в 70% публикаций, посвященных политике, выборам, журналистике и судебным разбирательствам (<https://meduza.io/>), в газете «Коммерсант» с июля 2018 по июль 2019 г. опубликовано на те же темы более тысячи текстов со словом *доверие* в заголовке (https://www.kommersant.ru/search/results?places=&categories=&datestart=20.07.2018&dateend=20.07.2019&sort_type=1®ions=&results_count=&page=1&search_query=%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B5). Также в медиаконтенте последних двух лет слова «хайп» и «фейк» держат первые позиции по частотности, активно обсуждаются примеры фейковых новостей мирового масштаба (<https://www.5-tv.ru/news/239842/produser-sirijskih-istorij-bbc-priznalsya-vrasprostranenii-fejkov-ohimatakah>).

Интересно, что большинство журналистов как в опросе, так и в публикациях сходятся в том, что повышение медиаграмотности аудитории — самый продуктивный метод борьбы с фейками, поскольку общество может захлебнуться в гонке технологий и разбирательстве с многочисленными нарушителями.

Для наглядной демонстрации важности доверия и его подрыва в различных политических средах посредством фейка обратимся к следующему региональному сюжету. Агитационная кампания в Думу Великого Новгорода пятого созыва по округу № 2 (2013) единственного победившего на выборах са-

мовыдвиженца Елены Михайловой базировалась на символическом капитале гендерного доверия к образу женщины, архетипу Матери (мать троих детей, преподаватель). Листовки кампании содержали слоган «Только женской заботе можно доверять. Елена Михайлова», который посредством использования трех цветов и разного размера шрифта «раскладывался» на три части: *женская забота, можно доверять и только Елена Михайлова*. С целью подрыва доверия конкурентами на популярном местном форуме была размещена фейковая новость с фотографиями семьи депутата на фоне мечети в Эмиратах. Текст сообщал, что депутат Михайлова является мусульманкой и продвигает интересы мусульманского сообщества в регионе. Несмотря на выигранный суд в процессе предвыборной кампании, данная информация активно обсуждалась и в процессе следующих выборов (<https://forumnov.com/index.php?showtopic=3513849>).

Таким образом, очевидно, что фейковые новости наносят в долгосрочной перспективе урон доверию не только к конкретным политическим акторам, но к массмедиа и власти в целом. Фейковые новости, вирусно распространяемые для решения краткосрочных политических задач, зачастую выходят далеко за рамки предвыборного процесса.

Подводя итог, следует сказать, что в современном обществе доверие (прежде всего к власти и массмедиа) является огромным ресурсом для его развития и процветания. Проблема доверия особенно актуализируется во время процесса выборов и кризисных явлений в социуме. Как представляется, основной методологической стратегией в исследованиях доверия политическим силам и личностям будут междисциплинарные методы, качественные и количественные, интегративное видение политического медиадискурса сквозь призму лингвистических и культурологических подходов. Реализация интегративного видения предусматривает объединение ученых, работающих в предметной области лингвистики, межкультурной коммуникации, политологии, философии и культурологии.

Очевидна необходимость прикладных исследований, прогнозирования и проектирования процесса политической коммуникации для завоевания и удержания доверия в условиях современных технологичных вызовов к массмедиа

и власти. Одним из серьезных вызовов доверия в обществе являются фейковые новости, технология подачи которых все совершенствуется. В настоящий момент общество предполагает отвечать на данный вызов четырьмя способами: технологическим, правовым, способом этической мобилизации медиасообщества и, наконец, повышением медиаграмотности целевых аудиторий. Модель репертуара политической

медиакоммуникации и предложение способов борьбы с медиафейками (в рамках законодательных инициатив, технологических решений и образовательных траекторий) для повышения доверия в обществе является сегодня фундаментальной научной задачей. При этом прикладной задачей является выработка мер минимизации искажения политической реальности путем фейкового медиаконтента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак; 2004. 730 с.
2. Штомпка П. Доверие — основа общества. Пер. с польск. М.: Логос; 2012. 440 с.
3. Завершинский К. Ф. Политическая культура общества: от «зависимых переменных» к «сильной программе». *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012;8(1):30–39.
4. Луман Н. Власть. Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. URL: http://gendocs.ru/v1300/%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD._%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C.
5. Бурдьё П. Политические позиции и культурный капитал. Социология политики. Пер. с франц. М.: Socio-Logos; 1993.
6. Каминская Т.Л. Процесс смены власти в регионе и символический капитал территории. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;4(28):23–26.
7. Ефанов А.А. Падение доверия к телевидению: социологический взгляд на проблему. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2018;18(2):89–94.
8. Язык СМИ и политика. Солганик Г.Я. ред., М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; 2012. 952 с.
9. Matějčková P. Vertrauen als Gegenstand einer diskurslinguistischen Analyse. Versuch einer Operationalisierung. — *Diskurslinguistik — Systemlinguistik: Theorien — Texte — Fallstudien*. Schiewe J. u.a., Hrsg. Hamburg: Verlag Dr. Kovac; 2010. 333 S.
10. Frieze A. Öffentlichkeitsarbeit und ihre Strategien der Vertrauensförderung. Eine Analyse am Beispiel des ADAC. Hamburg, Diplomica Verlag GmbH; 2017. 105 S.
11. Sprache. Macht. Denken. Politische Diskurse verstehen und führen. Frankfurt/New York: Campus Verlag; 2014. 308 S.
12. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2012. URL: <https://www.springer.com/de/book/9783531178639> (дата обращения: 20.07.2019).
13. Суходолов А.П., Бычкова А.М. «Фейковые новости» как феномен современного медиaproстранства: понятие, виды, назначение, меры противодействия. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017;6(2):143–169.
14. Ильченко С.Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики. *Гуманитарный вектор*. 2018;13(5):70–76.
15. Ильченко С.Н. Журналистика источников лжеинформации: кризис доверия в условиях шоу-цивилизации. *Век информации*. 2015;1(2–1):217–227.
16. Михальская А.К. Война слов: риторика и поэтика пропаганды. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2018;3(14):80–95.

REFERENCES

1. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity. Transl. from Eng. Moscow: "Izdatel'stvo ACT", "Ermak"; 2004. 730 p. (In Russ.).
2. Shtompka P. Trust is the foundation of society. Transl. from Polish. Moscow: Logos; 2012. 440 s. (In Russ.).
3. Zavershinsky K. F. Political culture of society: from the "dependent variable" to "strong program". *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS*. 2012;1(8):30–39. (In Russ.).

4. Luhmair Niklas. Power. Transl. from German. Moscow: Praxis; 2001. URL: http://gendocs.ru/v1300/%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D1%81_%D0%BB%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD._%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C (accessed on 20.07.2019). (In Russ.).
5. Bourdieu P. Political positions and cultural capital. Sociology of politics. Transl. from French. Moscow: Socio-Logos; 1993:99–158. (In Russ.).
6. Kaminskaja T.L. The process of change of power in the region and the symbolic capital of the territory. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;4(7):23–26. (In Russ.).
7. Efanov A.A. Falling confidence in television: A sociological view of the problem. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki*. 2018;2(18):89–94.
8. Solganik G. Ya., ed. Media language and politics. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova; 2012. 952 p. (In Russ.).
9. Matějková P. Vertrauen als Gegenstand einer diskurslinguistischen Analyse. Versuch einer Operationalisierung. — Diskurslinguistik — Systemlinguistik: Theorien — Texte — Fallstudien. Schiewe J. u.a., Hrsg. Hamburg: Verlag Dr. Kovac; 2010. 333 p.
10. Frieze A. Öffentlichkeitsarbeit und ihre Strategien der Vertrauensförderung. Eine Analyse am Beispiel des ADAC. Hamburg: Diplomica Verlag GmbH; 2017. 105 p.
11. Sprache. Macht. Denken. Politische Diskurse verstehen und führen. Frankfurt/New York: Campus Verlag; 2014. 308 p.
12. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 2012. URL: <https://www.springer.com/de/book/9783531178639> (accessed on 20.07.2019).
13. Suhodolov A. P., Bychkova A. M. “Fake news” as a phenomenon of modern media space: concept, types, purpose, countermeasures. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2017;2(6):143–169. (In Russ.).
14. Ilchenko S. N. Fake as an anti-source of information: Risk for professional standards of journalism. *Gumanitarnyj vektor*. 2018;5(13):70–76. (In Russ.).
15. Ilchenko S. N. Journalism of sources of false information: The crisis of confidence in terms of civilisation. *Vek informacii*; 2015;2–1(1):217–227. (In Russ.).
16. Mihalskaya A. K. Battle of words: rhetoric and poetics of propaganda. *Ekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2018;3(14):80–95. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Леонидовна Каминская — доктор филологических наук, доцент, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
tlkam1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana L. Kaminskaya — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
tlkam1@mail.ru

Статья поступила 20.07.2019; принята к публикации 02.08.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.07.2019; accepted for publication on 02.08.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-22-30

УДК 32.019.5(045)

Уличная активность как форма предвыборной агитации

Г.М. Михалёва

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-2226-7374>

АННОТАЦИЯ

Протестная активность — уличные акции, имеющие множество форм и тем, используются как парламентскими, так и непарламентскими, имеющими формальный статус (зарегистрированными) и неформальными (незарегистрированными) партиями. До 2011–2012 гг. эти методы политической работы использовались в первую очередь партиями, называющими себя оппозиционными, но после массовых «белоленточных» протестов так называемых рассерженных горожан этот способ привлечения внимания и мобилизации сторонников стал активно использоваться и пропрезидентскими/проправительственными партиями. В ранее опубликованных работах уже исследовались формы и частота проведения уличных акций [1, 2]. В этой статье результаты исследования будут дополнены анализом использования партиями уличных акций как формы агитации в период выборов в Государственную Думу 2016 г.

Ключевые слова: протестная активность; уличные акции; агитация; выборы; партии

Для цитирования: Михалёва Г.М. Уличная активность как форма предвыборной агитации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):22–30. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-22-30

ORIGINAL PAPER

Street Activity as a Form of Election Campaigning

G.M. Mikhaleva

Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2226-7374>

ABSTRACT

Protest activity-street actions, which have many forms and themes, are used by both parliamentary and non-parliamentary parties, which have a formal status (registered) and informal (unregistered) parties. Until 2011–2012, these methods of political work were used primarily by parties calling themselves opposition, but after mass ‘white ribbon’ protests of so-called angry citizens, this method of attracting attention and mobilising supporters was actively used by pro-presidential/pro-government parties. Previously published works have already investigated the forms and frequency of street actions [1, 2]. In this article, the results of the study will be supplemented by an analysis of the use of street actions by parties as a form of agitation during the 2016 state Duma elections.

Keywords: protest activity; street actions; agitation; elections; parties

For citation: Mikhaleva G.M. Street activity as a form of election campaigning. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):22–30. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-22-30

В современном российском партийном спектре, сложившемся после либерализации Закона о партиях, в числе 65 (на 2017 г.) зарегистрированных Минюстом политических партий существуют следующие типы (<http://minjust.ru/runko/gosreg/partii/spisok>):

- четыре партии, представленные в парламенте, три из которых называют оппозиционными; однако они полностью поддерживают внешнюю и — в значительной степени — внутреннюю политику Президента России в рамках «Крымского консенсуса»;

- партии, получившие более 3% на прошлых парламентских выборах или имеющие представительство в региональных законодательных собраниях, значительная часть из которых также разделяет позиции президента; они делятся на две группы — акцентуированно работающие против парламентских или непарламентских партий спойлеры (отбирающие голоса у других) или фейковые партии (виртуальные политические бизнес-проекты, пять из которых созданы политтехнологом Андреем Богдановым) и гражданские оппозиционные партии с собственной позицией;

- партии, зарегистрированные, но не имеющие представительства в региональных парламентах и, следовательно, права участия в выборах без сбора подписей, значительная часть из которых также имеет характер спойлерских или фейковых партий.

Кроме этих типов, есть еще ряд неформальных — ведущих активную политическую работу, но не получивших или потерявших официальную регистрацию партий.

Все эти типы партий по-разному используют инструментарий уличных акций.

Массовые протесты 2011–2012 гг. [3, 4], в которые были вовлечены и оппозиционные партии, существенно увеличили их стимулы для проведения уличных протестных акций, которые постепенно стали нормой в инструментарии всех политических партий, включая пропрезидентские.

Партиями практикуются различные формы уличных акций, которые можно разделить следующим образом.

- 1) по тематике: протестные, в поддержку политики или отдельных решений власти, «старосоветские» и др.;

- 2) по форме: шествия, митинги, пикеты (групповые и одиночные), перформансы, встречи с депутатами, сходы, инспекции, «стояния», авто- и велопробеги.

Непротестные акции в разных формах беспрепятственно получают согласование от властей в центре городов. В Москве, например, это шествия по Тверской улице, митинги на Васильевском спуске, когда речь идет о совместных акциях парламентских партий в поддержку Крыма, Дне народного единства 4 ноября или поддержке Новороссии. Разрешение получают и так называемые «антилиберальные стояния» радикальных национал-патриотических партий совместно с Русской православной церковью (РПЦ). Протестные акции местного характера (против вырубок, уплотнительной застройки и т.п.), проводимые КИРФ, также всегда получают согласование.

Правоприменительная практика по отношению к участникам протестных акций на последние несколько лет, начиная с 2013 г., претерпела существенные изменения.

В отличие от 2011–2012 гг., власти Москвы в период 2015–2016 гг., а в последний год и Петербурга, Новосибирска и других крупных городов не согласовывают шествия в центре города. В Москве последними исключениями стали марши после убийства Бориса Немцова и в его годовщину в 2016 г. Остальные попытки организаторов — представителей либеральных партий и общественности заканчивались предложениями провести марши в Марьино, на что Партия прогресса и другие участники согласились лишь один раз, в сентябре 2015 г. Но и «Русский марш» различных националистических незарегистрированных партий также согласуют на окраине — в Люблино. Последние изменения законодательства относят и автопробеги к категории шествий, т.е. для их проведения также необходимо согласование властей.

Московская мэрия «задает тон» и в разрешении митингов. С 2016 г. протестные митинги либеральной оппозиции согласовываются только в местах, собственно для митингов не приспособленных: на площади Яузских ворот или площади Крестьянской заставы — в местах, где нет прохожих, относительно отдаленных от центра, куда неохотно приходят представители СМИ. Это же касается и пикетов, которые отличаются от митингов запретом на использование звукоусиливающей аппаратуры. Акции по локальной тематике в районах Москвы, как правило, разрешаются.

Какой выход находили и находят партии из этой ситуации?

1. Проводят встречу с депутатом на улице (такую форму законодатель до 2017 г. не успел отрегулировать). Но в 2017 г. были приняты поправки,

обязывающие информировать исполнительную власть о таких встречах.

2. Организуют одиночные (часто практикуются у Госдумы) или серийные одиночные (когда пикетчики располагаются друг от друга на расстоянии 50 метров) пикеты, что тоже не запрещено законодательством. В этом случае риски задержания все же существуют, это зависит от темы пикета и отсутствия провокаторов, которые становятся со своим плакатом рядом с пикетчиком, превращая пикет из одиночного в несанкционированный массовый. Очень острая тема, болезненная для властей (например, с критикой Кадырова или конкретных действий представителей власти), тоже приводит к немотивированным, казалось бы, задержаниям. Кроме того, представители разных отделений ОВД ведут себя по-разному. Это касается и самих задержаний, и снятия показаний, и условий содержания в ОВД (изъятие мобильных телефонов, допуск адвокатов, возможность сочувствующим дать свидетельские показания и т.д.).

3. Проводят сходы граждан, что возможно только в районах по поводу локальных проблем. В этих случаях полиция, как правило, также не реагирует (многочисленные акции в защиту парков), случаи с применением насилия (например, противостояние жителей и близкого к РПЦ движения «Сорок сороков» по поводу строительства храма в парке Торфянка в Москве) — скорее исключение.

4. Организуют инспекции (рейды), в которых участвуют гражданские активисты и известные политики с приглашением журналистов, которые тоже (пока?) не привлекают внимания полиции.

Для зарегистрированных российских партий, не представленных в Государственной Думе, но все-таки намеревающихся участвовать в политических процессах и выборах разных уровней, чрезвычайно важны информационные поводы [5], которые и дают уличные акции, а в случае протестных акций — задержания участников. Только создание таких поводов позволяет партиям попасть на экраны, страницы газет или хотя бы быть упомянутыми в социальных сетях.

Уличные акции — постоянная повестка дня «первой» и «второй» России, в терминологии Натальи Зубаревич, т.е. столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, и крупных городов-миллионников. Бывают они и в малых городах, но это, как правило, связано с кризисной ситуацией, когда тяжелое экономическое положение жителей или авария сопровождается неадекватными действиями властей.

Данные о числе участников акций, представляемых МВД и сообщаемых официальными СМИ, расходятся обычно почти на порядок, поэтому можно только приблизительно говорить о массовых мероприятиях, в которых принимали участие несколько десятков тысяч человек.

Начиная с 2014 г. проходили разные типы акций, которые были проанализированы автором на основе контент-анализа сайтов партий.

Уличные акции организуют региональные власти, думские партии и провластные движения, такие как Общероссийский народный фронт (ОНФ), «Офицеры России», «Георгиевцы» и близкие к власти профсоюзы. Это:

а) уличные акции, посвященные событиям, связанным с Украиной: присоединению Крыма, Майдану и Новороссии и б) традиционные официальные «старосоветские» и российские государственные праздники: 23 февраля, 8 Марта, 1 и 9 Мая, 12 июня, 4 ноября. 7 ноября традиционно свои акции проводит КПРФ.

Отдельно стоит отметить митинг в Грозном, посвященный дню рождения Владимира Путина, в котором участвовало около 1000 юношей и девушек.

Для организации этих мероприятий в значительной степени использовался административный ресурс (принуждение или стимулирование — разнарядки для бюджетных учреждений: материальное, отгулами и т.п.), в Москву для обеспечения массовости свозились представители других регионов. Это в основном типичные примеры так называемой искусственной мобилизации, характерные для жестких автократий и тоталитарных режимов.

В свою очередь, оппозиция в достаточно пестром составе — от либеральных демократических зарегистрированных и незарегистрированных партий до левых групп-анархистов, коммунистов, феминисток, представителей ЛГБТ-сообщества, независимых профсоюзов и т.д. — организовывала «Марши мира» и шествия в память Бориса Немцова. В отличие от серии массовых протестов «За честные выборы», участие представителей националистических групп было исключением. Наоборот, организованные сторонники власти, ДНР и ЛНР (Национально-освободительное движение, «Антимайдан» и др.) пытались устроить провокации против участников, которые пресекала полиция.

Особенность этих протестов: добровольное участие, креатив, необходимое финансирование с помощью сбора средств. Нередко принятие решений о маршруте, лозунгах, безопасности и т.д. принимается на неструктурированном «Комитете

протестных действий», оставшемся после развала «Координационного совета оппозиции», организовавшего массовые акции за честные выборы.

Протестные акции могут иметь подчеркнuto политический характер, как, например, марши мира, марш против «закона Димы Яковлева» или памяти Бориса Немцова. В составе таких массовых акций в разной комбинации присутствуют представители формальных и неформальных партий. При этом предпочтения различаются: так, традиционно в ежегодном антифашистском марше, приуроченном к убийству адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой, участвуют незарегистрированные антифашистские и коммунистические партии и партия «ЯБЛОКО». В антивоенных маршах главные партийные представители — от либеральных демократических сил. Более пестрый состав, включая националистов, был на митингах за честные выборы.

Уличные протесты могут быть посвящены и локальным проблемам и иметь подчеркнuto непартийный характер, хотя партии бывают участниками таких протестов и даже их инициаторами и организаторами. При этом уличные протесты могут быть одно-, мало- и многопартийными, в зависимости от присутствия представителей партий, различаемых по наличию символики (флаги, плакаты) и выступающих на митингах.

Важно заметить, что вопреки расхожему мнению журналистов, что уличные протесты после президентских выборов 2012 г. «сошли на нет», уличная активность развивалась, «рассыпавшись» по районам. Уличный протест оказывался последним и единственным способом (нередко — эффективным) защитить свой парк от вырубки, свой двор — от уплотнительной застройки или строительства дороги под окнами. Партии в разном формате использовали эти акции для собственной раскрутки, особенно перед выборами, или сами становились организаторами таких акций, консолидируя граждан (как правило, не имеющих ресурсов¹ гражданских активистов или просто озабоченных жителей).

¹ Имеется в виду аппаратура усиления, подиум для проведения митингов, умение подать заявку на массовое мероприятие, сейчас ставшее сложной и бюрократизированной процедурой; оповещение граждан листовками или газетами, или на пикетах о предстоящем мероприятии, изготовление плакатов, организация сбора подписей и т.д. / It includes amplification equipment, a podium for holding rallies, the ability to apply for a mass event, which has now become a complex and bureaucratic procedure; notification of citizens by leaflets or Newspapers or-at pickets about the upcoming event, the production of posters, the organisation of signature collection, etc.

Контент-анализ протестной активности непарламентских партий, для которых особенно важны информационные поводы, показал пеструю картину их уличных акций в 2014 г.: от полного отсутствия акций до постоянной уличной активности в целом ряде регионов (см. таблицу).

1. **Партия «ЯБЛОКО»** — оппозиционная, социально-либеральная демократическая партия, имеет в составе фракции «Зеленая Россия», гендерную и правозащитную, интенсивно взаимодействует с НКО этого профиля и группами гражданской активности, практикует как политические акции — от участия в маршах оппозиции до одиночных пикетов политической тематики, так и различного рода уличную активность, связанную с защитой прав горожан в различных сферах.

Используются нехарактерные для других партий формы: инспекции, иногда совмещенные с разрушением незаконных построек (например, заборов, блокирующих доступ к берегам, или во круг незаконных строений). Обходя запретительное законодательство, партия проводит «одиночные» пикеты с большим числом участников, стоящих на расстоянии разрешенных 50 метров друг от друга (например, вдоль ул. Тверская в Москве); используются театрализованные элементы: чтение стихов, символическое вручение наград, вручение петиций или «премий» региональным властям и т.п. Для Москвы характерны уличные акции, приуроченные к публичным слушаниям, связанным с градостроительными проблемами (новые стройки в жилых кварталах, благоустройство парков, строительство храмов в природоохранных зонах и т.п.).

Чаще всего уличные акции посвящены следующим темам (число акций, в порядке убывания):

- политическая тематика (фальсификации/отмена выборов; ограничение прав и свобод граждан, защита политзаключенных, СМИ и т.п.);
- мемориальные акции (память жертв политических репрессий и борцов с большевизмом², жертв в конфликте с Украиной, жертв катастроф и терактов, 9 Мая);
- экологические: против вырубок, загрязняющих предприятий;
- против уплотнительной застройки;

² Традиционными стали акция партии по укреплению символической памятной доски в честь юнкеров, погибших в борьбе с большевизмом 7 ноября на бывшем училище юнкеров (сейчас — одно из зданий Министерства обороны), и участие в организуемом «Мемориалом» «Чтении имен» расстрелянных в 1937–1938 гг. москвичей у Соловецкого камня на Лубянке.

Общее число уличных акций в разных регионах, упоминаемых на сайтах партий / Total number of street actions in different regions mentioned on party websites

№	Партия	Число упоминаний о различных населенных пунктах, где проходили акции	Число уличных акций	Примечание
1	«ЯБЛОКО»	59	239	—
2	«Правое дело»	0	0	—
3	«Патриоты России»	Нет данных	Нет данных	Архив сайта партии «Патриоты России» не открывается*
4	«Гражданская платформа»	4	10	—
5	«Коммунисты России»	29	188	—
6	«Российская партия пенсионеров за справедливость»	13	18	—
7	«Родина»	48	277	—
8	Российская экологическая партия «Зеленые»	5	10	—
9	Всероссийская политическая партия «Гражданская сила»	1	1	—
10	РПР-ПАРНАС	5	26	Значительная часть из акций — серии пикетов

* Трудно сказать, является ли это техническим сбоем или сознательной стратегией. Что касается уличных акций марта этого года (только эти страницы доступны на сайте), упомянуты акции в трех региональных организациях, в двух из них — это участие в празднике присоединения Крыма и одно — участие в игре «Зарница» / It's hard to say whether this is a technical glitch or a conscious strategy. As for the street actions of March this year (only these pages are available on the website), actions in three regional organisations are mentioned, in two of them — participation in the holiday of annexation of the Crimea and one — involvement in the game "Zarnitsa".

- инспекции и акции прямого действия, сочетающие обращение к органам власти или /или в прокуратуру с разрушением незаконных построек;
- антивоенные, против войны с Украиной, включая Марши мира;
- акции социального характера (здравоохранение, образование, против отмены пригородных электричек);
- акции солидарности — за освобождение из-под стражи, из заключения активистов, в том числе членов партии;
- защита памятников архитектуры, культуры, преследования деятелей культуры;
- защита малого бизнеса;
- гендерное равенство, защита прав женщин и детей.

При достаточно большом числе населенных пунктов, где проходили акции (не только в столицах

регионов), чаще всего партийцы и их сторонники вместе с гражданами, которые их поддерживают, выходят на улицу в Москве, Санкт-Петербурге, Московской области, Новосибирске, Свердловской области.

Партия стремится найти новых сторонников и расширить электоральную базу на улице, не теряя своего политического лица.

2. Партия «Правое дело» (ПД)³ — неудавшийся проект Михаила Прохорова 2011 г., определяет свою позицию как консервативную, национал-патристическую. На сайте партии содержатся исключительно новости и карикатуры. Никакой информации о деятельности партии найти не удалось. Очевидно,

³ В марте 2016 г. на ее базе уполномоченным при Президенте по правам предпринимателей Б. Титовым была создана «Партия Роста».

что это — один из запасных, неудавшихся политехнологических проектов, владельцы которого даже не стараются имитировать какую-то деятельность.

3. Партия «Гражданская платформа», с которой после успехов Михаила Прохорова связывали свои надежды представители «креативного класса»; в ее состав вошли и известные деятели культуры. Судя по сайту партии, ставка на «улицу» не делалась вообще, предпочтение отдавалось респектабельным мероприятиям. Исключением стали 9 Мая, акции памяти Сахарова с установкой памятника в Нижнем Новгороде, праздники и субботники.

4. Коммунистическая партия «Коммунисты России» — ортодоксально-коммунистическая, критикующая КПРФ с «аутентичных» ленинско-сталинских позиций. Партия активно работала на улице. Но это была преимущественно активность идеологического, патриотического характера, как в рамках официальных акций, организованных властями, так и в инициативном режиме. Чаще всего это были следующие акции:

- возложение венков к памятникам Ленину, Сталину, деятелям компартии советского времени, защита этих памятников;
- поддержка присоединения Крыма, ДНР и ЛНР;
- отмечание патриотических праздников, памятных дат (9 Мая, 7 Ноября, 23 Февраля и т.п.).

Кроме этого, на сайте зафиксированы несколько единичных уличных акций в разных регионах в защиту обманутых дольщиков и пайщиков, против повышения тарифов ЖКХ, за права жителей многоквартирных домов, в защиту малого бизнеса.

Стилистика сайта отсылает к революционной романтике — как в терминологии, так и в содержании мероприятий.

«Коммунисты России» последовательно и активно работают на то, чтобы отнять электорат КПРФ и привлечь критически настроенную молодежь с левыми взглядами. При этом, однако, партия поддерживает внешнюю политику руководства страны и воздерживается от критики в адрес президента и правительства.

5. «Российская партия пенсионеров за справедливость» — консервативная, входит в состав ОНФ, акцентуированно поддерживает Президента России. В большинстве случаев партия проводила праздники, приуроченные к официальным датам, в поддержку Крыма и семейных ценностей.

Российская партия пенсионеров из перспективного проекта, стремительно завоевывающего голоса избирателей, в том числе среди бывшего электората

КПРФ (до вхождения в «Справедливую Россию»), превратилась в один из запасных административных партийных проектов без собственного лица.

6. Партия «Родина», патронируемая Дмитрием Рогозиным, позиционируется как левая, патриотическая и национально-консервативная. Характерны баннеры партии на выборах «Партия „Родина“ — спецназ Президента». «Родина» стала за 2014 г. лидером по числу проведения уличных акций. Помимо патриотических тем, мемориальных мероприятий, праздников и спортивных соревнований, есть и протест, например против повышения тарифов. Удалось зафиксировать:

- акции, приуроченные к памятным датам патриотического характера;
- спортивные соревнования;
- акции за присоединение Крыма, в защиту Новороссии;
- против повышения тарифов ЖКХ;
- автопробеги;
- крестные ходы, молебны.

Активность на улице демонстрирует приверженность партии позициям «консервативного поворота», провозглашенного Владимиром Путиным в его наиболее радикальных и ярких формах, не имеющих, в отличие от акций «Единой России», характера административной мобилизации.

7. Российская экологическая партия «Зеленые» выступала и выступает в качестве спойлера «ЯБЛОКА» и эксплуатирует экологическую проблематику без критики власти.

Партия очень редко проводит уличные мероприятия, все они имеют не протестный, а скорее, развлекательный характер: спортивные соревнования, посадка деревьев, автопробег, открытие памятника. Даже в патриотических мероприятиях, организованных властями, партия участвовала, судя по сайту, только в День народного единства.

8. Всероссийская политическая партия «Гражданская сила» (ранее «Российская сетевая партия малого и среднего бизнеса» и «Свободная Россия») позиционируется как либеральная, на улице практически не появляется, если работает вообще: на сайте содержатся лишь новости из СМИ (даже без комментариев), карикатуры. Упомянуто лишь участие партии в акции 1 Мая. Очевидно, что это политехнологический запасной проект «второго ряда».

9. «Республиканская партия России — Партия народной свободы» (РПР-ПАРНАС, сейчас — ПАРНАС) — демократическая, либеральная, резко оппозиционная по отношению к политике Владимира Путина. Партия выступала одним из

организаторов массовых уличных акций за честные выборы в 2011–2012 гг.

РПР-ПАРНАС в исследуемый период проводила почти исключительно политические акции протестного характера, помимо объединенных маршей оппозиции, значительная часть из них — серийные одиночные пикеты в разных регионах с требованиями освобождения узников 6 мая и политзаключенных в целом, а также — традиционный, еще со времен «Демократической России», затем СПС — «День флага» как воспоминание о поражении путча 1991 г. Редкие исключения составляют уличные акции, посвященные защите социальных прав, например многодетных матерей в Волгограде в марте.

Далеко не все партии видят в работе на улице важный инструмент для работы с избирателями. Можно выделить следующие категории по этому признаку:

1) партии вообще не практикующие или очень редко практикующие уличные акции; помимо очевидно политтехнологических проектов к ним относятся партии, рассчитывающие на другие ресурсы: финансовые или административные, в качестве бонуса за поддержку властей, что особенно важно в период усиливающейся поляризации общества по вопросу украинской политики и отношений с Западом;

2) партии, отличающиеся неопозиционной активностью на улице, участвующие в провластных акциях, праздниках, соревнованиях, мемориальных мероприятиях;

3) партии, в ходе уличных акций демонстрирующие свое несогласие с проводимой политикой. При этом стратегии различаются: упор исключительно на политические протесты или же, помимо этого, акции прямого действия по защите прав граждан в разных сферах.

Те партии, которые практикуют работу на улице, не ограничивают свою деятельность столицами, используя эти формы работы в значительном числе населенных пунктов.

Уличная активность в последнее время затруждена в связи с изменением законодательства. Законодательство, регулирующее право на массовые мирные протесты, зафиксированное в ст. 31 Конституции России существенным образом ужесточилось. Обязательное согласование шествий и митингов за 10 рабочих дней и пикетов за 3 дня дополняются штрафами за проведение несанкционированной акции или нарушение порядка ее проведения. Так, ст. 20.2 КОАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, ми-

тинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (<http://ppt.ru/kodeks.phtml?kodeks>) устанавливает штрафы в размере от 10 до 40 тыс. руб. и для юридических лиц — вплоть до 200 тыс. руб. Для физических лиц возможен арест до 10 суток. В случае повреждения имущества или нанесения вреда здоровью штрафы выше, административный арест — до 15 суток. Еще выше штрафы в случае помех функционированию объектов жизнеобеспечения, движению пешеходов (!) или — в случае проведения акций вблизи ядерных объектов. В случае троекратного нарушения возможно и уголовное преследование. Ст. 20.2 применяется после задержаний довольно часто. Сайт «ОВДинфо» приводит следующие данные: в 2014 г. в суды по всей России поступило 2518 дел о нарушениях на публичных мероприятиях, в 2013 г. — 2506 дел, две трети дел в московских судах — о нарушениях на митингах, при этом доля обвинительных решений по делам о нарушениях на митингах достигла в Москве максимума за пять лет в 90% (при 14% в Санкт-Петербурге и 51% в целом по остальным регионам).

Но уличная активность партий не прекращается, несмотря на ужесточение законодательства и практики в отношении активистов — представителей оппозиционных партий.

Проправительственные административные партии также используют уличные акции, несмотря на наличие других каналов донесения своей позиции до избирателя.

Проанализируем уличную активность партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу в период избирательной кампании — с 18 июня по 16 сентября 2016 г. (учитывались все упоминания на сайтах партий).

«Единая Россия» провела всего 103 уличных акции в 32 регионах, из них в 18 регионах — по нескольку акций. Особенной активностью отличаются региональные организации Свердловской (15 акций), Московской (5 акций) и Курской (4 акции) областей. Впрочем, «репертуар» разнообразием не отличается: спортивные праздники, мемориальные и патриотические мероприятия (во многих регионах прошла акция «Свеча памяти» в день начала Великой Отечественной войны⁴, субботники, мероприятия посвященные семье и детям, культуре. Интересно, что ЕР стала использовать формы, ранее практикуемые только оппозиционными

⁴ Впервые свечи по числу дней войны (1418) еще в 2007 г. начала зажигать у мемориалов, посвященных погибшим в войне военным, партия «ЯБЛОКО».

партиями — инспекции. Проверялись торговые сети в Мурманске, Калуге, Ставрополе, Ижевске, Ульяновске; аптеки в качестве доступности для маломобильных граждан проверяли в Екатеринбурге, Вологде; качество укладки асфальта — в Челябинске, Сысерти, Омске. Проводились и нехарактерные ранее для «Единой России» экологические акции: очистка береговой зоны в Махачкале и Туле, экологические мероприятия в Курске, высадка деревьев в Мурманске. В ряде регионов организовывались праздники и спортивные мероприятия. Как видим, уличные акции ЕР не носят протестного характера, а выполняют функции народного контроля или являются развлекательными. Но интересно то, что даже доминирующая партия считает нужным использовать уличные массовые формы.

КПРФ, традиционно активно использующая уличные протестные акции, в эту избирательную кампанию существенно сместила акценты. Всего было проведено 82 уличных акции в 54 регионах, в 8 из них — по несколько мероприятий. Активно отличались региональные отделения КПРФ в Крыму (6 акций), Москве (5 акций), Барнауле (4 акции). При этом доминировали мемориальные мероприятия: митинги памяти и скорби в Москве, Орле, Волгограде, Белгороде, Петербурге, Бийске, Калмыкии, Тамбове, Башкирии, Сыктывкаре. В ряде регионов прошли патриотические митинги «Анти-НАТО»: в Астрахани, Волгограде, Бурятии, Самаре. Проводились праздники и спортивные мероприятия, субботники. Лишь минимальное число уличных акции имели протестный характер: митинг с требованием повышения пенсий в Новосибирске и пикеты обманутых дольщиков в Московской области.

Значительно ниже в этой избирательной кампании была уличная активность **«Справедливой России»**, прошедшей всего лишь 19 уличных мероприятий в 11 регионах, четыре из них — в Петербурге, по три — в Омске и в Крыму. Это спортивные мероприятия и праздники. Протестный характер имел митинг за улучшение экологической ситуации в Омске, а также митинг, посвященный защите Удельного парка в Санкт-Петербурге.

ЛДПР провела 23 уличных акции в 8 регионах, но большинство из них (12) — в Москве. В.В. Жириновский участвовал в фестивалях и праздниках, спортивных мероприятиях, автопробегах. ЛДПР также использовал инспекции — проверку рынков и базаров в Москве и больницы в Ставрополе.

Из непарламентских партий наибольшую уличную активность демонстрировали партия «Родина»,

«Патриоты России» и «ЯБЛОКО». При этом их акции отличала различная направленность. Часть партий, участвовавших в выборах, вообще не практиковали проведение уличных акций или делали это очень редко. Так, на сайтах **«Партии пенсионеров»** и **«Гражданской силы»** нет ни одного упоминания об уличных акциях, **«Парнас»** и **«Гражданская платформа»** провели по два мероприятия: пикеты в поддержку Сергея Мохнаткина в Архангельске и митинг, посвященный выборам в Рязани, ГП — день памяти и скорби в Брянске и акция «Альтернативный Ельцин» в Екатеринбурге.

Почти не использовали этот ресурс **«Партия Роста»** (3 спортивных мероприятия, автопробег и праздник в трех регионах, из них три — в Москве) и **«Зеленые»** (2 субботника и спортивное соревнование в Карелии, Томске и Тамбове).

«Родина» провела 80 уличных акций в 21 регионе, из них наибольшее число — в Новочеркасске (11), Краснодарском крае (10), Новосибирске (5), в Крыму (6), Татарстане (4). Это — преимущественно праздники (23), спортивные (23) и мемориальные мероприятия (6). Протестный митинг против повышения тарифов ЖКХ прошел в Омске. В Якутии проводили рейд — инспекцию по проверке детских площадок, в Волгоградской области — проверку качества воды.

Партия «ЯБЛОКО», у которой сменилось руководство, и, отчасти, направления деятельности, тем не менее, продолжила традицию уличных протестных акций. Во время избирательной кампании их было 41 (22 из них — в Москве, по 2 в Санкт-Петербурге, Ростове и Новгороде). Доминировали инспекции, в первую очередь — парков (9), и экологические митинги в защиту природы (За «зеленый» Всеволожск; в защиту Волжской поймы в Нижнем Новгороде, парков Торфянка, «Дружба», Удельный в Москве); митинги против пакета Яровой в Кургане, Новосибирске, Новгороде, Сочи; против никелевого комбината в Воронеже; против уплотнительной застройки — в Новгороде. В репертуаре партии оставались и правозащитные акции: памяти Натальи Эстемировой и Тимура Куашева; против произвола избиркома в Новгороде. Пять мероприятий носили мемориальный характер. Кроме того, в ряде регионов были проведены пикеты, посвященные выборам — «Твой голос решает».

«Коммунисты России» провели 14 акций в 10 регионах, 4 из них — в Москве. Большая часть — мемориальные мероприятия (7). Но в их активе были и протесты: митинг против бездействия силовых структур в Кировской области, одиночные

пикету у горизбиркомов в Новгородской области и Санкт-Петербурге и даже — политическая голодовка членов Новгородского, Санкт-Петербургского и Ленинградского областных отделений из-за нарушений на выборах. Политической протестной акцией можно назвать и митинг в память героев ГКЧП в Москве.

Как видим, хотя уличные акции и продолжают использоваться партиями во время избирательных кампаний, но число их не увеличивается, а направленность имеет преимущественно не протестный характер, за исключением партий, считающих себя оппозиционными. Интересно, что большое число инспекций и рейдов, которые партии проводят во время избирательных кампаний, мало связано с федеральной повесткой дня, и «спускает» их значимость до локального, точечного уровня.

Примечательно, что часть партий, ранее активно практиковавших протестные акции (например, партия «Парнас», специализировавшаяся на правозащитных и политических протестах) практически отказались от уличных протестных акций, снизилось число акций и у партии «ЯБЛОКО».

Число проведенных акций не коррелирует с полученными партиями результатами, уличные, особенно протестные акции, перестают быть значимым политическим инструментарием для зарегистрированных политических партий в избирательной кампании.

Тем активнее используют уличный протест неформальные партии, в этих кампаниях не участвующие и призывающие к их бойкоту или же порче бюллетеней, как, например, незарегистрированная партия Алексея Навального.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михалева Г.М. Непарламентские партии на улице: праздники и протесты. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2015;1(11):62–75.
2. Михалева Г.М. Уличные акции в инструментарии партий. *Коммуникология*. 2016;(1):104–115.
3. Gabowitsch M. Putin kaputt? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Edition Suhrkamp; 2013. 441 p.
4. Клеман К., ред. Городские движения России в 2009–2013 годах: на пути к политическому. М.: НЛО; 2013.
5. Любарев А.Е., Кынев А.В., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 2015. 300 с.

REFERENCES

1. Mikhaleva G.M. Non-parliamentary parties on the street: holidays and protests. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2015;1(11):62–75. (In Russ.).
2. Mikhaleva G.M. Street actions in the parties' toolkit. *Kommunikologia*. 2016;(1):104–115. (In Russ.).
3. Gabowitsch M. Putin kaputt? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Edition Suhrkamp; 2013. 441 p.
4. Kleman K., ed. Russia's urban movements in 2009–2013: Towards a political issue. Moscow: NLO; 2013. (In Russ.).
5. Lyubarev A.E., Kynev A.V., Maksimov A.N. Regional and local elections of 2014 in Russia in the conditions of new restrictions of competition. Moscow: "Liberal Mission" Foundation; 2015. 300 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Михайловна Михалёва — профессор, доктор политических наук, профессор кафедры культуры мира и демократии, РГГУ; председатель гендерной фракции член Федерального совета партии «ЯБЛОКО», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR

Galina M. Mikhaleva — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of the Culture of the World and Democracy, RSUH; Chairperson of the Gender faction, member of the Federal Council of Party "YABLOKO", Moscow, Russia

Статья поступила 29.07.2019; принята к публикации 05.08.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 29.07.2019; accepted for publication on 05.08.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-31-38

УДК 323.3(045)

Международные санкции и внутренние угрозы в оценках российских предпринимателей*

Г.В. Брега

Финансовый университет,
Москва, Россия<https://orcid.org/0000-0003-2174-1273>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные тенденции и проблемы российского бизнеса в современных российских условиях, представлен сравнительный анализ оценок угроз по данной проблематике. Эмпирической основой исследования служит экспертный опрос предпринимателей из 21 региона страны. Опросы представителей бизнеса показали, что для компаний негативные тенденции, связанные с внутренним экономическим регулированием, являются более приоритетными, чем последствия санкционного давления. Наиболее значительными угрозами, по мнению экспертов, являются длительное снижение уровня доходов граждан и покупательной способности и чрезмерная налоговая нагрузка на предпринимателей. Бизнес-сообщество также беспокоят нестабильность правового поля, коррупция, экономические риски, недостаточность гарантий окупаемости вложенных инвестиций. Угрозы, обусловленные санкциями, заняли последние строчки рейтинга в опросе экспертов. Результаты исследования демонстрируют, с одной стороны, определенный нигилизм относительно проводимой экономической политики, с другой – потребность большего взаимодействия власти и бизнеса. Государственная поддержка предпринимательства достаточно высоко одобряется бизнес-сообществом. Представители компаний полагают, что сегодня роль государства должна быть переориентирована с функций кризисного регулятора и координатора на функции главного стимулятора, разрабатывающего действенные механизмы социально-экономической активизации предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: взаимодействие бизнеса и власти; угрозы; санкции; развитие

Для цитирования: Брега Г.В. Международные санкции и внутренние угрозы в оценках российских предпринимателей. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):31-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-31-38

ORIGINAL PAPER

International Sanctions and Domestic Threats in the Assessments of the Russian Entrepreneurs**

G.V. Brega

Financial University,
Moscow, Russia<https://orcid.org/0000-0003-2174-1273>

ABSTRACT

In this article, the author considers the main trends of the main problems of Russian business in contemporary Russian conditions and presents a comparative analysis of threat assessments on this issue. The empirical basis of the study was an expert survey of entrepreneurs from 21 regions of the country. Surveys of entrepreneurs have shown that for the business community, negative trends related to domestic economic regulation are more priority than sanctions pressure. According to experts, the most significant threats are the long-term decline in the level of income of citizens and purchasing power and excessive tax burden on entrepreneurs. The business community is also concerned about the instability of the legal framework, corruption, economic risks, lack of guarantees of return on investment. Threats caused by sanctions took the last line of the rating in the survey of experts. The results of the study demonstrate on the one

* Статья выполнена в рамках работы над грантом РФФИ, проект № 19-011-31545 «Новые модели взаимодействия власти и промышленного сообщества в условиях возрастания рисков технологического развития под воздействием международных санкций».

** The paper was written within the work on the RFBR grant, project No. 19-011-31545 "New models of interaction between authorities and the industrial community in terms of increasing risks of technological development under the impact of international sanctions".

hand some nihilism regarding economic policy, on the other hand the need for more interaction between government and business. The business community highly approve support from the government for business. Representatives of companies believe that today the role of the state should be reoriented from the functions of the crisis regulator and coordinator to the functions of the main stimulator, developing effective mechanisms for socio-economic activation of business activity.

Keywords: interaction between business and government; threats; sanctions; development

For citation: Brega G.V. International sanctions and domestic threats in the assessments of the Russian entrepreneurs. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta* = *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):31-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-31-38

В современных условиях формирования глобального экономического пространства санкции являются наиболее деструктивными экономическими мерами запретительного характера, оказывающими прямое негативное воздействие на экономическую безопасность государств, задействованных в санкционном противостоянии. Они ухудшают торгово-экономические связи между странами, препятствуют взаимовыгодному сотрудничеству, сдерживают экономическое развитие общества.

Санкции и усиление геополитической напряженности снизили привлекательность российской экономики для иностранных инвестиций. Сказалось на замедлении темпов экономического роста, обострило проблему устаревшего производственного оборудования, продемонстрировало зависимость национального производства от западных технологий, снизило инвестиционную активность отечественного бизнеса.

Негативный долгосрочный эффект оказывают структурные ограничения и жесткая денежно-кредитная политика ЦБ РФ, проводимая в соответствии с принципами инфляционного таргетирования. В рамках панельной дискуссии «Российская экономика в поисках стимулов роста» на Петербургском Международном экономическом форуме — 2019 первый заместитель председателя Правительства РФ Антон Силуанов заявил, что «прибыль у предпринимателей в 2018 г. росла, но она не шла на инвестиции, поскольку предприниматели нуждаются в стабильных условиях, а их нет» [1]. Стабилизационные меры России направлены на устранение последствий санкционного давления и обеспечение экономической безопасности в ущерб экономическому росту и технологическому развитию. По справедливому утверждению российского социолога О. В. Яницкого, «в экстремальных условиях высокой опасности и угроз ориентированности социальных институтов смещаются

с пути развития на безопасность общества» [2, с. 76]. Согласно прогнозам экспертов Аналитического кредитно-рейтингового агентства (АКРА), в долгосрочной перспективе замедлятся темпы роста как на уровне отдельных компаний, так и в масштабах всей страны, а их основной причиной станет закрытие совместных технологических проектов. Прогноз Минэкономразвития РФ по росту ВВП в 2019 г. выражается предельной величиной в 1,3%, в 2020 г. — 1,7% (<http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depMacro/2019082602>). Ведущие экономисты считают, что российская экономика могла бы расти значительно быстрее в отсутствие ограничительных внешних и внутренних мер.

Деструктивность применения санкций в условиях высокой взаимозависимости экономик мира состоит в необходимости введения ответных зеркальных мер со стороны пострадавших стран. Естественным ответом России на несанкционированные Советом Безопасности ООН меры стало установление РФ встречного продовольственного эмбарго на 2014–2020 гг. на импорт отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из государств, присоединившихся к американским секторальным ограничениям. Контрсанкции отражены в Указе Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». Суммарный годовой объем импорта составил около 9 млрд долл. в год. Экспортно-импортные ограничения первоначально оказали прямое негативное влияние на продовольственную безопасность РФ, необеспеченность населения основными продуктами, обострили проблему качества отечественной сельскохозяйственной продукции. В дальнейшем, благодаря значительным объемам финансовой и инфраструктурной поддержки аграрного сектора, оказываемой государством, сельское хозяйство оказалось благоприятной сферой импортозамещения.

Знаменитый закон «вызова и ответа», разработанный Арнольдом Тойнби в 1930 г., гласит, что угроза и вызов умеренной силы — это необходимый элемент прогрессивного развития любой цивилизации. Во время выступления на V Международном арктическом форуме в Санкт-Петербурге в 2019 г. Президент РФ В.В. Путин заявил, что санкционное давление мешает нашей экономике, но не критично, и в определенной мере подталкивает к активному развитию собственных технологий. В 2018 г. в импортозамещение было вложено 600 млрд руб., которые эффективно работают. Государство продолжает поддерживать процессы импортозамещения и будет наращивать усилия в данном направлении [3].

Третий пакет блокирующих санкций был введен США 6 апреля 2018 г. против ведущих российских компаний: агрохолдинга «Кубань»; «Базового элемента»; B-Finance LTD; En+ Group; Gallistia Diamante; Группы ГАЗ; «Газпром бурения»; «Евросибэнерго»; «Ладога менеджмента»; NPV Engineering; «Реновы»; «Рособоронэкспорта»; банка «Российская финансовая корпорация»; «Русских машин»; Rusal. Американская долгосрочная стратегия передела мировых рынков сбыта в собственных интересах, базирующаяся на устранении конкурентов мерами санкционной политики и недобросовестной конкуренции, привела к сокращению доли импорта из России на американском и международном рынках. Согласно данным АКРА, международные санкционные ограничения охватили 54% банковского сектора (117 банков), 95% выручки 134 нефтегазовых компаний, 113 фирм из разных отраслей и все предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК) РФ (<https://roscongress.org/materials/izmenenie-ekonomicheskoy-politiki-osnovnoy-kanal-vliyaniya-sanktsiy>).

Отечественные компании вынуждены учитывать возможные внешние и внутренние вызовы при формировании моделей развития. Привычные бизнес-модели меняются благодаря внедрению передовых технологий и установлению новых «правил игры». Назрела необходимость трансформации механизмов взаимодействия государственных структур, предпринимательского сообщества и академической науки. Одной из способностей власти является умение воспринимать сигналы от ассоциаций предпринимателей, гражданских объединений, научных кругов. Для выработки государственных стратегий развития важно привлекать сообщества

предпринимателей, научные, образовательные и общественные институты для более глубокого понимания, проработки, устранения проблем и выявления потенциала при достижении целей устойчивого роста.

В июле-сентябре 2019 г. временным научным коллективом Финансового университета при Правительстве РФ был проведен экспертный опрос в рамках гранта реализации научного проекта РФФИ «Новые модели взаимодействия власти и промышленного сообщества в условиях возрастания рисков технологического развития под воздействием международных санкций». Ключевыми блоками опроса предпринимательского сообщества стали: «Условия и основные проблемы ведения российского бизнеса» и «Влияние внешних экономических санкций на ведение бизнеса в России». Экспертам был предоставлен перечень из 15 внутренних факторов и 9 направлений санкционных ограничений, негативно сказывающихся на предпринимательской деятельности для оценки остроты угроз по 5-балльной шкале. Результаты обобщенной экспертной оценки факторов представлены в *таблице* в порядке убывания средних значений опасности угроз.

Для удобства изучения полученных данных использовался кластерный анализ, позволивший сгруппировать факторы в четыре кластера угроз в зависимости от сфер (областей) их возникновения, и расположить их в порядке убывания опасности для ведения бизнеса в России.

Кластер 1. «Угрозы, исходящие от решений Правительства РФ в области экономической политики» с диапазоном максимальных экспертных оценок остроты угроз от 3,50 до 4,37 (в баллах):

1. Длительное падение уровня доходов граждан и покупательной способности (4,37). Чрезмерно высокая налоговая нагрузка на бизнес (4,37).
2. Отсутствие поддержки предпринимательства со стороны государства (4,03).
3. Слабо предсказуемые изменения законодательства по регулированию экономических отношений (3,95).
4. Дорогие кредитные деньги (3,84).
5. Недостаточный уровень защищенности собственности (3,53).
6. Повышение цен на энергоносители (3,50).

Кластер 2. «Угрозы, связанные с деятельностью компаний» с диапазоном высоких экспертных оценок опасности факторов от 3,47 до 4,18 (в баллах):

Факторы, оказывающие негативное влияние на ведение бизнеса в России / Factors that harm doing business in Russia

Перечень угроз	Восприятие угроз для ведения бизнеса в России, %				Среднее значение остроты угроз (баллы)	Рейтинг
	Полная защищенность	Приемлемый	Умеренно Опасный	Неприемлемый		
Снижение уровня доходов граждан и покупательной способности	0	2,6	5,3	92,1	4,37	1
Чрезмерная налоговая нагрузка	0	5,3	0	94,7	4,37	2
Нехватка квалифицированных кадров	0	5,3	2,6	92,1	4,18	3
Отсутствие поддержки бизнеса со стороны государства	0	5,3	5,3	89,4	4,03	4
Слабо предсказуемые изменения законодательства по регулированию экономических отношений	0	7,9	2,6	89,5	3,95	5
Дорогие кредитные средства	2,6	7,9	2,6	86,9	3,84	6
Низкая производительность труда	0	10,5	7,9	81,6	3,68	7
Давление контрольно-надзорных органов	0	7,9	7,9	84,2	3,63	8
Недобросовестные методы ведения конкурентной борьбы	0	7,9	15,8	76,3	3,61	9
Бюрократия, административные барьеры	0	7,9	7,9	84,2	3,55	10
Недостаточный уровень защищенности собственности	0	5,3	13,2	81,5	3,53	11
Рост цен на энергоносители	0	5,3	10,5	84,2	3,50	12
Непрозрачная судебная система	0	7,9	18,4	73,7	3,50	13
Ужесточение конкуренции на внутреннем рынке	0	10,5	7,9	81,6	3,47	14
Высокий уровень коррупции	0	5,3	15,8	78,9	3,47	15
Рост цен на иностранное сырье, материалы и комплектующие	44,7	0	0	55,3	2,63	16
Усиление международного санкционного давления на российскую экономику	47,4	0	44,7	5,3	1,76	17
Ограничение возможностей для приобретения высокотехнологичного оборудования из-за рубежа	89,5	0	0	10,5	0,53	18
Введение эмбарго на ввоз иностранных товаров	89,5	0	0	10,5	0,53	19
Закрытие доступа к передовым западным технологиям, ноу-хау	89,5	0	0	10,5	0,50	20
Сокращение объема западных инвестиций	92,1	0	2,6	5,3	0,30	21
Закрытие международных рынков сбыта	94,7	0	5,3	0	0,20	22

1. Нехватка квалифицированных кадров (4,18).

2. Низкая производительность труда (3,68).

3. Недобросовестные методы ведения конкурентной борьбы (3,61).

4. Ужесточение конкуренции на внутреннем рынке (3,47).

Кластер 3. «Угрозы как результат деятельности административной системы власти в России» с диапазоном экспертных оценок средней остроты от 3,47 до 3,63 (в баллах):

1. Давление контрольно-надзорных органов (3,63).

2. Бюрократические и административные барьеры (3,55).

3. Непрозрачность судебной системы (3,50).

4. Высокий уровень коррупции (3,47).

Кластер 4. «Угрозы, связанные с введением международных санкций против России» с диапазоном экспертных оценок умеренной опасности внешних факторов от 0,20 до 2,63 (в баллах):

1. Рост цен на импортируемые сырье, материалы и комплектующие (2,63).

2. Усиление международного давления на российскую экономику (1,76).

3. Введение эмбарго на ввоз иностранных товаров (0,53).

4. Запрет на приобретение высокотехнологичного оборудования за рубежом (0,53).

5. Ограничение доступа к передовым западным технологиям и ноу-хау (0,50).

6. Сокращение объема западных инвестиций в корпоративный сектор РФ (0,30).

7. Закрытие международных рынков сбыта (0,20).

Результаты анализа экспертного мнения обозначили два наиболее острых фактора из первого кластера — это длительное снижение уровня доходов граждан и покупательной способности (4,37) и чрезмерная налоговая нагрузка на предпринимателей (4,37). Выделение данных факторов в качестве основных угроз, препятствующих эффективному ведению бизнеса в современной России, является свидетельством синхронно проводимых жесткой денежно-кредитной политики ЦБ РФ и бюджетной политики Правительства РФ по устранению последствий санкционного давления и стабилизации национальной экономики в 2014–2018 гг. Структурные ограничения и политика регуляторов, проводимая в соответствии с принципами инфляционного таргетирования, позволили преодолеть стагнацию

российской экономики в 2014–2016 гг., выраженную в практически нулевом экономическом росте, и добиться в 2018 г. 6-летнего максимума роста ВВП в 2,3%. Политика по поддержанию социально-экономической стабильности проводилась за счет повышения фискальной нагрузки на бизнес, а не траты государственных резервов. Следствием ужесточения бюджетной и денежно-кредитной политики стало резкое замедление потребительского спроса.

Самые большие опасения бизнеса вызывает длительное падение доходов граждан и покупательной способности (4,37). Согласно данным Аналитического центра при Правительстве РФ, «продолжающееся снижение реальных располагаемых доходов населения стало самым затяжным в новейшей российской истории. В 2018 г. этот показатель продемонстрировал сокращение 5-й год подряд (с учетом единовременной денежной выплаты пенсионерам, произведенной в январе 2017 г.). В целом за 5 лет реальное падение доходов составило 10,8% от уровня 2013 г. с учетом единовременной выплаты и 10,7% — без ее учета» (<http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf>). За 2019 г. тенденцию падения доходов населения так и не удалось переломить, хотя темп их снижения замедлился [4].

Многолетнее существенное ухудшение благосостояния россиян на фоне инфляции (согласно данным Аналитического центра при Правительстве РФ, индекс потребительских цен в 2014 г. составил 11,4%, в 2015 г. — 12,9%, в 2016 г. — 5,4%, в 2017 г. — 2,5%, в 2018 г. — 4,3%) (<https://www.interfax.ru/russia/674199>), привело к длительному падению розничного товарооборота, чрезмерному потребительскому кредитованию для поддержания привычного уровня жизни, увеличило число бедных, усугубило проблему неравенства доходов в массовом сознании. Болезненное восприятие населением роста цен в условиях падения реальных доходов не может не сказываться на социальном климате и настроениях общества, значительная часть которого становится беднее. Согласно статистическим данным Росстата, уровень бедности во втором квартале 2019 г. составил 12,7% (18,6 млн чел.) (<http://ac.gov.ru/files/publication/a/20504.pdf>). Минэкономразвития в новом макропрогнозе предсказывает увеличение уровня бедности в РФ в 2019–2022 гг.: в 2019 г. он ожидается на уровне 12,5% (12% — в версии Интерфакса), в 2020 г. — 11,7% (11,1%), в 2021 г. — 10,8% (10,2%), в 2022 г. — 9,4% (9,3%), в 2023 г. —

7,9% (8,0%), в 2024 г. — 6,6% (6,6%) (www.interfax.ru/russia/674199).

Ожидаемый незначительный «рост реальных располагаемых доходов населения на фоне увеличения процентных платежей и слабости совокупного спроса в 2019 г. составит всего 0,1%» (согласно прогнозу Минэкономразвития — 0,8% без учета платежей в 2019 г., 1,7% — в 2020 г.), что не позволит ликвидировать 5-летний провал в 10,8% падения доходов и оживить совокупный спрос. Требуется дополнительные стимулирующие меры по повышению уровня и качества жизни населения (<http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depMacro/2019082602>).

Ухудшение условий ведения предпринимательской деятельности в России представители бизнес-структур связывают в первую очередь с повышением НДС на 2% с начала 2019 г. Причем данная мера была применена в ситуации длительного падения доходов населения и покупательной способности. По мнению главы ФК «Открытие» Михаила Задорнова, повышение налога на добавленную стоимость (НДС) с 18 до 20% было ошибочным и явилось одной из причин низкого экономического роста. В свою очередь, перманентно низкие темпы роста экономики ведут к накоплению социального недовольства [5]. Полагается, что Правительство РФ за счет увеличения фискальной нагрузки на граждан и бизнес собирает в бюджет средства для выполнения приоритетных целей национального развития, поставленных Президентом РФ. Об этом наглядно свидетельствуют дополнительные поступления НДС в сумме 307 млрд руб. в консолидированный бюджет РФ в первом полугодии 2019 г. Согласно данным Федеральной налоговой службы о поступлении разных видов налогов в консолидированный бюджет за первое полугодие 2018–2019 гг., максимальный темп роста был обеспечен по налогу на прибыль — 120%; высокую динамику имели НДС — 117,5%, НДПИ — 117,4% (<https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm>).

Итак, повышение НДС, многократно увеличивающего стоимость продукции, усугубило и без того сложное социально-экономическое положение потребителей, выступило «экономическим тормозом» промышленного производства. Минэкономразвития прогнозирует вероятность скачка инфляции, ухудшения положения населения и сокращения темпов роста ВВП в результате роста налоговой нагрузки. Повышение налогов при очевидном падении доходов населения способно

воспрепятствовать выходу России на траекторию устойчивого роста ВВП в 3% после 2020 г. Очевидно, что Правительство РФ на сегодняшний день выбрало консервативный путь стабилизации за счет накопления резервов в интересах макроэкономической стабильности, а не ускорения развития посредством создания комфортной для инвестирования и развития предпринимательства деловой среды. Ставка сделана на часть крупного бизнеса, а не на среднее и малое предпринимательство. В ответах экспертов представители малого и среднего бизнеса неоднократно отмечали данное обстоятельство. В частности, эксперт под № 7 выразил консолидированное мнение представителей этих сегментов бизнес-сообщества так: «Поддержка малого бизнеса не на словах, а на деле, поскольку все правила и законы написаны для крупного бизнеса, без учета особенностей ведения среднего и малого бизнеса».

Экспертное сообщество в качестве значимого фактора опасности отметило крайне дорогие кредитные деньги (3,84). Серьезные опасения бизнеса по поводу высокой стоимости заемных средств вполне оправданы, ведь процентные ставки на кредиты для корпоративного сектора превышают инфляцию в 2 раза. Отечественные компании настроены на выживание в сложных социально-экономических условиях, поэтому в финансовых стратегиях ориентируются на сбережение средств, а не на инвестирование в модернизацию. Сверхвысокая концентрация капиталов усиливает риски замедления экономического и технологического развития страны, отставания от среднемировых трендов. Назрела острая необходимость для финансового маневра и кардинального изменения политики ЦБ РФ по существенному снижению стоимости кредитов для оживления деловой активности, переориентации бизнеса на инвестирование в затратное технологическое развитие, модернизации производств во всех отраслях промышленности.

Озабоченность бизнес-сообщества нехваткой квалифицированных кадров (4,18) находится на 3-м месте в общем рейтинге остроты угроз. Указанный фактор второго кластера является социально-базовым, а не функциональным, поскольку косвенно демонстрирует слабую способность системы образования обеспечить растущие потребности рынка в качественной профессиональной подготовке рабочей силы. В этой связи следует учесть, что данная проблема становится не только социально значимой, но и требует

обдуманых стратегических решений в области образования.

По-прежнему, как в прошлые годы, бизнес-сообщество серьезно опасается слабой предсказуемости законодательных изменений в области регулирования экономических отношений (3,95). Вхождение данного фактора в первую пятерку рейтинга означает, что вопросы к стратегии и экономической политике Правительства РФ есть не только относительно направлений развития, но и механизмов управления и принятия решений. Можно констатировать, что постоянная смена «правил игры» значительно ухудшает горизонт планирования, сковывает активность предпринимателей и крайне негативно сказывается на и без того неблагоприятном инвестиционном климате в стране. На это обстоятельство указало 43,3% компаний.

Представляет особый интерес экспертная оценка угроз, связанных с деятельностью административной системы власти в России, из 3-го кластера. Восприятие угроз давления контрольно-надзорных органов получило оценку остроты в 3,63 балла; бюрократии и административных барьеров — 3,55; непрозрачной судебной системы — 3,50; а высота уровня коррупции оценена в 3,47 балла. Традиционно в последние десятилетия данные аспекты лидировали в опросах бизнес-сообщества. В нашем же исследовании они получили соответственно 8, 10, 11 и 13 рейтинги. Более того, отечественные компании ориентированы не на «бегство» от государства, а, наоборот, ждут помощи и взаимодействия, отмечая отсутствие поддержки предпринимательства со стороны государства (4,03) как значимый фактор в рейтинге угроз. Бизнес ожидает от государства создания благоприятного делового климата в стране, что позволит ему изменить приоритеты выбора стратегий с адаптации и выживания на инвестирование в модернизацию производств и технологическое развитие.

Отмечая влияние международных санкций на ведение предпринимательской деятельности в России, эксперты определили их по значимости в последнюю треть общего рейтинга со значениями 16–22. В четвертый кластер попали две внешние угрозы с умеренной опасностью для бизнеса: рост цен на импортируемые сырье, материалы, комплектующие (2,63) и усиление международного давления на российскую экономику (1,76). Тем самым, эксперты указали на вторичность внешних негативных факторов по

отношению к внутренним условиям и проводимой экономической политике, с одной стороны, и достаточно высокую адаптацию российского бизнеса к международным вызовам — с другой. Устойчивость корпоративного сектора к изменениям внешнеэкономической конъюнктуры во многом обусловлена макроэкономической политикой России 2017–2019 гг.

Вместе с тем негативный эффект от введенных санкций вполне ощутим. При ответе на вопрос о серьезности последствий санкций 47,4% компаний, участвовавших в опросе, ответили, что санкции не являются проблемой для ведения бизнеса; 44,7% фирм назвали их проблемой средней тяжести; 2,6% предприятий определили санкции как серьезную проблему; 5,3% респондентов указали на возможность закрытия бизнеса или смены собственника. При интерпретации результатов ответов на вопросы о последствиях санкций важно отметить, что при констатации и описании влияния фактора международных санкций учитывались только прямые ответы. Нельзя исключать опосредованное влияние санкций на оценку положения бизнеса и его отношений с властью применительно к текущей внутриэкономической политике. В этом случае «вес» санкционной составляющей может несколько увеличиться.

Таким образом, исследование показало, что современный российский бизнес, прежде всего, озабочен общим состоянием деловой среды и характером проводимой экономической политики государства. Именно внутренние угрозы преобладают над иными негативными факторами ведения предпринимательской деятельности. Представители бизнес-сообщества демонстрируют в ответах серьезную озабоченность, в первую очередь, несоизмеримо высокими ставками налогов и крайне дорогими заемными средствами, которые в совокупности с низкой платежеспособностью большинства россиян сдерживают инвестиционную и предпринимательскую активность. Промышленные компании испытывают острую потребность в принятии внутренних решений власти по оздоровлению делового климата в России.

По мнению бизнеса, в современных условиях роль государства должна быть переориентирована с функций кризисного регулятора на функции ключевого стимулятора, разрабатывающего действенные механизмы экономической и социальной активизации производственной, инвестиционной и инновационной деятельнос-

ти. Экономическая политика Правительства РФ должна ориентироваться на многовекторность во взаимодействии власти и предпринимательства, обеспечивать баланс интересов, учитывать специфику всех уровней бизнеса при формировании «правил игры» на пути экономического, инвестиционного и технологического развития.

В этом контексте очевидно, что только партнерские и согласованные действия государственных структур, бизнес-ассоциаций, научного сообщества и образовательных учреждений позволят добиться технологического прорыва не только отдельным компаниям и промышленным отраслям, но и всей стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Еременко Е. У бизнеса существует какой-то нигилизм. Кудрин, Силуанов и Тиньков о проблемах российской экономики. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/06/07/803667-kudrin-tinkov-i-siluanov>.
2. Яницкий О.В. Социология риска. М.: LVS; 2003. 192 с.
3. Латухина К. Океан возможностей. URL: <https://rg.ru/2019/04/09/reg-szfo/putin-budushchee-rossii-ne-zavisit-ot-sankcij-tolko-ot-nas.html>.
4. Старостина Ю., Назарова К. Реальные доходы Россиян продолжили падение. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2019/5d2f07959a79477db606e26f>.
5. Фейнберг А., Казарновский П. Глава банка «Открытие» назвал повышение НДС ошибкой. URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/08/2019/5d51a37e9a7947ddf2681043>.

REFERENCES

1. Eremenko E. business there is some nihilism. Kudrin, Siluanov and Tinkov on the problems of the Russian economy. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/06/07/803667-kudrin-tinkov-i-siluanov>. (In Russ.).
2. Yanitsky O.V. Sociology of risk. Moscow: LVS Publishing House; 2003. 192 p. (In Russ.).
3. Latukhina K. Ocean of possibilities. URL: <https://rg.ru/2019/04/09/reg-szfo/putin-budushchee-rossii-ne-zavisit-ot-sankcij-tolko-ot-nas.html>. (In Russ.).
4. Starostina Yu., Nazarova K. Real incomes of Russians continued to fall. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2019/5d2f07959a79477db606e26f>. (In Russ.).
5. Feinberg A., Kazarnovsky P. The head of 'OTKRITIE' Bank called the VAT increase a mistake. URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/08/2019/5d51a37e9a7947ddf2681043>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Викторовна Брега — кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
gvbrega@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Brega — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
gvbrega@mail.ru

Статья поступила 09.09.2019; принята к публикации 13.09.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.09.2019; accepted for publication on 13.09.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-39-42

УДК 323.3(045)

Каналы рекрутирования высшей административной элиты России

А.Г. Булатов

Финансовый университет,
Москва, Россия<https://orcid.org/0000-0002-6146-9406>

АННОТАЦИЯ

Элиты традиционно играли значительную роль в развитии общества и государства, что признавалось исследователями независимо от разделяемых ими политических взглядов и предпочтений относительно политических систем. В связи с этим отдельное внимание уделялось вопросам рекрутирования элит, их обновления, механизмам их формирования. В контексте российской политической системы, где все значимые изменения традиционно реализуются «сверху», этот вопрос особенно актуален. На фоне неэффективности демократических механизмов, призванных формировать вертикальные каналы обновления элиты, ответственность за поддержание собственной жизнеспособности и эффективности ложится на саму российскую элиту. В рамках данного исследования рассматриваются каналы рекрутирования высшей административной элиты. По результатам их изучения сделаны выводы о преобладании бюрократического канала рекрутирования, а именно опыта работы на руководящей должности в органах государственной власти как главного пути формирования российской административной элиты. Обращается внимание на распространенность управленческого опыта в коммерческой или государственной компании, при этом он особенно ярко выражен в государственных органах, тесно взаимодействующих с бизнесом в рамках своей деятельности. Кроме того, отмечается крайне низкая распространенность среди представителей высшей административной элиты победителей конкурсов управленцев и выпускников программ подготовки управленческого резерва, что говорит о незначительном влиянии в настоящее время новых механизмов рекрутирования на формирование высшей прослойки управленцев в России.

Ключевые слова: политическая элита; высшая административная элита; рекрутирование элиты; кадровый резерв; каналы рекрутирования

Для цитирования: Булатов А.Г. Каналы рекрутирования высшей административной элиты России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):39-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-39-42

ORIGINAL PAPER

Recruitment Channels of the Highest Administrative Elite of Russia

A.G. Bulatov

Financial University,
Moscow, Russia<https://orcid.org/0000-0002-6146-9406>

ABSTRACT

Elites have traditionally played a significant role in the development of society and the state, which was recognised by researchers regardless of their shared political views and preferences regarding political systems. In this regard, the author paid particular attention to the recruitment of elites, their renewal, the mechanisms of their formation. In the context of the Russian political system, where all significant changes are traditionally implemented “from the top”, this issue is particularly relevant. Against the background of the ineffectiveness of democratic mechanisms designed to form vertical channels of elite renewal, the responsibility for maintaining its viability and efficiency falls on the Russian elite itself. This study examines the channels of recruitment of the highest administrative elite. Based on the results of their research, the author concluded there exists the predominance of the bureaucratic channel of recruitment, namely the experience of working in a senior position in public authorities as the primary way of forming the Russian administrative

elite. The author has drawn attention to the prevalence of managerial experience in a commercial or state-owned company. It is particularly pronounced in government agencies that closely interact with business in the framework of their activities. Besides, there is an extremely low prevalence among the representatives of the highest administrative elite of winners of management competitions and graduates of management reserve training programs, which indicates a slight impact at present of new recruitment mechanisms on the formation of the highest layer of managers in Russia.

Keywords: political elite; the high administrative elite; elite recruitment; talent pool; the channels of recruitment

For citation: Bulatov A. G. Recruitment channels of the highest administrative elite of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):39-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-39-42

От рекрутирования элит зависит качество кадров, отвечающих за управление всеми сферами жизни общества и государства. В частности, от навыков элит зависят особенно применяемых управленческих мер и их общая эффективность. В связи с этим некоторые исследователи, рассуждая о переходе России от советской системы в 1990-х гг., заявляли о необходимости полной замены российских управленческих элит, так как последние, попав в новую систему, могут начать воспроизводить старые командно-административные практики.

Этим же объяснялись неудачный эксперимент по децентрализации власти и попытки государства самоустраниться от регулирования экономики. По мнению отдельных исследователей, сохранение у властных рычагов большей части советской элиты привело к последующему огосударствлению экономики и построению вертикали власти вместо развития демократических и рыночных институтов.

Говоря о нынешней российской политической элите, специалисты обращают внимание на ее закрытый характер, выраженный в рекрутировании по принципу системы гильдий, когда включение новых кадров происходит из собственных рядов. При этом для высших уровней характерны минимальные темпы обновления и высокий порог входа, который, помимо общего требования в виде значительного стажа работы в государственных органах, включает в себя неформальные барьеры, в том числе значительный социальный капитал. Последний проявляется и в методах отбора кандидатов в сравнительно открытых конкурсах управленцев, например в конкурсе «Лидеры России». Помимо различных тестов, бизнес-кейсов и деловых игр, участникам предоставляют стартовый социальный капитал через назначение наставников — губернаторов, руководителей госкорпораций, заместителей Председателя Правительства РФ и т.д.

В подобных условиях, когда обновление элиты зависит преимущественно от нее самой, актуальным является исследование источников ее рекрутирования. Это позволяет выделить основ-

ные каналы ее обновления и их изменение, в том числе в результате внедрения новых механизмов рекрутирования. Нельзя недооценивать отдельные особенности каналов рекрутирования, выявляемые в процессе анализа карьерного пути высшей административной элиты. Среди них можно выделить наличие опыта работы в силовых структурах, на губернаторском посту, на посту полномочного представителя Президента, в бизнесе или госкорпорациях и т.д. Особый интерес также представляет наличие среди административной элиты победителей конкурсов управленцев и выпускников программ кадрового резерва как новых механизмов рекрутирования, способных повлиять на качественный состав элит.

В рамках данного исследования на основе сочетания позиционного и репутационного подхода был выделен список представителей высшей административной элиты, карьерный путь которых впоследствии был проанализирован посредством биографического анализа. В качестве представителей высшей административной элиты выделены такие высокопоставленные фигуры, как Председатель Правительства РФ и его заместители, главы министерств и их заместители, руководство Администрации Президента РФ, включающее в себя непосредственно главу Администрации и его заместителей, а также ряд советников и помощников Президента, в том числе полномочных представителей Президента во всех федеральных округах. В ходе исследования анализировались биографии руководителей, представленные непосредственно на сайтах министерств и прочих государственных органов, а при их отсутствии или недостаточности информации — досье, собранные официальными СМИ.

Формально аппарат Президента РФ не признается как один из высших элементов управленческой вертикали и даже не обозначен в списке органов федеральной власти (<http://www.gov.ru/main/ministry/isp-vlast44.html>). Однако общепризнанная роль аппарата Президента как органа, направляющего и формирующего политику в масштабах

Таблица / Table

**Наличие управленческого опыта перед назначением на текущую должность /
Managerial experience prior to appointment to current position**

Тип управленческого опыта	Доля от общего количества, %
В органах государственной власти	92
В силовых структурах	18
В законодательных органах	4
В бизнесе (в том числе госкорпорациях и госпредприятиях)	38
На посту губернатора или в его аппарате	13
На посту полномочного представителя Президента в федеральном округе или в его аппарате	6
В рамках управленческих конкурсов и программ подготовки кадрового резерва	4

страны, обосновывает необходимость учета ее руководства при рассмотрении высшей административной элиты как потенциальной «четвертой ветви власти» [1]. Так, в контексте последних прошедших в Москве и ряде регионов выборов ИА Regnum, говоря о хороших (в целом) результатах провластных кандидатов, отмечает проведенную Администрацией Президента РФ «работу над ошибками» после предыдущих выборов (<https://regnum.ru/news/polit/2714238.html>). Необходимо заметить, что непосредственно Президент РФ не включался в список высшей административной элиты ввиду уникальности его положения в нынешней системе. Вместе с тем в список были отдельно включены главы Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки ввиду традиционно высокой роли спецслужб в политической системе стран в целом и России в частности.

В ходе изучения биографий для последующего количественного анализа были выявлены ключевые особенности карьерного пути рассматриваемых представителей элит. При этом учитывался только управленческий опыт на руководящей должности перед назначением на нынешний пост, а не опыт работы сам по себе. Исследователей интересовало наличие опыта на руководящей должности в государственных органах в целом, силовых структурах, органах законодательной власти, бизнесе и госкорпорациях, на губернаторском посту или в должности полпреда и в составе их аппаратов. Кроме того, отдельно рассматривались победители конкурсов по подготовке управленческих кадров и выпускники программ по подготовке управленческого кадрового резерва.

В общей сложности было проанализировано 238 представителей российской административной

элиты из 26 органов государственной власти. Общие результаты анализа представлены в *таблице*.

Как видно из *таблицы*, преобладающим каналом рекрутирования (92%) в состав высшей административной элиты является карьера в государственных органах, зачастую непосредственно связанная или смежная с текущим направлением деятельности того или иного представителя элиты. Оставшиеся 8%, как правило, ранее занимали руководящие должности в бизнесе, государственных корпорациях либо на предприятиях. При этом случаи прямого перехода из бизнеса на одну из высших должностей без наличия явного опыта работы на руководящих должностях в государственных органах наблюдаются главным образом в министерствах, чья деятельность включает тесное взаимодействие с коммерческой сферой. Среди них можно выделить заместителей главы Министерства экономического развития П.В. Засельского, М.А. Расстригина и И.Э. Торосова, заместителей главы Министерства сельского хозяйства О.Н. Лут и Е.В. Фастову и заместителей главы Министерства энергетики Ю.В. Маневич и А.В. Черезова. Среди прочих рассматриваемых ведомств подобные случаи единичны.

Более частым является наличие у элиты в прошлом опыта руководства коммерческими, государственными и смежными с ними компаниями. При этом данная практика не ограничивается специализирующимися сугубо на экономической сфере министерствами и наблюдается даже среди высшего руководства Минобороны. Исключением из данной тенденции выступают Министерство внутренних дел, МЧС, МИД и Минюст. Во многом распространенность опыта управления коммерческими и государственными предприятиями

объясняется как особенностями переходного периода 1990-х гг., когда элита политический капитал активно конвертировала в экономический, так и огосударствлением крупного бизнеса в 2000-х гг., когда управленческий опыт в бизнесе значительно приблизился к управленческому опыту в государственных органах.

Ранее со стороны отдельных исследователей активно звучала мысль о «милитаризации» российской элиты, особенно в период централизации власти в 2000-х гг. [2]. Тем не менее результаты анализа говорят о незначительной доле выходцев из силовых структур и армейских подразделений среди высшей административной элиты. При этом большая часть из выявленных представителей элит с управленческим опытом в силовых структурах (18%) работают в МВД, МЧС и Минобороны, где это не является чем-то необычным.

Наличие лишь у 13% опыта на посту губернатора и у 6% — на посту полпреда в федеральном округе либо в их управленческих аппаратах говорит о том, что опыт на высших ступенях региональной и смежной с ней федеральной власти не является распространенным каналом рекрутирования

в состав высшей административной элиты. Вместе с тем необходимо отметить, что распространенным для высшей административной элиты является наличие опыта на руководящих должностях в региональных правительствах и прочих органах государственной власти.

Кроме того, крайне низкая (4%) доля победителей управленческих конкурсов и выпускников программ подготовки кадрового резерва говорит о том, что новые механизмы пока не оказывают значительного влияния на состав высшей административной элиты. С другой стороны, на данном этапе, когда подобные механизмы лишь начали формироваться, а прошедшая через них элита не заняла ведущих позиций, однозначно утверждать об их эффективности преждевременно.

В целом по результатам анализа наблюдается сохранение закрытого типа рекрутирования элит с преобладанием значительного опыта в государственных органах власти как основного условия входа. При этом распространенность управленческого опыта в бизнес-структурах является скорее следствием сближения государства и крупного бизнеса, наблюдаемого с 2000-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радченко В.И., Углонова О.А. Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат, или четвертая ветвь власти. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2017;6(119):109–116.
2. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров; 2005.

REFERENCES

1. Radchenko V.I., Uglova O.A. Administration of the President of the Russian Federation: The working apparatus, or the fourth branch of government. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. 2017;6(119):109–116.
2. Kryshchanovskaya O.V. Anatomy of the Russian elite. Moscow: Zakharov; 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Александр Геннадьевич Булатов — аспирант Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; старший специалист дежурной группы ФГУП «Главный радиочастотный центр», Москва, Россия
aleks40k@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Bulatov — post-graduate student at the Department of Political Science and Mass Communications; senior specialist of the duty group of “The General Radio Frequency Centre”, Moscow, Russia
aleks40k@mail.ru

Статья поступила 09.09.2019; принята к публикации 16.09.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.09.2019; accepted for publication on 16.09.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-43-48
УДК 323-053.66(045)

Стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи

А.С. Капто

ИСПИ РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6196-6912>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается реализация «Оперативной стратегии ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014–2021 гг.», разработанной Секретариатом ЮНЕСКО и предложенной 21 ноября 2012 г. на 191-й сессии Исполнительного совета после ее одобрения на консультативном совещании, проведенном Генеральным директором ЮНЕСКО с государствами — членами организации. Новые акценты в этой области деятельности ЮНЕСКО отражены в основных взаимодополняющих направлениях сквозного характера, таких как: а) разработка и обзор политики с участием молодежи; б) развитие потенциала для перехода к взрослой жизни; в) гражданственность, демократическое участие и специальные инновации.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; гражданственность; демократическое участие; социальные инновации; потенциал для перехода к взрослой жизни; молодежные программы; мониторинг

Для цитирования: Капто А.С. Стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-43-48

ORIGINAL PAPER

UNESCO Youth Strategy

A.S. Kapto

Institute of Social and Political Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6196-6912>

ABSTRACT

The article discusses the implementation of the “UNESCO Operational strategy for youth 2014–2021”, developed by the UNESCO Secretariat and proposed on November 21, 2012, at the 191 session of the Executive Board. The “UNESCO Operational Strategy on Youth for 2014–2021” (OSY) was developed as a complementary document to “The UNESCO Medium-Term Strategy for 2014–2021” (37 C/4) that calls for the mainstreaming of specific interventions concerning youth. The document was endorsed by a consultative meeting held by the Director-General of UNESCO with the member states of the organisation. The new emphasis in this area of UNESCO's work is reflected in the main complementary cross-cutting areas, such as (a) policy development and review with the participation of young people; (b) capacity development for the transition to adulthood; c) citizenship, democratic participation and special innovations.

Keywords: youth; youth policy; civic consciousness; democratic participation; social innovations; potential for youth's step into grown-up life; youth UNESCO Forum; youth programs; monitoring

For citation: Kapto A.S. UNESCO youth strategy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-43-48

Подготовка широкомасштабного документа «Оперативная стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014–2021 гг.» и его практическая реализация, ныне осуществляемая мировым интеллектуальным сообществом, опирается на целый комплекс мероприятий, проведенных Секретариатом ЮНЕСКО с 2008 г. до принятия Оперативной стратегии. В их числе прежде всего: стратегия, разработанная в 1998 г. ЮНЕСКО совместно с молодежью и в интересах

молодежи; разработка документа «Современная работа в интересах молодежи» (2008); анализ работы глобальных и региональных структур в поддержку молодежи (2008–2012); основные выводы и рекомендации Тематической рабочей группы по вопросам молодежи (2010–2011); картирование национальной политики по вопросам молодежи и структур, представляющих молодежь (2010–2012); анализ эволюции подхода международного сообщества к молодежной проблематике

с 1995 г. (2012); изучение глобального положения молодежи и эволюции структуры молодежных организаций (2012); оценка деятельности ЮНЕСКО в интересах молодежи к настоящему времени на основе сбора предыдущих документов и информации, представленной секциями, бюро и подразделениями на местах (2010–2012).

Подход ЮНЕСКО в ее новой Оперативной стратегии в отношении молодежи на 2014–2021 гг. определяется следующими заявленными ключевыми положениями. Во-первых, придание нового импульса в признании молодежи в качестве приоритетной группы в деятельности ЮНЕСКО, рассмотрение молодых людей как равных партнеров, заинтересованных в деле развития и мира¹. Во-вторых, установка акцента на охвате богатого разнообразия тем, дисциплин и вопросов в области образования, культуры, естественных, социальных и гуманитарных наук и коммуникаций. В-третьих, установление четкой взаимосвязи и ориентация как на директивный (политика, управление), так и на исполнительный (общественный, низовой) уровни, что является более эффективным, чем одноразовые маломасштабные проекты, не связанные с общей областью молодежной политики. В-четвертых, укрепление многодисциплинарных знаний и опыта в разных тематических направлениях деятельности Организации; создание эффективных методологий и механизмов для более активного включения молодых людей в реализацию молодежной политики через молодежные организации, установление с ними партнерских отношений по вопросам деятельности на страновом уровне и в рамках документов Организации по страновому программированию, а также сотрудничество с учреждениями ООН, межправительственными организациями (МПО), неправительственными организациями (НПО) и частным сектором.

Всеобъемлющее и ориентированное на будущее видение ЮНЕСКО проблем молодежи базируется на признании ее в качестве движущей силы перемен, социальных преобразований, мира и устойчивого развития. В Оперативной стратегии определены подходы ЮНЕСКО к молодежной проблематике и к самим молодым людям как к независимым субъектам, бенефициарам услуг и мероприятий и как к партнерам в рамках молодежных организаций. Это позволяет опираться на их творчество, знания, инновации и потенциал для осуществления

преобразований, решать поставленные задачи на управленческом и социальном уровнях. Эти задачи согласуются с функциями Организации:

а) выполнение роли лаборатории идей, выработка инновационных предложений и рекомендаций в области политики в сферах компетенций ЮНЕСКО;

б) предоставление консультаций по вопросам разработки и осуществления политики и развития институционального и человеческого потенциала;

в) установление норм и стандартов в сферах компетенций Организации и обеспечение поддержки и мониторинга в деле их реализации².

Первое направление Оперативной стратегии — разработка и обзор политики с участием молодежи. Тематический диапазон этого направления чрезвычайно широкий и многоплановый и включает вопросы государственного характера: от научных исследований до инноваций, от занятости до образования, от культуры и спорта до коммуникаций, от социального развития до демократического представительства и т.д. В реализации этого направления ЮНЕСКО видит свою задачу на всех уровнях в заблаговременном представлении консультативных услуг по проблемам всеохватывающих инклюзивных государственных стратегий в отношении подрастающего поколения, что осуществляется с учетом национальных потребностей на основе комплексного подхода.

Одновременно помощь и консультирование предоставляется и по проблемам других государственных стратегий, имеющих большое значение для решения задач молодежной политики, прежде всего, таких как образовательная политика (в том числе политика в области технического и профессионального образования), научная и культурная политика, образование в области устойчивого развития, политика в области инноваций и технологий. В числе приоритетов — политика в отношении доступа к информации и киберпространству.

Оперативная стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи предусматривает более активное и последовательное использование потенциала принятых в разное время документов Организации, касающихся отраслей культуры и творчества, охраны культурного наследия. Речь идет прежде всего о таких нормативных документах Организации, как Флорентийское соглашение 1950 г. с Найробийским протоколом к нему 1976 г., в которых содержатся

¹ Оперативная стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014–2021 гг. Париж: ЮНЕСКО; 2014.

² Оперативная стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014–2021 гг. Париж: ЮНЕСКО; 2014.

положения о культурном разнообразии и осуществлении культурных прав; Декларация принципов международного культурного сотрудничества 1966 г.; Конвенция 1970 г. о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза и передачи права собственности на культурные ценности; Конвенция 1972 г. о всемирном наследии; Конвенция 2001 г. об охране подводного культурного наследия; Конвенция 2003 г. об охране нематериального культурного наследия.

К числу эпохальных документов мирового сообщества по проблемам культурного разнообразия относится Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятая вместе с основными направлениями плана действий на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 2 ноября 2001 г. В документах ЮНЕСКО подтверждена приверженность Организации цели обеспечения в полном объеме прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и других общепризнанных правовых актах³.

При разработке и осуществлении политики с участием молодежи ЮНЕСКО придает первостепенное значение обмену передовым опытом и знаниями между странами и регионами. Составной частью этой деятельности является подготовка руководителей и персонала соответствующих учреждений на специальном уровне, а также укрепление национальных молодежных структур, обеспечение согласованности национальной политики, международных стандартов и местных (муниципальных) законов; более эффективное межведомственное сотрудничество и координация и др. Особо актуализируется проблема создания получившими поддержку государствами-членами всеобъемлющей среды для политики и инклюзивного развития и участия молодежи. Задачи на перспективу — интеграция получившими поддержку государствами-членами молодежной проблематики и процессов участия молодежи в государственной политике в области компетенции Организации; адаптация и осуществление инклюзивной сквозной политики в отношении молодежи с привлечением многих заинтересованных сторон; инклюзивное и представительное участие молодежных структур в государственной политике.

Второе направление реализуемой ЮНЕСКО Оперативной молодежной стратегии — развитие потенциала для перехода к взрослой жизни.

Переход молодежи к взрослой жизни, как это интерпретирует ЮНЕСКО в указанной стратегии и других источниках⁴, включает в себя также важнейшие ключевые этапы, связанные друг с другом для развития подрастающего поколения: продолжение обучения, начало трудовой деятельности, формирование здорового образа жизни, создание семьи и реализация гражданских прав и обязанностей. Комплексные планы Организации в этой области направлены на оказание поддержки государствам-членам в расширении эффективных программ распространения грамотности среди молодых людей и взрослых посредством создания потенциала научных исследований и инновационной технологии, а также повсеместное внедрение современных моделей информационно-пропагандистской деятельности. К основным приоритетам относятся: расширение прав и возможностей молодежи в вопросах участия в жизни общества, формирование основных универсальных принципов свободы выражения мнений, улучшение доступа к многоязычным источникам информации и знаний, наращивание потенциала государств-членов в области ТПОП (технического и профессионального образования и подготовки). В том числе — решение проблем безработицы среди молодежи, поддержка молодых людей при переходе от школы к трудовой деятельности, учет гендерной проблематики. ЮНЕСКО на всех уровнях своей структуры большое внимание уделяет подготовке молодежи в области управления предпринимательской и культурной деятельностью, формированию целенаправленных партнерских отношений, поддержке программ художественного образования для молодых творческих работников, дизайнеров и ремесленников.

В Оперативной молодежной стратегии ЮНЕСКО особый акцент делается на активное содействие развитию естественнонаучного образования, особенно в области технологий, инженерии и математики. Этой задаче подчинено обновление учебных программ, проведение учебно-методических семинаров, подготовка преподавателей и учащихся, когда «наука не является недоступной для молодежи или доступна лишь немногим избранным, но составляет основу образования и социального развития».

Неотъемлемым компонентом естественнонаучного образования ЮНЕСКО рассматривает биоэтику, предметом которой является нравственно-этическое измерение (в единстве с правовым

³ Global regulatory enactments of UNESCO. Moscow, 1993; UNESCO. Aims, structure, activities. Moscow; 2002.

⁴ Доклад о мировом развитии 2007. Развитие и новое поколение. М.: Весь Мир; 2007.

регулированием) таких принципиально новых революционных по последствиям достижений в биологии (в особенности молекулярной генетике), как расшифровка генома человека, генетическая инженерия, использование генного переноса для лечения (генотерапия), клонирование человека.

Принципиально новыми гранями обогатилась врачебная этика в связи с раскрытием «секрета» генома человека. Если во второй половине XX в. в медицине произошла «концептуальная революция», заключающаяся в том, что о болезнях стали думать в терминах биохимии, то ныне налицо новая революция, отождествляющая ген с программой всех биохимических процессов в нем. В данном случае ключом к пониманию генетических заболеваний является идентификация и определение генов после мутации.

Открываются возможности идентифицировать и определить характеристики генов, которые связаны с такими генетическими заболеваниями, как болезнь Альцгеймера, сахарный диабет, шизофрения; генетическую основу имеют рак и атеросклероз. При этом необходимо учитывать, что гены определяют лишь предрасположенность к таким заболеваниям, решающим же является негенетический фактор.

Всесторонняя оценка этому новому направлению в науке и медицинской практике (в том числе и характеристика возникших нравственных проблем) дана в Декларации о проекте «Геном человека» (принята 44-й сессией ВМА, Марбелла, Испания, сентябрь 1992 г.). Этическая аргументация базируется на признании важности получения информации о геноме как можно быстрее, поскольку она способствует лучшему пониманию этиологии и патогенеза многих заболеваний.

Декларация определяет наиболее общие этические и юридические положения, направленные на предотвращение какой-либо дискриминации людей по генетическим признакам: обеспечение доступности генетического консультирования для всех; налаживание информационного обмена по этим вопросам (новые знания, средства технологии и т.д.) между разными странами; строгое соблюдение принципа уважения воли тех, кто подвергается генетическому скринингу; обеспечение полной информацией пациента или его законного представителя по поводу всех процедур, связанных с реализацией проекта; обеспечение принципа сохранения медицинской тайны и неразглашения полученной информации путем передачи ее третьим лицам без согласия пациента (исключением являются те случаи, когда речь

идет о серьезном заболевании, предотвратить которое можно путем раскрытия полученной информации); принцип конфиденциальности информации (кроме особо оговоренных случаев); обязательность раскрытия генетической информации пациента или доступа к ней со стороны третьих лиц только с добровольного информированного согласия пациента⁵.

Ответом на все возрастающую необходимость регламентировать нравственные проблемы биомедицины стало создание в сентябре 1993 г. под эгидой ЮНЕСКО и под председательством члена Конституционного суда Франции госпожи Ноэль Ленор первого в мире Международного комитета по биоэтике (МКБ). МКБ — это своеобразный форум по этическим проблемам, возникшим в результате применения генной технологии, это уникальная и единственная в своем роде международная организация, способная решать актуальные этические проблемы в названной сфере.

Ныне подразделение ЮНЕСКО, в рамках которого развивается биоэтика, носит название «Отдел науки и технологии». Приоритетными направлениями в деятельности МКБ стали, среди прочего, этика нейронауки, генетические консультации и тесты, генетика населения и преподавание биоэтики. В числе основных задач комитета — контроль за использованием достижений биологии и гарантирование соблюдения принципов человеческого достоинства и свободы. Это отнюдь не означает, что ему отводится роль своеобразного трибунала, — такая функция целиком и полностью относится к компетенции самих стран и их законодательных органов.

По утверждению академика Р. Петрова, биоэтика в ЮНЕСКО явилась первым организованным этапом перехода к этике науки в целом⁶. Одним из основных документов, созданных этим комитетом, является Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека, принятая на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 11 ноября 1997 г. и отражающая гармоничный баланс интересов между правами человека и научной свободой. Концептуальное положение этого документа в разделе «Человеческое достоинство и геном человека»: «геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия».

⁵ Декларация о проекте «Геном человека». Принята Всемирной медицинской ассамблеей. Марбелла; 1992. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901818155>.

⁶ UNESCO. Aims, structure, activities. Moscow; 2002.

ЮНЕСКО, реализуя Оперативную стратегию в отношении молодежи на 2014–2021 гг. и в полном объеме учитывая рекомендации упомянутых выше документов международного сообщества, разработала Универсальную учебную программу по биоэтике, которая вводится в университетах по всему миру и сопровождается организацией учебных курсов для будущих преподавателей этики. Учебные программы по биоэтике направлены на создание потенциала на многоаспектной и целостной основе и включают в себя разработанные для конкретных аудиторий модули, играющие ключевую роль в дискуссиях по вопросам биоэтики.

Реализуемая ныне ЮНЕСКО «Оперативная стратегия в отношении молодежи на 2014–2021 гг.» включает в себя реализацию и таких задач, как образование в интересах устойчивого развития (ОУР); поддержка интеграции ОУР в учебные планы и программы, включая сферу неформального образования и обучения на протяжении всей жизни с особым акцентом на ключевые проблемы устойчивого развития — уменьшение опасности бедствий, изменение климата, биоразнообразие. Актуализированы проблемы расширения поддержки государств-членов в интеграции проблематики мира, прав человека, глобального гражданства в системе образования, включая реализацию национальных учебных программ, педагогических конспектов, формирование благоприятной учебной среды. В области гражданственности — активизация участия молодежи в процессах демократических преобразований, формировании организаций гражданского общества. В программах ЮНЕСКО отдельно выделены проблемы содействия развитию всеобъемлющего высококачественного образования по вопросам ВИЧ, половой жизни, в области здравоохранения (в неформальных и неформальных рамках), введение или расширение высококачественных программ полового просвещения. Особое внимание уделено укреплению солидарности между поколениями, включая такие ресурсы, как педагогическая подготовка, ученичество и другие формы обучения при более пристальном внимании к маргинальным группам молодых людей, не охваченных школой, бедной городской молодежи, семейной молодежи.

Вместе с тем, требуются дополнительные усилия структур ЮНЕСКО и государств — членов Организации для решения следующих вопросов:

- установление по-настоящему партнерских (а не формальных) связей между молодежью и взрослыми для поддержки образовательных целей в областях, которыми занимается ЮНЕСКО;

- интеграция молодежно-ориентированного контента в областях, которыми занимается Организация, в национальные учебные программы, педагогические методики и предназначенные для молодежи учебные программы;

- разработка заинтересованными сторонами программ неформального и неформального образования совместно с молодежью, включая конкретные разработки для обездоленных молодежных групп;

- расширение получившими поддержку государствами-членами успешных программ образования и обучения в областях, являющихся компетенцией Организации.

Третье направление Оперативной стратегии в отношении молодежи на 2014–2021 гг. — гражданственность, демократическое участие и социальные инновации. Ключевая задача ЮНЕСКО — разработка и практическая реализация концепции гражданственности молодежи, влияние на развитие молодых людей, укрепление демократии и внедрение социальных инноваций. Связывая эту работу с двумя упомянутыми выше направлениями Оперативной стратегии и опираясь на потенциал сотрудничества с международными экспертами, молодежными организациями и другими участниками процесса развития молодежи, Организация уделяет большое внимание трем конкретным видам деятельности:

- участие молодежи в процессе принятия решений и укрепления демократии, для чего необходимо содействие этим процессам на всех уровнях (от местных до региональных и международных форумов), развитие руководящих качеств у разных категорий молодежи, развитие различных форм культурного самовыражения, содействие молодежи в правильном понимании своих прав и обязанностей и активной роли в демократических процессах;

- формирование у молодежи руководящих предпринимательских и инновационных навыков для устойчивого жизнеобеспечения и сокращения масштабов нищеты. Особое внимание по этим проблемам уделяется таким категориям молодежи, как молодые новаторы, разрабатывающие социальные проекты или создающие НПО; молодые люди, нуждающиеся в помощи при осуществлении проектов в области компетенции ЮНЕСКО; крайне уязвимые и маргинализированные молодые люди, стремящиеся принимать личное участие в процессе устойчивого развития общества;

- участие молодежи в развитии таких направлений миротворчества, как предотвращение конфликтов, налаживание взаимопонимания, примирения, укрепления мира. На это направлены всеобъемлющие правозащитные мероприятия, различные формы диалога о предотвращении насилия, привлечение молодежи к руководству значимыми практиками сохранения наследия и добровольческой работе.

Научно-методические и организационно-контрольные механизмы, обеспечивающие выполнение Оперативной стратегии ЮНЕСКО в отношении молодежи. В этом контексте следует отметить, что указанная программа реализуется на системной интеграции различных возможностей Организации со многими другими субъектами, наделенными компетенцией в этой сфере преобразований молодежной политики, на четком планировании как этапов этого процесса, так и отдельных значимых мероприятий. Предполагается в том числе и проведение в 2021 г. обзора Молодежной программы ЮНЕСКО и ее заключительная оценка. Наиболее эффективным элементом научно-методического и организационно-контрольного механизма реализации Оперативной программы за период с начала ее реализации по настоящий момент (начало 2019 г.) стало использование потенциала созданного в 1999 г. и со временем превратившегося в постоянно действующий орган Молодежного Форума ЮНЕСКО в качестве неотъемлемой части Генеральной конференции ЮНЕСКО. Для координации проводимой работы в Секторе социальных и гуманитарных наук (SHS) штаб-квартиры ЮНЕСКО создана специальная группа по молодежной программе параллельно с Управлением молодежными программными мероприятиями; организована межучрежденче-

ская сеть по вопросам развития молодежи, а также широкая сеть партнеров Организации в лице национальных, местных, муниципальных органов власти, молодежных структур, научных кругов, особенно кафедр ЮНЕСКО, институтов и центров ЮНЕСКО, международных, региональных и неправительственных организаций, включая клубы ЮНЕСКО, пропагандистов высокого уровня, частный сектор средств массовой информации. В числе реализуемых мер — привлечение к осуществлению Молодежной программы ЮНЕСКО участников созданной при Организации Программы молодых специалистов; усиление международного и регионального сотрудничества в сферах компетенции Организации, поощрение альянсов и интеллектуального сотрудничества; сотрудничество Организации с национальными комиссиями; создание системы внебюджетного финансирования Оперативной стратегии ЮНЕСКО на всех уровнях государств-членов, партнеров, Секретариата Организации для увеличения уровня внебюджетных средств до 40–50% от объемов ресурсов обычной программы.

Завершающий этап реализации Оперативной стратегии ЮНЕСКО в отношении молодежи (2019–2021) требует от всех организаций, вовлеченных в ее процесс, реализации максимальной концентрации своих усилий на наиболее важных направлениях этой деятельности, что позволит в самом конце, как это предусмотрено, провести обзор молодежной программы ЮНЕСКО и осуществить окончательную ее оценку, а в рамках отдельных циклов программы осуществить внутренние оценки и самооценки мероприятий, ориентированных на молодежь. Накопленный ценный опыт должен быть эффективно использован ЮНЕСКО в дальнейшей ее плодотворной деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Семенович Канто — доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН, Москва, Россия
askapto@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Kapto — Doctor of Philosophy, Head of Department of Social Studies and Humanities of UNESCO at the Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
askapto@yandex.ru

Статья поступила 10.04.2019; принята к публикации 05.06.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2019; accepted for publication on 05.06.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-49-55

УДК 1(091)(045)

Современная философия Азербайджана: достижения и перспективы развития

И.Р. Мамедзаде

Институт Философии НАНА,
Баку, Азербайджан

<https://orcid.org/my-orcid>

АННОТАЦИЯ

Споры о том, что представляет собой азербайджанская национальная философия, идут с 90-х гг. XX в., и в начале эти споры были обусловлены ощущением кризиса советской марксистской идеологической мысли. В это время из России транслировались идеи о кризисе марксизма, приоритете либерализма и теорий гражданского общества. Некоторые авторы с тех пор уверены в том, что в советское время философии не было, а процветала догматическая коммунистическая идеология. Они же стали считать, что философия может существовать только на родном языке, а так как в те времена многие писали на русском языке, то и вывод был опять-таки соответствующий: в Азербайджане национальной философии только предстоит состояться. Однако противопоставление философии и идеологии лишь в каких-то случаях приводит либо к поиску ответа на вопрос, что есть философия и каковы у нее взаимоотношения с идеологией, либо к непониманию того, что есть философия. Вопрос в том, что есть философия и что создает (творит) ее, философию. Такое вопрошание приводит к тому, что постепенно складывается понимание, что социально-политическое и идеологическое измерение воздействует на философию, знание, познание, теорию и мораль опосредованно, через целый ряд духовно-культурных и идейных особенностей.

Ключевые слова: азербайджанская философия; история философии; философия науки; этика; просвещение

Для цитирования: Мамедзаде И.Р. Современная философия Азербайджана: достижения и перспективы развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):49-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-49-55

ORIGINAL PAPER

Modern Philosophy of Azerbaijan: Achievements and Prospects of Development

I.R. Mamedzade

Institute of Philosophy, NAS,
Baku, Azerbaijan

<https://orcid.org/my-orcid>

ABSTRACT

Disputes about what constitutes the Azerbaijani national philosophy have been going on since the 90s of the twentieth century. They were caused by a sense of crisis in Soviet Marxist ideological thought. At this time, ideas about the crisis of Marxism and the priority of liberalism, theories of civil society were broadcast from Russia. Some have since believed that there was no philosophy in Soviet times, but dogmatic communist ideology flourished. They began to believe that philosophy can exist only in their native language, and many wrote in Russian at that time, the conclusion was again appropriate, in Azerbaijan, the national philosophy is only to be held. It is thru that such prediction does not lead to deep reflections and conclusions about what modern philosophy is, how it is becoming, how it relates to its past. At the same time, it is clear that the opposition of philosophy and ideology in some cases leads either to find an answer to the question of what philosophy is and what is its relationship with ideology or to misunderstanding what philosophy is. The question of what philosophy is and creates it, philosophy. Such questioning leads to the fact that gradually there is an understanding that the socio-political and ideological dimension affects philosophy, knowledge, cognition, theory and morality all the same indirectly through several spiritual, cultural, national, ideological influences. These issues are of interest to many, and not only in Azerbaijan.

Keywords: Azerbaijan philosophy; a history of philosophy; philosophy of science; ethics; enlightenment

For citation: Mamedzade I.R. Modern philosophy of Azerbaijan: Achievements and prospects of development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):49-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-49-55

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, что есть философия, представляет интерес для многих и не только в Азербайджане. Его задавали себе французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари. О философии как умении задавать вопросы писал другой француз, М. Фуко. Ответы на данный вопрос, естественно, разные [1].

Среди ответов наиболее интересными в Азербайджане являются следующие: «Философия — это история азербайджанской философии, той философии, которая развивалась, нередко поэтами и мудрецами, живущими или родившимися на территории современного Азербайджана»; «Философия — это поиск истины, наука или метод, методология и эпистемология»; и, наконец, «Философия — это просвещение, мораль, этика и ценности». Такие высказывания можно найти при ознакомлении с трудами философов, которые публикуются большей частью на государственном азербайджанском языке, но немало работ выходит на русском, турецком, английском языках. Нередко один и тот же концептуальный труд издается автором и на азербайджанском, и на русском или английском языках. К примеру, «История азербайджанской философии» в 2-х томах под ред. З. Гулузаде издана на русском и азербайджанском языках. Наши работы изданы на русском, азербайджанском и английском языках, хотя азербайджанский вариант не является, как правило, полным повторением русского [2–4]. Из последнего хотелось бы упомянуть нашу работу “Philosophy of mutual influence of cultures and settlement of Germans in the Southern Caucasus”, которая издана и на азербайджанском языке [5].

Надо признать, в поисках ответа на вопрос, что есть философия, встречается немало сложностей, которые ощущаются самими философами. Так, в Средние века философами назывались поэты и мудрецы, творившие, как правило, на арабском и персидском языках и не оставившие собственно философских трудов. В трудах историков философии особое место занимают философские идеи Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, Физули и др. Среди тех, кто философию воспринимает как истину, науку, методологию и метод, происходит подмена или редукция философии к социологии или к фундаментальной науке, т.е. исчезает специфика собственно философского пои-

ска истины. У тех же, кто философию сводит к просвещению и знанию, к морали и к ценностям, идет редукция оной к знанию, иногда религиозному, и к культуре [6–10]. Подобные дискуссии и столкновения мнений нормальны для творческой деятельности, каковой, несомненно, является философия. Философия в таком случае находится в процессе развития. Об этом косвенно свидетельствует и то, что в Национальной академии наук Азербайджана с 1945 г. действует Институт философии, сначала — в качестве сектора, потом — Института философии и истории, затем — философии и права, а теперь — самостоятельной институции. В данный момент в Институте философии функционируют 13 научных отделов и 7 вспомогательных. Одни существуют с 60-х гг. XX в.: истории философии и общественной мысли Азербайджана, этики, эстетики и социологии. Другие созданы в 90-е гг.: теории познания и социальной философии. Некоторые — совсем недавно: исламской философии, логики, философии политики и мультикультурализма и философии толерантности.

Каждый год нами издается около 20–30 монографий, некоторые из них — в Турции, России и других странах. Выходит более 250 статей в год, как правило, при этом часть из них — в зарубежных журналах, опять-таки в основном в Турции и России. Нередко они публикуются в престижном российском журнале «Вопросы философии» [11, 12].

ОБ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Многие в Азербайджане считают, что основным направлением азербайджанской философии является история философии. Мы, пожалуй, с этим согласимся, но с оговорками. В современной философии, в том числе и у нас, существует определенный скепсис по отношению к истории философии, а потому следовало бы задуматься над тем, в чем заключаются проблемы истории философии как философии нового знания. Наши философы с трудом признают, что границы тех лет были условными, религиозная принадлежность доминировала над этнической идентичностью, а тексты мудрецов и философов писались в цивилизационном контексте. Потому наши великие средневековые мудрецы и писали на арабском языке — языке мусульманской философии, или

на персидском, который признавался языком поэзии. Понятно, что их творчество стало частью нашей ментальности, нашей культуры, философии.

Однако это лишь часть нашей истории философии. В ней нет еще аналитического взгляда на «свой» текст, философского понимания, что есть история и новое знание, чем отличается истина от наставления, как прирастало знание в прошлом и ныне; осмысления того, что она не только цепь событий, констатаций и фиксаций, перечень философов и мудрецов, сменяющих друг друга идей и представлений, но и подход ученого к идеям и коммуникациям, к анализу причин того, что происходит с людьми и их сообществами, то есть становление концептуального подхода.

Такой подход (его истоки) формируется лишь к середине XIX в. (Аббаскулиага Бакиханов), а то и XX в. Его можно уловить, к примеру, в трудах Гейдара Гусейнова, Александра Осиповича Маковельского (40–50-е гг. XX в.). Значимость такого подхода подчеркивает ныне академик Р. Мехтиев. Он в своих многочисленных трудах, которые посвящены проблемам национальной философии, связям философии и политики, философии и национальной идеологии, активно разрабатывает также вопросы методологии и философии истории. К примеру, совсем недавно были изданы его книги о методологии исторического знания, изменениях общественного сознания в эпоху глобальных трансформаций, в которых рассматриваются эти вопросы, проводятся параллели и сравнения с тем, как идет процесс становления и развития философского знания в современную эпоху в других культурах [13].

Идеи просветителей дали советской азербайджанской философии относительную самостоятельность от догматического марксизма, раскрыли привлекательность западной философии и науки, которые перестали восприниматься как буржуазные [14]. Такую же самостоятельность ей дала и история азербайджанской философии. В этом контексте отметим значимость трудов историка и философа, востоковеда Закира Мамедова, который в 70-х гг. перевел с арабского языка труды азербайджанских философов X–XIV вв.: Бахманяра, великого философа и логика, ученика Ибн Сины (Авиценны) («Трактат о предмете метафизики», «Трактат о ступенях сущего»

и «Книга приобретения знаний»), Ш. Я. Сухраверди («Воззрения философов», «Статуи света»). Но эта работа, огромная по своему содержанию и смыслу, не смогла выявить, видимо, всей полноты связей прошлого с настоящим, условности границ в философии. Многие сделал для истории философии Азербайджана Зияддин Геюшев. Его монументальная книга «Мировоззрение Г. Б. Зардаби» с привлечением конкретных документов и материалов оказала серьезное влияние на понимание методики подготовки историко-философских трудов [15].

Следует разобраться, в чем для нас революционный смысл истории философии просветительства. Для этого мы вычленим в ней три этапа. Первый начался с середины XIX в. и связан с творчеством А. Бакиханова и его научным подходом. Под влиянием российской истории он смог осмыслить, что влияло на историю Азербайджана до XIX в. Г. Зардаби, поздний современник Бакиханова, отдал приоритет знанию и пропаганде в деле просвещения народа. В его статьях вычленяется связь между естественной наукой и общественным развитием, между знанием и нравственностью. М. Ф. Ахундов в азербайджанском просвещении XIX в. сыграл, пожалуй, самую значимую роль и оказал особое воздействие на философию, культуру и т. д. Он был знаком и находился под влиянием французских и немецких философов, имел собственные философские труды. Но, опять-таки, его влекла идея просвещения и освобождения народа от религиозных оков, знание он считал основным средством в борьбе за прогресс. Продолжился этот процесс становлением джадидизма (идеологии исламского модернизма) и утверждением первой демократической республики на Востоке — Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920).

Они — просветители Азербайджана — смогли обосновать необходимость взаимодействия культур в развитии собственно азербайджанской (тогда ее нередко называли мусульманской и тюркской) культуры. Они фактически сформулировали тезис о том, что идеи не имеют границ, что общество значимо для развития общности, а естественнонаучные знания и прогресс неотделимы от социального знания. Их статьи и книги пестрят ссылками на то, что происходит в культурной и научной жизни, религии, философии, истории (полити-

ки) Османской Турции, Ирана, России. Второй этап просветительства связан с философами Советского Азербайджана и становлением философии азербайджанского просвещения, находящейся, конечно, под влиянием советского марксизма. Ее относительная самостоятельность, однако, не осмыслялась как непосредственный, в каком-то смысле персональный интеллектуальный и философский опыт. Однако ими была принята и транслирована идея о том, что наука и философия взаимодействуют, что философия — есть наука, что ее выводы проверяются на практике. Третий этап начинается с обретения Азербайджаном независимости. И в связи с этим мы ставим задачу понять, в чем специфика исследования азербайджанской национальной философии — науки, не ограниченной рамками собственной аутентичности, а способной развиваться в контакте с философией других стран и культур.

О ФИЗИКАЛИЗМЕ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В советский период в азербайджанских университетах философского факультета не было, а потому нередко философами становились выпускники физических, математических и химико-биолого-медицинских факультетов, историки и педагоги. Поэтому, естественно, философия редуцировалась, сводилась к науке, а ее специфика нередко игнорировалась. Ее задачей оказывалась, как правило, демонстрация достижений науки. Хотя не следует недооценивать, что усилиями этих ученых сложились такие направления, как философия экологии, философия и социология науки, философия культуры и т.д.

В подобных трудах часто употребляются такие понятия, как «технонаука», «квантовая информация», «информационное общество» и т.д. Конечно, авторы (З. Оруджев, Н. Мамедов, А. Аббасов и др.) пытались и пытаются использовать научные подходы в анализе общества, и нередко подобные исследования представляют большой интерес, но в них не всегда вычленяется собственно философский контекст исследования. Не будем отрицать актуальность в науке междисциплинарных исследований, но признание их актуальности вовсе не предполагает потерю или игнориро-

вание философской идентичности. Философия, конечно, может развиваться, когда ученые пытаются применить научные методы для анализа общественных процессов. Многие современные азербайджанские философы считают, что с помощью науки можно найти ключ к правильному управлению обществом, миром, определить последовательность действий, логику процесса, разделить и оценить общества и т.д. Однако, несмотря на это, почти не заметен интерес к современному прочтению трудов К. Маркса и к западному неомарксизму.

Вместе с тем в лучших трудах заметен интерес к пониманию того, в чем кризис современной науки, как исследовать глобальные проблемы сквозь призму экономики, науки, истории и культуры. Ученые много дискутируют о том, как исследовать сознание с помощью биофизики и физиологии, что понимается под устойчивым развитием, как соотносится оно с экономикой и знанием, каковы связи между дисциплинарными и междисциплинарными исследованиями в современную эпоху и т.д. Интерес к этим вопросам свидетельствует, что идет процесс становления того, что мы называем социальной эпистемологией. Об этой сфере знания много пишут на Западе и в России. С 2011 г. у нас в Институте было издано 9 сборников, посвященных непосредственно социальной эпистемологии. Среди них: «Современная философия и Азербайджан: история, теория и образование» (Баку, 2011); «Современная философия, наука и культура: постнеклассическая эпистемология» (Баку, 2011); «Постнеклассическая эпистемология и культура эпохи постмодернизма» (Баку, 2014–2015); «Философия истории: ретроспектива и перспектива» (Баку, 2018). Нельзя сказать, что в этих книгах в систематической форме освещены главные идеи и концепции данного направления, они в большей степени ориентированы на идеи современного российского философа В.С. Степина. Но в отдельных статьях этих сборников азербайджанские философы стремятся углубить свои представления и знания об обществе. В их исследованиях используются научные методы и материалы для анализа социальных, политических и культурных проблем. Они создают современную философию и социологию науки для анализа всех сфер общественной жизни. В большей степени, конечно, они дают определение тому, что называется «знание» и «наука»,

соотносят индивидуальную позицию автора с групповым мнением, установками и т.д. Пытаются отделить «хорошую» науку от «плохой», ее успешность (хорошая) они связывают с рациональностью, а неуспешность (плохая) объясняют социальными факторами. Мы надеемся, что должные усилия в этих направлениях позволят нам преодолеть сложившиеся традиции излишней редукции философии к науке без вреда для доказательности идей.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ, МОРАЛИ И КУЛЬТУРЫ

Надо признать, что азербайджанской философии советских времен была присуща известная изолированность. В какой-то степени это объяснялось идеологическими препонами, но в то же время философы слабо знали европейские и восточные языки. Поэтому почти не было, за редким исключением, монографий, к примеру, о западной или восточной философии. Заметные изменения в этике начали происходить в 80-е гг. XX в. Именно философы-этики подготовили ряд трудов о западной философии, западных концепциях соотношения политики и морали с учетом результатов, накопленных в истории мировой западной философской мысли. Эта тенденция набрала силу в 90-е гг. и, наконец, в начале XXI в. появились труды о западной философии. Тогда стал заметен интерес не только к мусульманским направлениям в философии, но и, например, к китайской философии. Была издана книга о Конфуции, написанная, правда, с использованием материалов, опубликованных на русском и турецких языках.

Некоторые философы в Азербайджане исходят из того, что специфика философии наиболее адекватно выражается в этике, исследованиях морали и культуры (ценностей). Они считают нравственную и гуманистическую функции важнейшими для философии. Не будем с этим спорить, тем более, что у нас немало работ по этике и истории философии морали (к примеру, подобный подход был заложен еще в 60-е гг. XX в. патриархом азербайджанской этики З. Геюшевым — первым заведующим отделом этики нашего института).

З. Геюшев считал, что этика и мораль — это диалог философа с человеком, задумавшимся о том, что есть добро, совесть, мораль и зло. При этом он писал не о традиционной эти-

ке — философской дисциплине со времен Сократа и Аристотеля, а вел душевный разговор, исходящий из собственного опыта философа. Во всех его трудах такой разговор занимает значимое место, поэтому они и сегодня привлекают внимание читателей [16].

Затем философов Азербайджана в этической проблематике заинтересовал вопрос о том, что представляет собой современная западная этика, как она решает вопрос осмысления добра и зла, и как это осмысление может помочь в понимании этических проблем азербайджанского общества [17, 18]. Некоторые философы были уверены, что для азербайджанцев как мусульман ответы на эти вопросы должна дать религия. Но азербайджанцев, видимо, интересует все-таки возможность поразмышлять над ответом, подискутировать, и попытаться найти его самим. Это, как нам представляется, отличает азербайджанцев от других мусульман. Поэтому отметим, что интерес к западной этике обусловил обращение к современным западным философским концепциям, западной истории философии, идеям о кризисе в морали в эпоху глобализации, о кризисе гуманистических основ современного общества.

Поэтому в последнее время философов Азербайджана остроумно стали интересоваться вопросы национальной и множающейся идентичности, мультикультурализма и исламской солидарности. Как нам представляется, интерес к морально-этической проблематике и привел к этим размышлениям. Понятно, что ими занимаются не только этики и философы, но все обществоведы. Кажется, именно интерес к морали, с одной стороны, и к идентичности — с другой, и актуализировал эти размышления. Однако надо признать, что мультикультурализм воспринимается также как политическая и социологическая проблема.

В этом контексте нельзя не отметить, что в современной азербайджанской философии проявляется стойкий интерес к вопросам политики и морали, философии права, геополитики, социологии международных отношений. Они воспринимаются как междисциплинарные, когда философия возникает на стыке политики и права, морали и международного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы о том, что есть философия, история философии или философия науки, очень важны

для жизни общества. Вначале следует знакомство с трудами тех, кто задавал эти вопросы ранее, в других странах, а потом философ задает их себе. Эти вопросы теперь интересуют и наших философов, причем не только тех, кто профессионально занимается наукой. Однако не надо ограничиваться только спорами, которые ведут азербайджанские философы и обществоведы, — следует пытаться включить эти дискуссии в мировой философский процесс. Для этого необходимо, прежде всего, концептуально понять западноевропейскую философию XX в. и далее интересоваться, ви-

димо, китайской, арабской, турецкой и индийской философией. Однако и этого недостаточно. Философия — это постановка вопросов о сознании, языке и опыте. Для того чтобы они были профессионально сформулированы, необходимы, конечно, знания не только в области философии, истории, лингвистики, но и в биологии, нейрофизиологии, психологии и т.д. Иными словами, философу надо уметь вычленять основное, главное, существенное, осознавать, как возникает сфера взаимодействия между сущностями, понятиями, мирами и цивилизациями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мамедзаде И. О некоторых вопросах взаимоотношения философии и идеологии (в контексте азербайджанской истории и культуры). *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının Xəbərlər Məcmuəsi Cild.* 2016;(4):22–27.
2. Кочарли Ф. К., ред. История азербайджанской философии. Баку: Нац. акад. наук Азербайджана, Ин-т философии и права им. Бахманяра; 2002.
3. Мамедзаде И. О философии. Баку: Текнур; 2011.
4. Мяммядзая И. Р. *Bir daha fəlsəfə haqqında.* Bakı: Teknur; 2012.
5. Mamadzadeh I. Philosophy of mutual influence of cultures and settlement of Germans in the Southern Caucasus. Bakı: Print-E-service; 2017.
6. Эфендиева Г. А., сост. Нравственные искания: сб. статей. Баку: Нац. акад. наук Азербайджана, Ин-т философии и права, Ин-т молодежи; 1992. 140 с.
7. Мамедзаде И. Р. Гражданское общество и национальная идеология: философия политического процесса в Азербайджане. Баку: Текнур; 1995.
8. Кулиев Г. Архетипичные азе́ри: образы менталитета. Баку: Текнур; 1999.
9. Кулиев Г. Научная стратегия малых стран (в поисках модели Азербайджана. Баку: Текнур; 2007.
10. Гулузаде З. Концептуальные проблемы исследования социокультурного развития (конец XX — начало XXI в.). В 2-х ч. Баку: Текнур; 2010.
11. Мамедзаде И. Р. О философии мультикультурализма. *Вопросы философии.* 2016;(10):203–209.
12. Степин В. С., Гусейнов А. А., Цинянь А., Мамедзаде И. Р., Кузнецова Н. И., Порус В. Н. Размышления о журнале. *Вопросы философии.* 2017;(7):18–28.
13. Мехтиев Р. О пользе познания истории в формировании национальной идеи. М.: Столица; 2017.
14. Мамедзаде И. Р., Геюшева З. Модерн, просветительские идеи Гасанбека Зардаби и философия просвещения. Баку: Тэкнур; 2015.
15. Геюшов З. Мироззрение Г. Б. Зардаби. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР; 1962. 403 с.
16. Геюшев З. Добродетель и порок. Баку: Азербайджанское государственное издательство; 1972.
17. Мамедзаде И. Р. Введение в этику. Баку: Муаллим; 2004.
18. Мамедзаде И. Р. Опыт интерпретации морали. Баку: Муаллим; 2006.

REFERENCES

1. Mamedzade I. R. On some issues of the relationship of philosophy and ideology (in the context of Azerbaijan history and culture). *Newsletters of the Azerbaijan National Academy of Sciences.* 2016;4(3):22–27.
2. Kocharli F. K., ed. History of the Azerbaijan philosophy. Baku: ELM; 2002.
3. Mamedzade I. R. About philosophy. Baku: Teknur; 2011.
4. Mamedzade I. R. One more on philosophy. Baku: Teknur; 2012.
5. Mamedzade I. R. Philosophy of mutual influence of cultures and settlement of Germans in the Southern Caucasus. Baku: Print-E-service; 2017.

6. Moral quest: A collection of articles. Baku: Teknur; 1992.
7. Mamedzade I.R. Civil society and national ideology: philosophy of political process in Azerbaijan. Baku: Teknur; 1995.
8. Kuliev G. Archetypical Azeris: types of mentality. Baku: Teknur; 1999.
9. Kuliev G. The know-how Strategy of the Small Countries (in the search of Azerbaijan model). Baku: Teknur; 2007.
10. Guluzade Z. Conceptual Problems of Research on socio-cultural Development (End of 20th Century beginnings of the 21st century). Part I and II. Baku: Teknur; 2010.
11. Mamedzade I. On the Philosophy of Multiculturalism. *Philosophy Issues*. 2016;10:203–209. (In Russ.).
12. Stepin V.S., Guseinov A.A., Cingjan A., Mamedzade I.R., Kuznetsova N.I., Porus V.N. Reflections on the journal. *Philosophy Issues*. 2017;7:18–28. (In Russ.).
13. Mehtiyev R. On the benefits of consciousness of history in the formation of the national idea. Moscow: Stolitsa; 2017. (In Russ.).
14. Mamedzade I.R., Goyushova Z. Modern — Educational ideas of Hasan bey Zardabi and the philosophy of enlightenment. Baku: Teknur; 2015.
15. Geyushov Z. The world outlook of Hasan bey Zardabi. Baku; 1962.
16. Geyushov Z. Virtue and Vice. Baku: Azerbaijan state publishing house; 1972.
17. Mamedzade I.R. Introduction to Ethics. Baku: Muallim; 2004.
18. Mamedzade I.R. Experience of Moral Interpretation. Baku: Muallim; 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильхам Рамизоглы Мамедзаде — доктор философских наук, директор Института философии НАНА, Баку, Азербайджан
Ilham_mamedzade@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ilham R. Mamedzade — Doctor of Philosophical Science, Director of Institute of Philosophy NASA, Baku, Azerbaijan
Ilham_mamedzade@mail.ru

Статья поступила 26.04.2019; принята к публикации 15.05.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 26.04.2019; accepted for publication on 15.05.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов*

К.П. Курылев^a, Н.С. Данюк^b, Е.В. Семибратов^c, М.А. Никулин^d

^{a, b, c, d} Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

^a <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-3669-4441>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-4401-467X>; ^d <https://orcid.org/0000-0002-0971-0987>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные концепции в сфере безопасности, предлагаемые Россией на пространстве «Большой Евразии». Под «Большой Евразией» авторский коллектив подразумевает пространство всего евразийского материка от Западной Европы до Юго-Восточной Азии. К наиболее сложным проблемам формирования единой системы безопасности авторы относят наличие в указанных пределах большого числа разноразвитых макрорегионов, а также особенности политической ситуации на текущем историческом этапе. Поэтому авторы рассматривают основы безопасности в Евразии через призму безопасности двух континентов одного материка — Европы и Азии. Если проводить сравнительный анализ между этими двумя регионами, то можно увидеть, что институты по обеспечению региональной безопасности в Европе находятся на более высоком институциональном уровне, однако азиатская часть материка полностью избавлена от различного рода моральных последствий холодной войны. Эти обстоятельства делают этот регион более перспективным, с точки зрения базы для выстраивания единой системы безопасности, способной охватить весь материк. Данная тенденция является логическим продолжением того, что центры тяжести глобальной политики и экономики в последние два десятилетия начали перемещение в сторону Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Большая Евразия; Россия; безопасность; политика; ОДКБ; ШОС; НАТО; Китай

Для цитирования: Курылев К.П., Данюк Н.С., Семибратов Е.В., Никулин М.А. Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):56-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-56-65

ORIGINAL PAPER

Russia's Role in the Formation of the Conceptual Provisions of the Eurasian Security**

K.P. Kurylev^a, N.S. Danyuk^b, E.V. Semibratov^c, M.A. Nikulin^d

^{a, b, c, d} RUDN University,
Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-3669-4441>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-4401-467X>; ^d <https://orcid.org/0000-0002-0971-0987>

ABSTRACT

The article analyses the main concepts in the field of security that Russia proposed in the space of "Greater Eurasia". By "Greater Eurasia" the author's team means the area of the entire Eurasian continent from Western Europe to Southeast Asia. The most challenging problems to the formation of a unified security system, the authors include the presence within these limits of a large number of diverse macro-regions, as well as features of the political situation at the current historical stage. Therefore, the authors consider the basics of security in Eurasia through the prism of security of two continents of the same continent-Europe and Asia. If we make a comparative analysis between these two regions, we can see that the institutions for regional security in Europe are at a higher institutional level, but the Asian part of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

** The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00165).

the continent is entirely free from various kinds of moral consequences of the “cold war”. These circumstances make this region more promising in terms of the basis for building a unified security system capable of covering the entire continent. This trend is a logical continuation of the fact that the centres of gravity of global politics and the economy in the last two decades began to move towards South-East Asia.

Keywords: Greater Eurasia; Russia; security; politics; CSTO; SCO; NATO; China

For citation: Kurylev K.P., Danyuk N.S., Semibratov E.V., Nikulin M.A. Russia's role in the formation of the conceptual provisions of the Eurasian security. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):56-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-56-65

ЧТО ТАКОЕ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРАЗИИ?

Евразия является крупнейшим материком на земном шаре, в состав которого входят несколько стратегически важных с военно-политической точки зрения регионов планеты: европейский, восточноазиатский, южноазиатский, центральноазиатский, ближневосточный и др. Отметим, что традиционно гражданские и военные специалисты в России рассматривают стратегическую безопасность Евразии исключительно в контексте тех регионов, которые непосредственно прилегают к российской границе — это евроатлантика, постсоветское пространство и восточная Азия. Мы полагаем, что безопасность «Большой Евразии» не может быть исследована без подробного анализа региона Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), однако исторически сложившаяся на этом пространстве особая система сдержек и противовесов, а также многочисленные геополитические и геоэкономические процессы часто требуют отдельной комплексной экспертизы, поэтому регион БВСА целенаправленно выводится за рамки исследования. Для сравнения, китайские подходы к формированию единого евразийского пространства включают в себя и Ближний Восток (https://mgimo.ru/upload/iblock/92f/elibrary_32501126_66395242.pdf). Это связано с тем, что маршрут Великого шелкового пути исторически проходил через границы стран этого макрорегиона. В настоящее время Китай заинтересован в поддержании стабильности и предсказуемости на Ближнем Востоке, поскольку сухопутный логистический маршрут через это пространство в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» является одним из наиболее коротких и перспективных.

Безусловно, Россия тоже имеет свои стратегические интересы в этом регионе, хотя на протяжении долгого времени внешнеполитические инициативы Москвы на Ближнем Востоке и в Северной Африке носили исключительно политико-дипломатический или торгово-экономический характер.

Однако успешная военная кампания в Сирии ярко сместила тренд в сторону военно-политического присутствия и дальнейшего наращивания влияния Москвы. В связи с этим российская сторона в ближайшее время будет вынуждена включать инициативы по стабилизации Ближнего Востока в общий инструментарий для обеспечения безопасности на пространстве Евразии.

Среди основных евразийских концепций, популярных в России на разных этапах современной политики, необходимо выделить т.н. «Большую Европу» — от Лиссабона до Владивостока, — концепцию евразийства, объединяющую в единое геополитическое и геоэкономическое пространство европейские (Россия, Украина, Белоруссия) и азиатские страны постсоветского пространства (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и др.), а также концепцию «Большой Евразии», фактически объединяющей весь континент.

Старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН С. Базавлук отмечает: «Евразийство и проект ЕАЭС разделяют неопределенность понятия „Евразия“. Как идеологический концепт, так и его частичное воплощение в экономическом союзе рассматривают Евразию как пространство, на котором исторически доминировала Россия в силу своего географического расположения в европейской и азиатской частях континента» [1].

В западном экспертном сообществе не существует единства даже в отношении целесообразности сохранения Россией своих национальных интересов на постсоветском пространстве, не говоря уже о пространстве всей Евразии. Например, специалисты из Chatham House высказывают полярные точки зрения: некоторые признают «историческое право» Москвы на защиту и сохранение своих позиций в регионе, другие считают, что после развала СССР российской дипломатии не следует вмешиваться в дела постсоветского пространства (<https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russia-question-sovereignty-and-legitimacy-post-soviet-eurasia>).

БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

На протяжении долгого времени Россия рассматривала формирование единой зоны безопасности в Европе в качестве приоритетной меры. Российская внешняя политика, начиная с начала 1990-х гг., имела ярко выраженный европоцентричный характер. Инициативы в области обеспечения безопасности в Азии оставались лишь на концептуальном уровне, не получая практических механизмов для реализации.

Существующая система безопасности в Европе является логическим продолжением той ситуации, которая сложилась в годы холодной войны. Для того исторического периода было характерно разделение европейского континента на два военно-политических блока — ОВД и НАТО, причем разграничительная линия проходила по странам Центральной Европы. После распада социалистического блока и окончания холодной войны (о чем было объявлено на историческом саммите на Мальте в 1989 г.) генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев заявил о намерении окончательно устранить «железный занавес» (http://www.gorby.ru/presscenter/news/show_29809).

Однако политика НАТО в 90-е гг. была направлена на включение в состав Североатлантического альянса бывших членов ОВД: в результате двух волн расширения 1999 и 2004 гг. НАТО оказалось в непосредственной близости у границ России. Распад СССР стал для национальной безопасности России настоящей катастрофой: западные границы сдвинулись на восток, основные экономические и политические центры Российской Федерации оказались в непосредственной близости от новой государственной границы.

Вопрос о расширении и не расширении НАТО после объединения Германии в 1990 г. стал одним из ключевых в отношениях между Россией и Североатлантическим альянсом и мешал выстраиванию нормальной системы безопасности. Так, в 2007 г. во время своей Мюнхенской речи Президент России В. Путин заявил: «Что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?» (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>). Таким образом, Москва продемонстрировала не просто неудовлетворенность текущими процессами в сфере европейской безопасности, но также выразила свое отношение к этой проблеме. Президент РФ заявил о том, что ожидания страны в отношении своих европейских партнеров не только не оправ-

дались — фактически российское государство было обмануто.

При этом в западной историографии дается принципиально иная оценка этим событиям. Европейские эксперты указывают на то, что никаких письменных обязательств со стороны НАТО не было предоставлено, таким образом, претензии России в данной плоскости являются безосновательными [2].

Несмотря на эти обстоятельства, Москва более 20 лет не планировала отказываться от идеи строительства единой европейской системы безопасности. Так, в 2008 г. Президент России Д. Медведев выдвинул идею о подписании договора о коллективной безопасности в Европе. В ноябре 2009 г., незадолго до Лиссабонского саммита ЕС и НАТО, проект текста договора был опубликован официально. Проект договора был подготовлен на основе 5 принципов:

- подтверждение базовых принципов безопасности и межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве;
- недопустимость применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях;
- гарантии обеспечения равной безопасности;
- запрет на эксклюзивное право любого государства и международной организации на подержание мира и стабильности в Европе;
- установление базовых параметров контроля над вооружениями и разумной достаточности в военном строительстве (<http://kremlin.ru/events/president/news/6152>).

Необходимо подчеркнуть, что за подобными принципами, по мнению члена президиума СВОП, профессора Высшей школы экономики В. Рыжкова, стояли следующие стремления Москвы:

- прекращение процесса расширения НАТО в направлении российских границ, прежде всего невступления в альянс Украины и Грузии;
- отказ от размещения в Европе новых систем вооружения и военной инфраструктуры; количественное ограничение вооружений, их возможное изменение только в согласованном формате;
- разграничение юридически и на практике сфер ответственности между основными организациями безопасности, действующими в регионе «большой Европы» (иначе — «сфер влияния») — НАТО, ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Евро-

пе), возможно ШОС (Шанхайская организация сотрудничества);

- ограничение односторонней активности США в регионе, в том числе, в тех странах, которые Москва считает «сферой своих жизненных интересов» (<https://ria.ru/20091002/187295034.html>).

Отметим, что в Европе проект договора о безопасности не вызвал большого энтузиазма. Европейские эксперты отмечали, что предложенной инициативой Россия пытается «связать руки» НАТО, при этом сохранив свое военное присутствие в Молдове, Грузии (<http://blog.aktualne.cz/blogy/jiri-just.php?itemid=8241>). Е. Журбей в своей статье провел подробный анализ заявлений, которые сделали лидеры стран НАТО, и пришел к выводу, что США и их союзники также не были удовлетворены существующими форматами сотрудничества с Россией, однако, подписать договор об общеевропейской безопасности в предложенной Москвой форме они не посчитали приемлемым [3].

На том этапе следует отметить, что подходы России к созданию правовых инструментов в условиях расширения влияния НАТО в Европе не были поддержаны партнерами. Во многом отказ от подписания договора способствовал активизации России на восточном направлении, причем, до эскалации отношений с НАТО в 2014 г.

В текстах концепций внешней политики России постсоветское пространство всегда указывалось как приоритетное (http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F; http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248). Таким образом, роль независимой Украины для обеспечения национальной безопасности в СНГ была значительной. Причем во многом эту роль необходимо рассматривать сквозь призму отношений между Россией и Украиной — двумя ключевыми странами постсоветского пространства.

Украинский кризис и последовавшее за ним обострение отношений по линии Россия — НАТО в среднесрочной перспективе полностью исключило возможность создания единой зоны безопасности от Лиссабона до Владивостока.

Согласно видению российских властей, Украина должна была стать важным звеном в формировании евразийской политической структуры, причем, не только в сфере безопасности. Например, Украина 31 мая 2013 г. подписала меморандум «Об углублении взаимодействия

между Украиной и Евразийской экономической комиссией» (http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246392146). У Киева долгое время сохранялся паритет уровней сотрудничества с ОДКБ и НАТО, что обеспечивало как негласный баланс сил между Россией и НАТО, так и прописанный в Конституции страны внеблоковый статус. Де-факто Украина всегда отдавала предпочтение евроатлантическому вектору, однако, де-юре только после внесения правок в конституцию в 2019 г. был законодательно закреплён курс на вступление в ЕС и НАТО (<https://portal.rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf>).

После Евромайдана 2014 г. ситуация изменилась кардинально: Киев начал последовательный курс на сближение с НАТО. В 2019 г. и П. Порошенко, (<https://iz.ru/832685/2019-01-10/poroshenko-za-avil-o-sposobnosti-vs-ukrainy-pereiti-na-standarty-nato-v-2020-godu>), и В. Зеленский (<https://lenta.ru/news/2019/06/26/standarti>) заявили о начале перехода Вооружённых сил страны на стандарты и нормы Североатлантического альянса. Подобные заявления — это прямое отражение общего курса украинского государства на интенсификацию отношений с НАТО с последующим вступлением в альянс. Таким образом, с точки зрения безопасности юго-западные границы России оказываются в уязвимом положении, что требует от Москвы адекватного ответа по двум направлениям:

- развитие отношений в сфере безопасности на евразийском пространстве (что будет рассмотрено дальше);
- усиление военной группировки в Южном военном округе.

По поводу переориентации Украины в российском экспертном сообществе даются разные оценки. Академик РАН, доктор экономических наук, советник Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции С. Глазьев отмечает, что внешний фактор сыграл ключевую роль в политической переориентации Украины. По его мнению, события 2014 г. являются частью «стратегии нестабильности», с помощью которой США поддерживают мировую гегемонию [4].

Член авторского коллектива, профессор кафедры ТИМО РУДН, доктор исторических наук К. Курылев более сдержан в своих оценках: он считает, что внешний фактор имел место, однако большое влияние на развитие текущего кризиса оказали и внутривнутриполитические особенности украинского государства [5].

Рассматривая евразийский материк как нечто цельное, необходимо также затронуть вопрос включения Украины в единое пространство. С точки зрения экономической интеграции, важнейшим инструментом является ЕАЭС. К. Курылев отмечает: «...Без участия Киева ЕАЭС не способен стать в полной мере конкурентоспособной организацией, а ее участники могут оказаться в числе государств „догоняющего» типа» [6]. За потерей экономической целесообразности следует переориентация Киева в евроатлантическое пространство, что ставит окончательный крест на планах создания «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока [7].

Отметим, что западное экспертное сообщество нередко в крайне резких тонах отзывалось о России, называя ее «угрозой» (<https://www.brookings.edu/podcast-episode/is-russia-a-threat>). Аналогичные оценки также дают и западные политики. В совокупности это ставит под сомнение реализацию единой системы европейской безопасности с участием России даже в долгосрочной перспективе.

БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИИ

Несмотря на то что усилия России до начала 2010-х гг. в большей степени были направлены на формирование зоны безопасности совместно со своими европейскими партнерами, страна успешно заложила институциональный фундамент для выстраивания системы безопасности в Евразии.

Занявший пост министра иностранных дел в 1996 г. Е. Примаков выдвинул идею создания треугольника Москва — Пекин — Дели [8]. На тот момент идея являлась лишь концепцией, которая очертила потенциальный вектор развития многополярного мира и продвижения на пути к безопасной и стабильной Евразии. Отметим, что в конце 90-х гг. Китай и Индия политически не были готовы к подобному объединению (http://www.idsa.in/idsacomments/RussiaChinaIndiaTrilateralCalibratingaFineBalance_rndas_151110), однако впоследствии позиция России сыграла одну из ключевых ролей в выстраивании конструктивных отношений между двумя наиболее населенными государствами планеты.

Предложение Е. Примакова на несколько десятилетий опередило свое время, поскольку тогда, в 90-е гг., Китай еще не являлся таким сильным игроком в международной торговле и на мировой политической арене (то же самое можно сказать и про Индию). По-настоящему единая и безопасная Евразия возможна только при нахождении

точек равновесия не только между Россией, Китаем и Индией, но и странами ЕС. Однако данная конфигурация в настоящий исторический момент не возможна, поэтому целесообразно создавать не единую евразийскую систему безопасности, а автономные военно-политические конструкции в Центральной и Южной Азии, которые впоследствии, при появлении благоприятной политической конъюнктуры, будут составной частью общей евразийской безопасности.

Российские подходы в большей степени охватывают территорию Центральной Азии, в которую входят страны постсоветского пространства. Причем за организацию механизмов по обеспечению безопасности в регионе Москва взялась сразу после демонтажа СССР. Первым шагом к этому стало подписание в 1992 г. Договора коллективной безопасности (ДКБ), который спустя 10 лет был переформатирован в военно-политический союз (ОДКБ), в состав которого входят Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Состав участников косвенно говорит о том, что в большей степени союз имеет азиатскую направленность, в границах Европы находятся всего два члена из шести. Отметим, что фактически с отказа Украины и Молдовы от участия в данном формате, объединение приобрело, в целом, азиатский характер, основываясь на обеспечении безопасности в Центральной Азии.

Преподаватель Бакинского государственного университета, доктор философии по политическим наукам А. Ибрагимов отмечает, что формирование ОДКБ не было вызвано наличием какой-либо серьезной региональной угрозы. На стадии создания происходили дезинтеграционные процессы в республиках бывшего СССР, что вынуждало их к сотрудничеству для укрепления своей собственной безопасности [9]. Отметим, что даже переформатирование в 2002 г. договора в формат военно-политического блока не было направлено против какой-либо силы на мировой политической арене, при этом указанное положение было прописано в тексте официального соглашения 2002 г. (<http://www.kremlin.ru/supplement/3505>).

Это обстоятельство в корне отличает мотивы образования ОДКБ от тех целей, которые преследовал СССР при формировании Организации Варшавского Договора в 1955 г. в качестве ответной меры по объединению стран западного блока в НАТО. Хотя кандидат исторических наук С. Кулик отмечает, что в НАТО рассматривают ОДКБ как «новое перерождение ОВД» [10].

По мнению российских экспертов, одной из причин реформирования ДКБ в формат военно-политического союза — объединение в 2002 г. стало увеличение угроз, исходящих от Афганистана, что требовало консолидированного ответа стран Центральной Азии совместно с Россией для стабилизации обстановки [11]. Отметим, что Кабул в работе объединения играет далеко не последнюю роль: в 2013 г. Афганистан официально стал страной-наблюдателем в ОДКБ. С одной стороны, это обстоятельство расширило зону присутствия военно-политического союза за пределы постсоветского пространства, что выглядит крайне позитивно в свете евразийских стремлений России, но, с другой стороны, это обстоятельство формирует картину четкой ориентации ОДКБ на центральноазиатский регион, что не отвечает интересам всех стран-участниц.

Отметим, что де-юре Москва пытается позиционировать ОДКБ как евразийское объединение, в частности в состав стран-наблюдателей была принята Сербия. Однако этот шаг необходимо рассматривать с точки зрения политического позиционирования объединения, поскольку эпицентр деятельности сосредоточен именно в Центральной Азии, и зачастую в контексте специфической афганской проблемы.

Приведем конкретный пример. Борьба с терроризмом в Центральной Азии не входит в список приоритетных направлений ни для Белоруссии, ни для Армении. Российско-белорусские интеграционные связи, в том числе и в сфере безопасности, находятся также в правовой сфере союзного государства. При этом отметим, что президент Белоруссии А.Г. Лукашенко неоднократно подчеркивал, что именно Минск несет основную нагрузку в обороне «союзного государства от Черного до Балтийского моря». Глава белорусского государства в контексте совместной обороны также упоминал именно формат союзного государства России и Белоруссии (СГРБ), а не ОДКБ. Минск неоднократно высказывал свои сомнения относительно ОДКБ, в основном они были связаны с поддержанием стабильности политических режимов. Например, так было в 2010 г. после успешного завершения очередной цветной революции в Киргизии на фоне бездействия стран — участниц ОДКБ (http://actualcomment.ru/lukashenko_raskritikoval_odkb.html).

При этом многие члены объединения, особенно Казахстан, параллельно своему участию в ОДКБ продолжают активное сотрудничество с НАТО,

несмотря на фактический разрыв связей между Россией и Североатлантическим Альянсом.

С точки зрения позиционирования союза необходимо отметить следующее: российские эксперты до 2014 г. предлагали пойти по пути налаживания связей между ОДКБ и НАТО, однако поддержки в Брюсселе по этому вопросу они не получили [12]. Подобный сценарий в теории мог быть неоднозначно воспринят Китаем, совместно с которым Россия реализует другой важный проект в Евразии — Шанхайскую организацию сотрудничества. Этот формат взаимодействия во многом является уникальным, поскольку объединяет в своем составе на данный момент такие страны, как Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Пакистан, Индия (<http://rus.sectesco.org/news/20180610/443025.html>). Общая территория входящих в ШОС стран составляет более 34 млн км, т.е. 60% территории Евразии. Общая численность населения стран ШОС составляет более 3 млрд чел. [13]. При этом в состав организации входят такие страны, как Индия и Пакистан, на протяжении многих лет находящиеся в состоянии перманентного конфликта.

История формирования ШОС уходит в середину 90-х гг., когда Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан встали на путь урегулирования исторических территориальных споров с Китаем. Так, в политическом словаре появился термин «Шанхайская пятерка», объединивший вышеуказанные страны.

Отметим, что процесс урегулирования территориальных споров занял определенное время, и последние соглашения между Россией и Китаем в этой сфере были заключены в 2005–2006 гг. (центральноазиатские республики завершили этот процесс раньше). Примечательной является история китайско-таджикских переговоров. В 1999–2000 гг. между двумя странами было подписано соглашение, согласно которому Душанбе передавал некоторые территории Пекину в рамках процесса демаркации границы, однако, в обмен на это Китай отказался от своих территориальных претензий, которые составляли до 25% от всей территории Таджикистана (<https://regnum.ru/news/polit/1279394.html>). Во многом заключение соглашения было обеспечено последовательной позицией России, которая оказывала постсоветским республикам полную политическую поддержку в переговорах с Поднебесной.

В июне 2001 г. в Шанхае прошла встреча глав государств «Шанхайской пятерки». Тогда пять

стран-участниц приняли в состав организации Узбекистан, что привело к переименованию организации в Шанхайскую организацию сотрудничества или «Шанхайскую шестерку». Кроме этого, состоялось формирование полноценной международной организации, целью которой стало выстраивание архитектуры безопасности в Центральной Азии при сопряжении интересов России и Китая. Основополагающими документами стали «Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества» (<http://www.kremlin.ru/supplement/3406>), «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (<http://kremlin.ru/supplement/3405>).

Среди целей ШОС, которые были закреплены в Хартии организации, принятой в 2002 г., необходимо особо выделить:

- укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;
- развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;
- совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией (<http://kremlin.ru/supplement/3450>).

При этом отметим, что ШОС не является военно-политическим блоком с четкой организационной структурой по примеру НАТО или ОДКБ [14]. Данный подход характерен для китайской дипломатической линии, которая традиционно пытается устанавливать со своими партнерами теплые и доверительные отношения, при этом избегая каких-либо строго регламентированных соглашений и объединений. Исходя из этого подхода и появилась такая организация как ШОС. При этом эксперты отмечают, что Пекин в работу объединения пытается встроить и экономические аспекты [15].

Вместе с тем некоторые специалисты считают, что единственной причиной для сотрудничества России и Китая в рамках ШОС является недопуск в регион Центральной Азии третьих сил, в первую очередь США [16]. Отметим, что аналогичной точки зрения придерживаются и эксперты из известной американской «фабрики мысли» RAND

(<https://www.rand.org/blog/2015/05/how-durable-is-the-china-russia-friendship.html>). Действительно, нельзя отрицать тот факт, что Москва и Пекин крайне не заинтересованы в появлении новых игроков в Евразии, тем более — их геополитического соперника в лице США, однако причины сотрудничества между двумя евразийскими державами лежат несколько глубже.

Предложенные оценки в некоторой степени были справедливы для ситуации середины 2000-х гг., когда шел процесс формирования организационной структуры ШОС, однако сейчас, после 10 лет активной работы, такие выводы уже не соответствуют действительности.

Эксперты RAND выделяют 4 основных приоритета в обеспечении китайских интересов в Центральной Азии: «Пекин заинтересован в поддержании безопасности в Центральной Азии в силу близости к своим границам. Пекин стремится поддерживать мир и легитимные режимы в странах Центральной Азии в свете уйгурской проблемы. Китай стремится усилить свое влияние в Центральной Азии и тем самым ограничить влияние других держав. Китай стремится продвигать свои экономические интересы в Центральной Азии и укреплять энергетическую безопасность» (https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR_525.html).

Китайские национальные интересы в большей степени ориентированы на торговлю и экономику, что несколько отличает их от российских приоритетов, но в принципиальных вопросах безопасности подходы Москвы и Пекина схожи.

Однако формат работы ШОС по-прежнему оставляет неразрешенными некоторые вопросы. Кандидат исторических наук, генеральный директор Российского совета по международным делам А. Кортуннов отмечает: «...было бы преувеличением заявить, что в рамках ШОС сформировалась и осуществляется единая стратегия государств — членов в сфере безопасности. ...Сама Шанхайская организация сотрудничества остается в значительной степени „геополитической витриной“, призванной продемонстрировать эффективность „незападных“ подходов к многостороннему взаимодействию и миропорядку в целом» (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-kamenotvergnuty-stroitelyami-novoy-evrazii>). Действительно, подобная характеристика актуальна в контексте появления новых центров силы в лице России и Китая, которые совместно создают альтернативные глобальные институты, в том числе

в области безопасности, однако зачастую по-разному смотрят на механизмы и инструменты ее обеспечения.

Включение Индии и Пакистана в состав ШОС, по мнению российской стороны, должно стать эффективным инструментом если не по решению, то по стабилизации и «заморозке» исторического конфликта. Кандидат политических наук О. Харина отмечает, что привлечение двух стран в ШОС не только создает новую площадку для постоянных встреч и переговоров, но и позволяет Нью-Дели отслеживать потенциальное сближение Исламабада с Москвой и Пекином [17]. Однако индийские эксперты не разделяют данную точку зрения, выводя решение индо-пакистанского конфликта в формат двусторонних отношений без привлечения третьих сторон (<https://ria.ru/20190304/1551523384.html>). При этом западные эксперты констатируют, что включение Индии в ШОС не было изначально поддержано Китаем, поэтому Пекин скорее рассматривает данное расширение как площадку для решения региональных вопросов (борьба с терроризмом, афганская проблема), но не для устранения индо-пакистанского конфликта (<https://www.rand.org/blog/2017/07/china-will-regret-indias-entry-into-the-shanghai-cooperation.html>).

Доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцев отмечает, что в настоящий момент «возвращение России в Европу возможно только через Азию» (<https://russiancouncil.ru/>

[analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategy/?sphrase_id=30445649](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategy/?sphrase_id=30445649)). Аналогичной точки зрения придерживается и академик РАН, доктор политических наук, ректор МГИМО А. Торкунов: «Как это ни парадоксально, единственный реалистический путь российского „возвращения“ в Европу сегодня проходит через Азию» (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vernetsya-li-rossiya-v-evropu/?sphrase_id=30445649). Действительно, отсутствие поддержки российских инициатив 2000-х гг., санкционная политика, ведущаяся против России с 2014 г. и ряд других негативных факторов свидетельствуют о том, что принципиальное изменение архитектуры безопасности в Европе возможно только при условии создания принципиально новой политической реальности в Азии, которая окажется для Старого света более приемлемой, в отличие от существующего евроатлантического порядка.

Рассматривая вопросы обеспечения безопасности в Азии, необходимо констатировать, что многие институты находятся на стадии формирования. При этом большой сложностью для Азии является то, что этот континент объединяет в себе целый ряд отличных друг от друга макрорегионов. В настоящий момент предпринимается попытка объединить на полях ШОС Центральную и Южную Азию и способствовать там формированию новой архитектуры безопасности, которая впоследствии может стать прообразом единой системы безопасности всего евразийского континента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базавлук С.В. Евразийство: терминологическая амбивалентность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018;18(2):273–283.
2. Kramer M. The Myth of a No-NATO-Enlargement Pledge to Russia. *The Washington Quarterly. Elliott School of International Affairs*, 2009;32(2):39–61.
3. Журбей Е.В. Договор о европейской безопасности: перспективность российских инициатив. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2010;(1):81–91.
4. Глазьев С. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир; 2015.
5. Курылев К.П., Станис Д.В. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривнутриполитической нестабильности. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014;5(2):114–117.
6. Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России. *Вестник РУДН, серия Международные отношения*. 2016;16(1):75–86.
7. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>.
8. Иванова Н.И., ред. Наш Примаков. ИМЭМО РАН. М.: Магистр; 2016.
9. Ибрагимов А.Г. ОДКБ как инструмент региональной безопасности. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_5e38eedba3ea4afea31b338b57f54b17.pdf.

10. Кулик С. Организация Договора о коллективной безопасности: Ответственная безопасность. М.: Институт современного развития; 2011.
11. Троицкий Е.Ф., Зиновьев Е.П. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза. *Русин*. 2018;(54):335–351.
12. Кулик С. Организация Договора о коллективной безопасности: Ответственная безопасность. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/387/387c908802e9e63682c179e862b81342.pdf>.
13. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. / Кожокин Е.М., ред. М.: РИСИ; 2005. 117 с.
14. Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН; 2008.
15. Каукунов А. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007;3(51):73–89.
16. Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН; 2008.
17. Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: Энергетика и безопасностью *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2017;(17)3:508–517. DOI: 10.22363/231306602017173508517

REFERENCES

1. Bazavluk S.V. Eurasianism: Terminological ambivalence. *Bulletin of RUDN University. Series: International relations*. 2018;2(18):273–283. (In Russ.).
2. Kramer M. The Myth of a No-NATO-Enlargement Pledge to Russia. *The Washington Quarterly*. — *Elliott School of International Affairs*. 2009;2(32):39–61.
3. Zhurbej E.V. The Treaty on European security: the prospects of Russian initiatives. *Ecumene. Regional studies*. 2010;1:81–91. (In Russ.).
4. Glazyev S. Ukrainian catastrophe: From American aggression to world war? (“Izborsky club collection”). Moscow; 2015: 93. (In Russ.).
5. Kurylev K.P., Stanis D.V. Ethno-confessional situation in Ukraine as a factor of internal political instability. *Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*. 2014;5(Part 2):114–117. (In Russ.).
6. Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Zinkovskaya E., Rakhimov K. H. Eurasian Economic Union in the foreign policy strategy of Russia. *Vestnik of RUDN University, international relations series*. 2016;1(16):75–86. (In Russ.).
7. Putin V.V. A new integration project for Eurasia — the future that is born today. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
8. Ivanova N.I., ed. Primakov Our. Moscow: Master; 2016:224. (In Russ.).
9. Ibragimov A.G. The CSTO as an instrument of regional security. In *Post-Soviet studies*. 2019;4(2). URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_5e38eedba3ea4afea31b338b57f54b17.pdf (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
10. Troitskiy E.F., Zinoviev E.P. Organization of the collective security Treaty: formation, evolution and crisis of the military-political Union. *Rusyns*. 2018;54:335–351. (In Russ.).
11. Kulik S. Collective Security Treaty Organization: Responsible security. Moscow: Institute of modern development; 2011:32. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/387/387c908802e9e63682c179e862b81342.pdf> (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
12. Kulik S. Collective Security Treaty Organization: Responsible security. Moscow: Institute of modern development; 2011:32. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/387/387c908802e9e63682c179e862b81342.pdf> (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
13. Commissina I.N., Kurtov A.A. Shanghai cooperation organization. In: Kozhokin E.M., ed. Moscow: RISI; 2005:117. (In Russ.).
14. Zimonin V.P. Shanghai cooperation organisation and the Eurasian dimension of security. In *Shanghai cooperation organisation: towards new frontiers of development: Materials of the round table*. Moscow: Institute of Far East. Russian Academy of Sciences; 2008:202. (In Russ.).

15. Kaukenov A. China's Policy in the Shanghai cooperation organisation. *Central Asia and Caucasus*. 2007;3(51):73–89. (In Russ.).
16. Koltunov A.A. influence of the Shanghai organisation of cooperation on development and security in the Central Asian region. In *Shanghai cooperation organisation: towards new frontiers of development: Materials of the round table*. Moscow: Institute of Far East. Russian Academy of Sciences; 2008:257–258. (In Russ.).
17. Kharina O.A. India's strategic interests in the SCO: Energy and security. *Vestnik RUDN. Series: International relations*. 2017;(17)3:508–517. (In Russ.). DOI: 10.22363/231306602017173508517

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Петрович Курылев — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
kurylev-kp@rudn.ru

Никита Сергеевич Данюк — кандидат исторических наук (PhD), первый заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
danyuk@isip.su

Евгений Викторович Семибратов — помощник директора Института стратегических исследований и прогнозов, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-semibratov@mail.ru

Максим Андреевич Никулин — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
nikulin-ma@rudn.ru

ABOUT THE AUTHORS

Konstantin P. Kurylev — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.
kurylev-kp@rudn.ru

Nikita S. Danyuk — Candidate of Sciences (History), First Deputy Director of the Institute for Strategic Studies and Forecasting, RUDN University, Moscow, Russia.
danyuk@isip.su

Evgeny V. Semibratov — Assistant Director of the Institute for Strategic Studies and Forecasting, PhD student at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.
e-semibratov@mail.ru

Maxim A. Nikulin — Assistant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.
nikulin-ma@rudn.ru

Заявленный вклад авторов:

Курылев К.П. — разработка концепции исследования.

Данюк Н.С. — работа над разделом «Безопасность в Азии».

Семибратов Е.В. — работа над разделом «Безопасность в Европе».

Никулин М.А. — работа над составлением выводов исследования.

The declared contribution of the authors:

Kurylev K.P. — development of the research concept.

Danyuk N.S. — work on the section “Security in Asia”.

Semibratov E.V. — work on the section “Security in Europe”.

Nikulin M.A. — work on drawing up the conclusions of the study.

Статья поступила 10.08.2019; принята к публикации 28.08.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.08.2019; accepted for publication on 28.08.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-66-72

УДК 93(045)

Франкфурт-на-Майне как центр формирования западной финансовой олигархии

А.В. Пачкалов

Финансовый университет,
Москва, Россия

<https://orcid.org/000-0002-6316-3224>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история Франкфурта-на-Майне как финансового центра и его роль в формировании финансовых династий. Франкфурт-на-Майне являлся городом, где долгое время финансовой деятельностью занимались представители еврейских династий (Барухи, Бельмонты, Вормсы, Голдманы, Голдшмидты, Оппенгеймеры, Ротшильды, Селигманы, Стерны, Шиффы, Шпейеры, Эрлангеры). Помимо этого, значительную роль играли немецкие финансовые династии — Бетманны, Метцлеры, а также выходцы из Франции — Гонтары и др. Некоторые представленные династии сохраняют важную роль в мире финансов до настоящего времени. Информация, содержащаяся в статье, показывает тесную родственную связь между рассмотренными семьями финансистов.

Ключевые слова: Барухи; Бельмонты; Бетманны; Вормсы; Голдманы; Голдшмидты; Гонтары; Метцлеры; Оппенгеймеры; Ротшильды; Селигманы; Стерны; Шиффы; Эрлангеры

Для цитирования: Пачкалов А.В. Франкфурт-на-Майне как центр формирования финансовой олигархии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):66-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-66-72

ORIGINAL PAPER

Frankfurt am Main as a Center of Formation of Financial Oligarchy

A.V. Pachkalov

Financial University,
Moscow, Russia

<https://orcid.org/000-0002-6316-3224>

ABSTRACT

The article looks at the role of Frankfurt am Main as a financial centre and its role in the developing of financial dynasties. Frankfurt am Main had a considerable role in the rising of Jewish financial dynasties (Baruch, Belmont, Goldman, Goldschmidt, Oppenheimer, Rothschild, Schiff, Seligman, Stern, Erlanger). The vital position in Frankfurt am Main had German financial dynasties (Betmann, Metzler and others). The article emphasises the history of less known families of the financiers. Some of these families keep essential roles in the world of finance. The information contained in the article shows the close relative connections between mentioned families of financiers.

Keywords: Baruch; Belmont; Betmann; Goldman; Goldschmidt; Metzler; Oppenheimer; Rothschild; Schiff; Seligman; Stern; Erlanger

For citation: Pachkalov A.V. Frankfurt am Main as a center of formation of financial oligarchy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):66-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-66-72

Благодаря выгодному географическому положению уже в средние века город Франкфурт-на-Майне был известен как торговый центр. В XVI в. здесь возникла биржа — старейшая в немецких землях. С XVI в. город прославился благодаря ярмарке, где осуществлялись крупные сделки с векселями, а с конца XVII — начала XVIII вв. он стал важнейшим финансовым центром на территории Германии, тесно связанным с Гамбургом, Амстердамом и другими городами Европы. В дальнейшем значение Франкфурта как международного финансового центра возросло, по ряду показателей он не уступал по своему финансовому значению Лондону и Парижу [1]. В середине XIX в. Франкфурт стал центром операций с американскими железнодорожными облигациями. Однако после объединения Германии в 1871 г. Франкфурт во многом уступил роль важнейшего финансового центра страны Берлину. После этого многие финансисты Франкфурта эмигрировали в другие города, в том числе в Лондон и Париж. Берлин же в качестве финансового центра ориентировался в основном на финансирование внутреннего индустриального развития страны, в отличие от Франкфурта, где преобладала специализация на финансовых услугах [2].

Кризис, вызванный Великой депрессией, деятельность нацистов и Вторая мировая война также ослабили значение Франкфурта-на-Майне как международного финансового центра. Возрождение происходит после Второй мировой войны, в 1950-е гг., когда город попал в список претендентов на получение статуса столицы ФРГ. Но канцлер К. Аденауэр оказывал протекцию Бонну, и в итоге Франкфурт стал экономической столицей ФРГ [3]. Значение Франкфурта-на-Майне как финансового центра возросло после Второй мировой войны. Ныне в городе расположены штаб-квартиры таких банков, как Дойче Банк АГ, Коммерцбанк АГ, Федеральный банк реконструкции и развития, Центральный кооперативный банк Германии.

На протяжении последних столетий город был космополитичен, в нем находили для себя место и евреи, и французы-протестанты. Среди последних наиболее известны **Гонтары**, семья протестантских торговцев и банкиров, переселившаяся во Франкфурт-на-Майне из Гренобля в 1689 г. вместе с другими купцами

из-за религиозных преследований на родине. Во Франкфурте они установили родственные связи с другими гугенотскими семьями банкиров и торговцев, такими как Сарасины, де Нёвиль, Орвилье. Банк Jacob Friedrich Gontard und Sohne, возникший в 1726 г., под разными названиями сохранялся до начала XXI в. Во Франкфурте-на-Майне существует дом, принадлежавший в XVIII в. банкирам Гонтар (в настоящее время — филиал Исторического музея г. Франкфурт-на-Майне) [4].

Не случайно, именно Франкфурт стал родиной ряда финансовых династий Европы. Важную роль среди них играли еврейские банкиры, традиционно контролировавшие многие крупные сделки с векселями уже в XVI в. Деловая жизнь евреев во Франкфурте прослеживается с XIII в. Франкфурт-на-Майне сыграл ведущую роль в процессе возвышения ряда еврейских финансовых семейств (именно из Франкфурта-на-Майне происходят такие тесно связанные между собой семьи, как Голдманы, Голдсмиты, Оппенгеймеры, Оппенгеймы, Ротшильды, Шиффы, Шпейеры и др.). Тесно связаны с Франкфуртом-на-Майне были семьи Гуггенхаймов, Канов. Франкфурт-на-Майне (вместе с Гамбургом) раньше других городов Германии принял большое число евреев, и уже в конце XVII в. торговля в городе во многом контролировалась евреями (несмотря на то, что в XVII в. в городе могло проживать не более 500 еврейских семейств) [5, 6].

Исходя из имеющейся информации, можно считать, что усиление еврейского влияния на финансовую систему в Европе связано с Тридцатилетней войной. Особенно заметным стало преобладание в европейской финансовой системе еврейских семей после наполеоновских войн.

Шпейеры (Шпайеры, Спейеры, Спайеры) — еврейская семья немецкого происхождения, известная с XVII в. (в конце XVII в. один из членов семьи был руководителем еврейской общины Франкфурта-на-Майне). В конце XVIII в. семья Шпейеров во Франкфурте-на-Майне считалась более богатой, чем семья Ротшильдов. В 1818 г. Иосиф Лазар Шпейер (1783–1846) основал во Франкфурте-на-Майне банк J. L. Speyer-Elissen (позже Lazard Speyer-Elissen). Дети и внуки Иосифа Лазара расширили банковский бизнес семьи, основав Speyer Brothers в Лондоне (основан сэром Эдгаром

Шпейером, 1862–1932) и Spreyer & Co в Нью-Йорке (основан Густавом Шпейером, 1825–1883, Джеймсом Шпейером, 1861–1941). Франкфуртский банк Шпейеров был ликвидирован нацистами в 1934 г. Банк в Нью-Йорке существовал до 1939 г. Семья Шпейеров породнилась в XIX в. с семьей Бейтов (Альфред Бейт — крупнейший торговец алмазами, управляющий компанией De Beers) [7–9].

Усиление еврейского влияния на финансовую систему в Европе связано с Тридцатилетней войной. Особенно заметным стало преобладание в европейской финансовой системе еврейских семей после наполеоновских войн.

Одной из наиболее известных банкирских семей, происходящей из Франкфурта-на-Майне, были **Голдсмиты (Голдшмидты)**. В XIX в. эта семья была известна как одна из наиболее богатых в Европе. Наиболее ранние сведения о семье связаны с Франкфуртом-на-Майне и относятся к XIV в. В начале XVII в. члены семьи были вынуждены оставить город и вернулись во Франкфурт-на-Майне уже в XVIII в. В XVII–XVIII вв. они занимались финансовой деятельностью в Голландии. У Голдсмитов были тесные родственные и деловые связи с еврейской банковской семьей Бишофшаймов, они совместно управляли банком Bischoffsheim, Goldschmidt & Cie bank, в 1863 г. ставшим частью Banque de Credit et de Depot des Pays-Bas. Также Голдсмиты находились в родственных связях с Ротшильдами, Канами и другими семьями еврейских финансистов. Их деловая активность была связана с интересами немецкой аристократии, а расцвет их финансовой деятельности во Франкфурте-на-Майне пришелся на XVIII — первую половину XIX в. Во второй половине XIX в. представители семьи перенесли финансовую деятельность из Франкфурта-на-Майне (Адольф Голдшмидт — в Лондон, а Максимилиан фон Голдшмидт-Ротшильд — в Берлин). В XX в. семья отошла от активного участия в банковской сфере, но

сохранила заметную роль в экономической и политической жизни Европы, особенно в британском истеблишменте [10–12]. Из наиболее известных деятелей семьи в области политики и финансов во второй половине XX в. — начале XXI в. можно выделить сэра Джеймса Голдсмита (1933–1997) и Бенджамина Джеймса Голдсмита (род. 1980). Вплоть до настоящего времени Голдсмиты сохранили в Англии тесную связь с Ротшильдами, которая в начале XXI в. укрепилась новыми династическими браками. Голдсмиты в современной Англии являются активными участниками экологического движения, одними из создателей партии зеленых, которую поддерживают финансово.

Во второй половине XVIII в. центр деловой активности еврейской банковской семьи **Оппенгеймеров** переместился во Франкфурт-на-Майне. Финансовая деятельность Оппенгеймеров в XVIII в. была связана также с Амстердамом, Прагой и другими европейскими городами. Семья Оппенгеймеров уделяла большое внимание филантропической деятельности, направленной на поддержку евреев и иудаизма (строительство синагог и их материальная поддержка, денежные выкупы за пленных евреев и т.д.). Семья Оппенгеймеров находилась в родственных отношениях с семьями еврейских финансистов Вертгеймеров, Берендсов и Мендельсон-Бартольди. В банкирском доме Оппенгеймеров начиналась деятельность Майера Амшеля Ротшильда, основателя финансовой династии Ротшильдов [8, 13].

Основатель династии **Ротшильдов** Майер Ансельм Ротшильд (1743 или 1744–1812) вырос в еврейском гетто во Франкфурте-на-Майне в семье Амшеля Мозеса Бауэра, содержавшего меняльную контору. Фамилия Ротшильд происходит от эмблемы конторы Амшеля Мозеса Бауэра, изображавшей золотого римского орла на красном щите (впоследствии, ее стали называть «красный щит», а Майер Ансельм взял фамилию «Красный щит» или Rotschild). С 12 лет Майер Ансельм проходил обучение в банке Оппенгеймеров в Ганновере, а позже вернулся во Франкфурт-на-Майне, где занимался торговлей старинными монетами и медалями. Версия о нумизматическом происхождении богатства Ротшильдов широко распространена. Известно, что с 1764 г. Майер Ансельм поставлял монеты и золото в один из самых богатых княжеских домов Германии — Гессен-Кассель,

с 1769 г. стал личным банкиром и придворным поставщиком главы этого княжеского дома Вильгельма IX. От брака с Гутлой Шнаппер, дочерью ростовщика, у Майера Ансельма было пять сыновей и пять дочерей. В 1812 г. капитал банкирского дома был разделен между пятью сыновьями Майера Ансельма [13]. В начале XIX в. сыновья Майера Ансельма создали банкирские дома в разных городах Европы (пятерых сыновей Майера Ансельма называли «пять пальцев одной руки»). После смерти Майера Амшеля в 1812 г. его сын Амшель Майер стал главой банка во Франкфурте-на-Майне. Так как у него не было детей, после его смерти управление банковским домом перешло к его племянникам. В 1901 г. из-за отсутствия наследника мужского пола франкфуртский дом прекратил существование, возродившись только в 1989 г. в качестве представительства британского и швейцарского отделений [14].

С Франкфуртом была тесно связана семья еврейских финансистов **Вормсов** (видимо, выходцы из города Вормса), они занимались финансовой деятельностью во Франкфурте, где породнились с Ротшильдами (Бенедикт Вормс (1769–1824) женился на внучке Майера Амшеля Ротшильда).

Семья еврейских финансистов **Селигманов** (известны как «американские Ротшильды», вероятно, связаны происхождением или родственными узами с придворными банкирами в Германии в XVIII–XIX вв.) также имела отделения банка J. & W. Seligman & Co во Франкфурте-на-Майне [7, 9]. Возможно, американский банк был создан в XIX в. при поддержке Ротшильдов.

В XVIII в. финансистом Тевтонского ордена был Симон Барух, переселившийся вслед за Великим Магистром Ордена в Бонн. В начале XIX в. семья **Барухов**, как и большинство семей еврейских финансистов, была связана с Франкфуртом-на-Майне [8]. В XVIII в. во Франкфурте-на-Майне одним из наиболее известных финансистов был сын Симона Баруха Яков (действовавший вместе с Ротшильдами, предоставляя кредиты немецким князьям). Сын Якова Баруха — известный поэт Людвиг Бёрне. По словам Ф. Мортонна, поэту Людвигу Бёрне принадлежали следующие слова: «Было бы благословением Божьим, если бы все короли были свергнуты, а их троны заняли представители семьи Ротшильд. Только подумайте

о преимуществах. Новая династия никогда не будет связываться с займами... Исчезнет коррупция среди министров... Такого рода пороки станут историческим прошлым, и мораль восторжествует» (http://www.telenir.net/istorija/rotshildy_istorija_dinastii_mogushestvennyh_finansistov/p5.php). В XIX в. немецкая семья Барухов породнилась с Ротшильдами и Голдсмитами. Г. Шнее в своей книге упоминает семейство Барухов несколько раз, в том числе в связи с тем, что эта семья в конце XVIII — начале XIX в. была богаче семьи Ротшильдов (https://kartaslov.ru/книги/Шнее_Г_Ротшильды_история_крупнейших_финансовых_магнатов/3).

Точно не ясно, есть ли связь между этой семьей Барухов и известнейшим американским финансистом XX в. Бернардом Барухом, чьи предки также проживали в XIX в. в Германии.

Подобно Ротшильдам, Голдшмидтам и другим семьям еврейских финансистов, **Стерны (Штерны)** происходят из Франкфурта-на-Майне. В 1805 г. Якоб Стерн основал во Франкфурте-на-Майне банкирский дом Jakob S. H. Stern & Co., ставший одним из известнейших банков в Германии в первой половине XIX в. В дальнейшем история Стернов напоминает историю Ротшильдов, с которыми Стерны породнились. Сыновья Якоба Стерна Авраам (Антуан) и Леопольд основали в Париже в 1832 г. банкирский дом A. J. Stern & Cie, Герман и Давид — Stern Brothers в Лондоне. Еще один сын основал банкирский дом в Берлине. В Англии Стерны породнились с еврейскими банкирскими семьями Голдсмитов и Саломонов, во Франции — с семьей банкиров Фульдов. Финансовые операции семья Стернов проводила в XIX в. во Франции, Англии, Бельгии, Португалии, Испании, Италии, Нидерландах, США, Османской империи и др. Стерны участвовали в финансировании многих крупных проектов (строительство Панамского канала, железных дорог в США, известных зданий в Европе и др.), в создании банка Paribas (ныне крупнейший финансовый конгломерат BNP Paribas) [8, 11]. После Первой мировой войны Стерны под принуждением продали свой банк во Франкфурте-на-Майне. В период правления в Европе нацистов произошла экспроприация собственности Стернов, которые владели не только коммерческими предприятиями, но и замками, поместьями и пр. Стерны были вынуждены покинуть континентальную Европу и переселиться в Нью-Йорк. Возможно,

к рассматриваемой семье относятся финансисты Стерны (Зюскинд и его сыновья Исаак и Самуэль), также связанные с Франкфуртом-на-Майне, которые в XVII в. считались одними из наиболее богатых евреев города.

Рассматривая историю финансовых династий на примере Франкфурта, можно сделать вывод о том, что большую роль в их профессиональной деятельности и связях играла религиозная принадлежность, этническое происхождение и родственные браки.

Во Франкфурте начиналась финансовая деятельность династии **Бельмонтов** (Шонбергов). Эта еврейская семья финансистов, политиков и дипломатов связана в основном с США, но ее основатель Август Бельмонт I (1813–1890) — выходец из Германии, эмигрировавший в 1837 г. в Нью-Йорк и изменивший в США фамилию с Шонберг на Бельмонт. Он происходил из богатой еврейской семьи, с 14 лет работал в банкирском доме Ротшильдов во Франкфурте-на-Майне, а позже — в банке Ротшильдов в Неаполе и Париже. По предположениям, высказанным еще в XIX в., он мог быть внебрачным сыном одного из Ротшильдов. В США Август Бельмонт I выступал в качестве советника президента, основал August Belmont & Co, стал известен в Америке агрессивным стилем ведения бизнеса. Опираясь на финансовую поддержку Ротшильдов, основанный Бельмоном банкирский дом смог оттеснить главного конкурента — банкирский дом Бэрингов, став одним из крупнейших кредиторов правительства США [7–9]. По всей видимости, семья Бельмонтов представляла интересы Ротшильдов в США на протяжении продолжительного времени. Во второй половине XX в. Бельмонты в США были тесно связаны с Dillon, Read & Co.

Также с Франкфуртом связана история еврейской финансовой династии **Голдманов**. Маркус Голдман (1821–1904) — основатель финансовой группы в Нью-Йорке (1869), эмигрировавший из Франкфурта-на-Майне в США.

В 1882 г. компаньоном Голдмана стал муж его дочери Сэмюэл Сакс (1851–1935), фирма стала называться M. Goldman & Sachs. Сэмюэл Сакс также был выходцем из Германии еврейского происхождения. Из банкиров XX в., входивших в состав семьи, наиболее известны Генри Голдман (1857–1937) и Вальтер Эдвард Сакс (1884–1980), возглавлявший M. Goldman & Sachs после ухода с поста Сэмюэля Сакса с 1928 по 1980 г. [7–9, 15]. В настоящее время M. Goldman & Sachs является одним из крупнейших в мире банков (штаб-квартира в Нью-Йорке). В прессе в последние годы банк оказывался в центре многочисленных скандалов различного рода. Бывшие сотрудники банка возглавляли Всемирный Банк, Нью-Йоркскую биржу, Федеральный резервный Банк Нью-Йорка, Министерство финансов США, национальные банки Италии и Канады и т.д.

История семьи еврейских банкиров **Шиффов** прослеживается во Франкфурте-на-Майне с XIV в. Они были тесно связаны с семьей Ротшильдов. Фамилия семьи происходит от слова «корабль», так как именно он был изображен на знаке, висевшем на доме, где проживала семья. Настоящая фамилия членов семьи — Коган. С XVIII в. Шиффы начали переселяться из Франкфурта-на-Майне в другие города (в том числе жили на территории Польши). Наиболее известен американский банкир Джейкоб Генри (Якоб Генрих) Шифф (1847–1920), происходивший из раввинской семьи из Франкфурта-на-Майне, связанной с семьей Ротшильдов (отец Якоба Шиффа Моисей Шифф работал в фирме франкфуртских Ротшильдов). В 1865 г. Якоб Шифф эмигрировал в США, работал в банке Kuhn, Loeb & Co, женился на дочери одного из владельцев банка, Соломона Леба, а в 1885 г. стал управляющим банком. Якоб Шифф являлся одним из лидеров еврейской общины в США, поддерживал многие еврейские учреждения и проекты, породнился с семьей банкиров Варбургов [7–9, 15].

Семья еврейских финансистов **Эрлангеров** (Людвиг Мориц Эрлангер, 1780–1857) и его сын Рафаэль Эрлангер (1806–1878) занималась банковской деятельностью во Франкфурте-на-Майне в первой половине XIX в. Рафаэль Эрлангер выступал в качестве придворного банкира нескольких немецких князей, основал банкирские дома в Вене, Париже и Лондоне,

сыграл ведущую роль в основании Люксембургского банка, поддерживал строительство железных дорог в Германии [16].

В XIX в. с Франкфуртом-на-Майне была связана деловая активность еврейской финансовой династии **Ладенбургов**. Банк Ладенбургов сыграл важную роль в финансировании развития немецкой промышленности. Банкир Селигманн Ладенбург (1797–1873) выступил учредителем и соучредителем ряда компаний, в том числе BASF (в настоящее время — крупнейший в мире химический концерн).

Среди немецких финансовых династий, связанных с Франкфуртом, выделяются Бетманны и Метцлеры.

Первые сведения о банковской семье **Бетманнов** относятся к XV в. По крайней мере, с XV в. Бетманны занимались сбором налогов и монетной чеканкой. К XVI в. относятся сведения о занятиях представителей семьи финансовой деятельностью. Во второй половине XVIII в. Бетманны были одними из наиболее богатых жителей Франкфурта, но в первой половине XIX в. уступали Ротшильдам. Как минимум с начала XVIII в. Бетманны проживали во Франкфурте-на-Майне. Банк Бетманнов был основан в 1748 г. во Франкфурте-на-Майне братьями Иоанном Филиппом Бетманном (1715–1793) и Симоном Морицем Бетманном (1721–1782). Из-за возросшего влияния Бетманнов в конце XVIII — начале XIX в. во Франции их называли «королями Франкфурта».

Иоанн Якоб, еще один представитель семьи Бетманнов, основал отделение торгового дома в Бордо, где ветвь потомков сохраняется до настоящего времени. На примере банка Бетманнов можно проследить, что в странах Европы до завершения наполеоновских войн христианские банки имели большее значение, чем еврейские. Среди представителей семьи были известные политики, дипломаты, филантропы. Клиентами банка в разное время являлись императрица Мария-Терезия, император Александр I, римские папы. При поддержке банка Бетманнов были построены многие известные объекты, в том числе Эйфелева башня, ряд железных дорог в разных странах Европы. В XIX в. Бетманны сотрудничали с семьей финансистов Эрлангеров. Благодаря деятельности Бетманнов во Франкфурте-на-Майне была основана библиотека, создан музей древностей, позже проданный городу, и т.д. В начале XX в. Бет-

манны уделяли большое внимание развитию в Германии Ротари-клуба (благотворительной организации). В городе сохранились названия, напоминающие о семье Бетманнов. Бетманн-банк до настоящего времени существует во Франкфурте-на-Майне и является одним из крупнейших частных банков в Германии. Во Франкфурте-на-Майне хранится большой семейный архив Бетманнов [1, 3].

Начало финансовой деятельности банковской семьи Метцлеров относится к 1674 г., когда Бенъямин **Метцлер** (1650–1686) создал компанию во Франкфурте-на-Майне. Уже в конце XVII в. Метцлеры занимались международной финансовой деятельностью, но банковская деятельность семьи Метцлер была связана в основном с Франкфуртом-на-Майне. С 1742 г. члены семьи находились у руководства франкфуртской биржи. Уже в XIX в. Метцлеры были известны в качестве покровителей искусств и активно участвовали в общественной жизни Франкфурта-на-Майне. В 1938 г. Метцлеры внесли свой вклад в экспроприацию еврейских банковских капиталов в Германии. Среди известных представителей семьи: банкиры Вильгельм Петер Метцлер (1711–1762), Иоганн Фридрих Метцлер (1749–1825), Альберт фон Метцлер (1898–1989), Густав фон Метцлер (1908–1985), Фридрих фон Метцлер (род. 1943) [1]. Семья Метцлеров сохраняет важную роль в мире финансов до настоящего времени, и банк остается в семейной собственности. В настоящее время банк Метцлеров входит в число старейших в мире (отделения банка есть в других городах Германии, в США, Ирландии, Японии, Китае) [3]. Метцлеры находятся в родственных отношениях с франкфуртской банковской семьей Бетманнов, а во второй половине XX в. породнились с семьей Рокфеллеров.

Рассматривая историю финансовых династий на примере Франкфурта, можно сделать вывод о том, что большую роль в их профессиональной деятельности и связях играла религиозная принадлежность, этническое происхождение и родственные браки. Еврейские финансовые династии на протяжении нескольких столетий были связаны тесными родственными отношениями между собой. В то же время банковские династии немецкого происхождения были обособлены от еврейской финансовой группы и действовали самостоятельно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Achterberg E. Frankfurter Bankherren. Frankfurt am Main: Knapp; 1971.
2. Forstmann W. Frankfurt am Main: A City of Finance. Banking systems in Frankfurt in the 18th and 19th centuries. Diederiks H. & Reeder D., eds. Cities of Finance. Amsterdam; 1996.
3. Holtfrerich C.-L. Frankfurt As a Financial Centre. Berlin: Verlag C.H. Beck; 1999.
4. Jugel C. Ch. Das Puppenhaus, ein Erbstock in der Gontard'schen Familie: Bruchstücke aus den Erinnerungen und Familien-Papieren eines Siebenzigers. Eigenverlag; 1857.
5. Dietz A. Stammbuch der Frankfurter Juden. Geschichtliche Mitteilungen über die Frankfurter jüdischen Familien von 1549–1849. Frankfurt/M.; 1907.
6. Kirchholtes H.-D. Jüdische Privatbanken in Frankfurt am Main. Frankfurt am Main; 1989.
7. Carosso V.P. A Financial Elite: New York's German-Jewish Investment Bankers. *American Jewish Historical Quarterly*. 1967;1(66).
8. Rottenberg D. Finding Our Fathers: A Guidebook to Jewish Genealogy. Baltimore: Genealogical Publishing; 1995.
9. Supple B.E. A Business Elite: German-Jewish Financiers in Nineteenth-Century New York. *Business History Review*. 1957;31(2).
10. Allfrey A. The Goldschmidts. London; 2004.
11. Пачкалов А.В. Династии еврейских финансистов в Лондоне в XVII–XX вв. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015;(2):88–96.
Pachkalov A.V. Dynasties of the Jewish financiers in London in the XVII–XX centuries. Humanities and Social sciences. Bulletin of the Financial University. 2015;(2):88–96. (In Rus.).
12. Emden P.H. The brothers Goldsmid and the financing of the Napoleonic Wars. Transactions of The Jewish Historical Society of England. Vol. 14. London; 1935/39.
13. Berghoeffer C. Meyer Amschel Rothschild. Frankfurt; 1923.
14. The Rothschilds: a European family. Frankfurt: D.S. Brewer; 1994.
15. Birmingham S. Our Crowd: The Great Jewish Families of New York. Syracuse University Press; 1996.
16. Mendelssohn G. Die Familie Erlanger-Bankiers-Mäzene-Künstler. Leinpfad Verlag, Ingelheim; 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Пачкалов — кандидат исторических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, директор Музея финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
apachkalov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Pachkalov — Assistant Professor, Director of Financial Museum, Financial University, Moscow, Russia
apachkalov@fa.ru

Статья поступила 10.02.2019; принята к публикации 05.06.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.02.2019; accepted for publication on 05.06.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-73-78

УДК 130.2(045)

Факторы изменчивости социокультурной динамики в контексте межкультурной коммуникации*

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные факторы, определяющие социокультурную динамику современности и влияющие на процессы межкультурной коммуникации. В качестве ключевого фактора определена четвертая промышленная революция как конвергенция цифрового, физического и биологического миров, урбанизация и повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий. Отмечается, что развитие новых технологий порождает «цифровое неравенство». Широкое распространение Интернета рассматривается не только как средство свободной коммуникации, но и как новая парадигма сознания, как средство цифровизации когнитивных процессов. Автор отмечает, что повсеместная цифровизация порождает новые формы трудовых и социальных отношений, что способствует вымыванию среднего класса. В статье показано, что значимым фактором социокультурной динамики современности являются сверхмобильность и реактивность, порождающие нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне, а также элиминацию и деформацию традиционных ценностных парадигм. Выявлено, что деформация ценностей влечет за собой трансформацию традиционных институтов семьи и образования.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; информационно-коммуникативные технологии; цифровизация; социокультурная динамика

Для цитирования: Замараева Е.И. Факторы изменчивости социокультурной динамики в контексте межкультурной коммуникации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):73-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-73-78

ORIGINAL PAPER

Factors of the Variability of Sociocultural Dynamics in the Context of Intercultural Communication**

E.I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

ABSTRACT

The article analyses the main factors determining the socio-cultural dynamics of nowadays and affects the processes of intercultural communication. The key factor is the fourth industrial revolution being the convergence of the digital, physical and biological worlds, urbanisation and the widespread introduction of information and communication technologies. The author noted that the development of new technologies generates “digital inequality”. The widespread of the Internet the author considers not only as a means of free communication but also as a new paradigm of consciousness – as a means of digitalisation of cognitive processes. The author also noted that widespread digitalisation generates new forms of labour and social relations. It contributes to the leaching of the middle class. It has been revealed that a significant factor in the sociocultural dynamics of nowadays is super mobility and reactivity, what generate instability, uncertainty about the future, as well as elimination and deformation of traditional value paradigms. The author concluded that it is necessary to build new models of intercultural communication, as well as to consolidate efforts at all levels – from governments and international organisations to public organisations, all civil society and individuals. There is need for constructive cooperation to create not only an effective system of international law but also of the formation of voluntarily accepted ethical norms and mechanisms, established on an equal level by equal participants – a constant, regular dialogue and cooperation at the local, national or supranational level.

Keywords: intercultural communication; information and communication technologies; digitalisation; socio-cultural dynamics

For citation: Zamaraeva E.I. Factors of the variability of sociocultural dynamics in the context of intercultural communication. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):73-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-73-78

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету по теме «Межкультурная коммуникация в глобальном мире: опыт моделирования и применение нового теоретико-методологического инструментария» (ВТК-ГЗ-ФИ-24–19).

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University on the topic “Intercultural communication in the global world: the experience of modeling and application of new theoretical and methodological tools” (VTK-GZ-FI-24-19).

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий активно влияет на динамику социокультурных процессов и на практики межкультурной коммуникации. Подчас сложно выявить конкретное социальное воздействие новейших технологий, так как множество взаимосвязанных факторов, определяющих наше общество, создано в результате взаимодействия этих составляющих. Мы наблюдаем беспрецедентные изменения парадигм экономики, культуры и социума, что несет как большие возможности, так и большие риски.

Ключевым фактором, определяющим современный социум, его динамику и практики межкультурной коммуникации (МКК), является четвертая промышленная революция. По мнению К. Шваба, основателя и президента Всемирного экономического форума в Давосе, четвертая промышленная революция уже наступила, мы уже в полной мере пользуемся ее плодами, но главные изменения впереди, новый экономический уклад неизбежно ведет и к изменениям в социокультурной парадигме [1]. В начале XXI в. человечество шагнуло в эпоху, в которой цифровой мир объединяется с реальным, что означает стремительное ускорение процессов коммуникации. Темпы и масштаб изменений колоссально возрастают, и машины не только помогают человеку, но и сами влияют на него. При этом темпы развития становятся не линейными, а экспоненциальными. «Фактически наука развивается такими темпами, что на пути прогресса встают уже не технические, а юридические, нормативные и этические ограничения», — отмечает К. Шваб [1].

Другим не менее важным фактором, определяющим социокультурную динамику процессов МКК, является нарастающая урбанизация, появление мегаполисов и мегалополисов. По данным рейтинга стран мира по уровню урбанизации, подготовленного Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам за 2017 г., из 195 стран, представленных в анализе, в 127 уровень урбанизации выше 50%, а в 5 достиг 100%¹. Мегаполисы (более 1 млн населения) и мегалополисы (более 25 млн населения), появившиеся в XXI в., невозможны без современных информационных и ком-

муникационных технологий. Умные города включают в себя перепрограммируемые здания, мобильность по запросу, интеллектуальные фонарные столбы, объединенные единой сетью, когенерацию и многое другое. Именно большой город так ярко демонстрирует свою власть над человеком, лишая его уникальности и самоидентичности. Человек «становится анонимным, массовым, усредненным, человека оценивают с точки зрения функций в обществе» [2, с. 99].

Однако цифровое неравенство между странами, сдерживающее не только экономический рост, но и возможности коммуникации, продолжает оставаться значительным. По данным ВЦИОМ на 2019 г., 18% населения России не пользуются Интернетом вообще, и только 67% используют его ежедневно². Уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) напрямую влияет на экономическое благополучие, степень деловой активности, уровень жизни и возможности коммуникации. Низкий уровень сужает пространство гражданского общества, формируя две неравные страсти: гражданин, наделенный возможностями и лишенный таковых.

Если считать, что одной из важнейших потребностей человека является коммуникация, то внедрение в нашу повседневную жизнь Интернета кардинальным образом изменило коммуникативную среду и традиционные формы социальных связей. «Поскольку коммуникация составляет суть человеческой деятельности, все сферы общественной жизни подвергаются изменениям в результате широкого использования Интернета», — отмечает М. Кастельс [3, с. 21]. Обеспечивая беспрецедентно свободную коммуникацию, Интернет, однако, как инфраструктура может оказаться в собственности определенной группы лиц, что дает возможность обеспечить тотальный контроль над всеми сферами жизни. А использование киберпространства может подвергаться воздействию не только коммерческих, но и политических, и иных интересов. Это несет угрозу не только эффективной и свободной межкультурной коммуникации, но и безопасности общества в целом.

² Рейтинг урбанизации стран мира. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index/info>.

⁴ Индекс на сайте ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom.

¹ Рейтинг урбанизации стран мира. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index/info>.

Изначально созданный как средство свободной коммуникации, Интернет является не только источником информации, но и центральным средством общения, он крайне важен для бизнеса, образования, здравоохранения, культуры, науки — всех сфер человеческой жизни. Открытость общественных и государственных структур, диалог государства и общества также обеспечивается с помощью интернет-ресурсов. По мнению М. Кастельса, Интернет — это движущая сила перехода к новому типу общества — сетевого общества, это главное средство коммуникации и организации постиндустриального общества. Интернет стал частью нашей работы, учебы, социальной жизни, однако многих волнует его разрушающее воздействие, и это касается не только интернет-зависимости, но и влияния на наш мозг и его когнитивные возможности.

Социокультурная динамика, связанная с четвертой промышленной революцией, с особой остротой ставит проблему трудовых отношений и социального неравенства: богатые становятся богаче, бедные — беднее. Цифровое неравенство наносит удар по экономикам развивающихся стран, исчезает надобность в дешевой рабочей силе, вымывается средний класс. Роботы и алгоритмы приводят к замещению труда, поэтому рабочие с низкой квалификацией оказываются ненужными, а капиталовложения становятся менее емкими. Успеха достигает тот, кто способен поставлять новые идеи, остальные становятся неудачниками, и их число растет. Формируется не только социальное, но и онтологическое неравенство. По данным Бюллетеня о текущих тенденциях российской экономики, децильный коэффициент фондов в России за 2017 г. составляет 15,5, что гораздо выше, чем в развитых странах³.

Социокультурная динамика меняет и характер труда: постепенно исчезают и будут исчезать многие профессии. В социуме преобладающей парадигмой становятся не прочные взаимоотношения работника и работодателя (рабочего коллектива), а серия транзакций между компанией и работником. Стремительно набирает обороты «экономика по требованию», «человеческое облако», что позволяет рабо-

тодателю быть свободным от обязательств по обеспечению социального пакета. Это формирует мир прекариата — социальной группы с неустойчивым положением, доходами, отсутствием социальных и правовых гарантий и часто с протестными настроениями. По мысли современного исследователя А. Б. Шатилова, созданию прекариата способствует то, что легальной и нелегальной миграции из стран третьего мира (причем преимущественно инокультурной) открыли дорогу [4, с. 58], и это размывает устойчивость гражданского общества.

Экономика ориентирована на высококвалифицированные кадры, которым корпорации готовы платить большие деньги, на концепцию постоянного развития, работу в режиме «бета-версии», поддержку инновационного характера предприятий и сохранение его мобильности и маневренности.

Еще одна значимая тенденция социокультурной динамики современности — мобильность и реактивность. «Текущая современность», о которой пишет З. Бауман [5], — это сверхскорости, сверхреактивность, сверхмобильность глобализирующегося мира, могущие привести к распаду ценностных ориентиров, поколенческим разрывам, при которых дети и родители воспринимают друг друга как представители разных культур, что деформирует процесс коммуникации. Современное общество становится обществом слабых связей, непрочных браков, случайных контактов. При этом обществу слабых связей сопутствует обретение личностью колоссальной свободы — вплоть до коррозии и элиминации традиционных институтов, таких как семья, образование, гражданство. Если индивид хочет покинуть семью, общество или страну для улучшения своего самочувствия, он это делает. Ослабленные связи порождают два важных эффекта — «расплавленность» условий и «расплавленность» целей человеческой жизни. Так называемая «расплавленность» условий означает, что все изменения происходят столь быстро, что никакая проблема не может быть решена раз и навсегда — ее надо периодически решать заново. Подобные процессы способствуют тому, что цели постоянно меняются, размываются, «расплавляются» и не могут стать основой рационального поведения современного человека. Формируется «незнание целей» вместо «незнания средств» в новом

³ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2018;(34). URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16278.pdf>.

«легком» капитализме [5, с. 68]. Накладываясь на «расплавленные» условия жизни, размытые цели создают хаотическое сознание без внятного смыслового императива, что в свою очередь формирует асоциальность и неспособность выстраивать коммуникативные модели поведения.

***Современные технологии
меняют саму парадигму общения.
Углубляются наши личные
и коллективные отношения
с технологиями, однако
ухудшаются социальные навыки
и способность к эмпатии.***

Современные технологии, формируя такое сознание и поведение, неизбежно ведут к социальной изоляции, социальному аутизму, «одиночеству в сети», «одиночеству вдвоем», потере источников смысла и эмоциональному выгоранию, чем неизбежно пользуются различные экстремистские структуры. «Интернет популярен еще и потому, что открывает широкие возможности для ухода от реальности и построения собственной виртуальной картины мира, где можно все, что ни пожелаешь» [6, с. 98].

Одной из значимых социокультурных тенденций цифровой эпохи стало формирование атомизированного общества, сконцентрированного на себе, крайне индивидуализированного и эгоцентричного, а также появление новых сообществ и новых форм проявления участия. Социальные сети не только расширяют возможности коммуникации, но и несут в себе различные угрозы. Динамика распространения информации, в том числе фейковой, идей, мнений, характерная для социальных медиа, может привести к искажению представлений о реальности, нарушить процесс принятия решений и сформировать угрозы для гражданского общества.

В цифровую эпоху с легкостью устанавливаются контакты, однако люди, как отмечают психологи, разучились разговаривать друг с другом. По мнению профессора Ш. Тёркл, социолога из Массачусетского технологического

университета, цифровые технологии влияют на поведение и психику людей негативным образом. Боязнь оторваться от мобильного устройства сказывается на семейных, романтических и дружеских отношениях и создает реальную угрозу одиночества, «одиночества вместе», потому что, общаясь сразу в нескольких реальностях, мы полностью не принадлежим ни одной из них. Живое общение и настоящие отношения — это труд души, а современный человек предпочитает виртуальные отношения и виртуальное общение, потому что они менее затратны, создают иллюзию благополучия, но при этом человек рискует потерять свою человеческую сущность.

Стремительный темп жизни, нарастающая цифровизация ставят не только вопросы межкультурной коммуникации, но и вопросы самой сущности человека, его онтологической природы, морали, этики, его идентичности. Самоанализ, сострадание, эмпатия, доверие — останутся ли эти явления и сами понятия в будущем? Что значит «быть личностью»? Речь идет о продолжительности жизни, о здоровье, познавательных, коммуникативных способностях? Если станет возможно вторжение в мозг человека и нейротехнологии смогут осуществить извлечение фрагментов памяти и создание искусственно имплантируемой памяти, то не приведет ли это к тотальным социокультурным изменениям: не только к изменению когнитивных возможностей, но и утрате человеческой коммуникации, новым типам поведения?

Уже сегодня компьютер нам подсказывает, какие книги, фильмы, продукты могут быть нам интересны, а у Amazon и Netflix есть алгоритмы, способные предвидеть, что мы захотим посмотреть или почитать в будущем. Бесчисленные сайты знакомств и сайты поиска работы предлагают нам партнеров или рабочие места, думают и анализируют за нас. Если все будет решать машина, то встает вопрос выбора и свободы, сохранения собственной индивидуальности и экзистенциальной сущности человека.

Современные поисковые системы формируют новые интеллектуальные привычки, что ведет к атрофии памяти и кардинально меняет сам процесс мышления, запоминания, ментального конструирования смыслов и логических схем. Мышление становится поверхност-

ным, примитивным, фрагментарным. При этом новые поколения («цифровые аборигены») даже не подозревают, что мышление может быть каким-то иным. Мышление и культура доцифрового общества меняются постепенно на цифровое мышление и культуру.

Современные технологии меняют саму парадигму общения. Углубляются наши личные и коллективные отношения с технологиями, однако ухудшаются социальные навыки и способность к эмпатии. Исследования показали снижение уровня эмпатии среди студентов. По данным Ш. Тёркл, 44% молодых людей никогда не отключаются от Интернета⁴. Есть серьезные опасения, что выросло поколение, которое с трудом общается лицом к лицу, не может считывать эмоции собеседника, с большим трудом слушает и с еще большим трудом понимает язык тела. С одной стороны, Интернет — это удобное средство дистанционного общения, однако, без эмоционального включения: происходит угасание межличностного взаимодействия, потеря связей с социумом, ослабляются эмоциональные контакты с членами семей, детьми, углубляется депрессия и одиночество.

Динамичность социокультурных процессов трансформирует и традиционные институты, такие, как семья, образование, государство и т.д. Традиционный институт семьи заменяется мобильной семейной сетью, раскинувшейся в нескольких странах. Материнские семьи как сознательный выбор женщины, рожающей детей вне брака, однополые браки, идеология чайлдфри — все это становится привычным. Психологи отмечают позднее взросление молодежи, ее инфантилизм, стремление уйти от ответственности, эскапизм, в том числе и компьютерный.

Институт образования тоже претерпевает изменения: развитие экономики знаний определено развитием информационных и телекоммуникационных технологий — знания становятся драйвером развития экономики. Отсюда новые требования к образованию: оно становится непрерывным, ценится развернутое системное мышление, мобильность, реактивность, способность быстро осваивать новые сферы деятельности и быстро прини-

мать решения. Формируются образовательные экосистемы, на базе любого образовательного учреждения может быть создан хаб, в котором одновременно протекают различные процессы, в результате создается высокоинтеллектуальный продукт, который тут же упаковывается и продается предпринимателям. Дистанционное образование с использованием интернет-технологий приходит на смену традиционному, привычная модель «учитель-ученик» заменяется цифровизацией и геймификацией образования.

Стремительный темп жизни, нарастающая цифровизация ставят не только вопросы межкультурной коммуникации, но и вопросы самой сущности человека, его онтологической природы, морали, этики, его идентичности.

Анализ социокультурной динамики, основных областей проявления и факторов изменчивости практик коммуникации в глобальном мире подводит к выводу о необходимости построения новых моделей межкультурной коммуникации. Необходимо консолидировать усилия на всех уровнях — от правительств и международных организаций до общественных организаций, всего гражданского общества и частных лиц. Необходимо сотрудничество по созданию не только эффективной системы международного права, но и по формированию добровольно принимаемых этических норм и механизмов, которые устанавливаются на равном уровне равными участниками. Эти нормы, правила и механизмы должны контролировать потенциально опасные технологии, но в то же время не препятствовать развитию новаций. Так как регулирующие органы и нормы, как правило, отстают от технологий, обсуждение этических, юридических, технологических и коммуникационных норм должно вестись на опережение, причем не только в правительственном масштабе, но и на уровне негосударственных и частных организаций. Ценностные и этические установки должны формировать

⁴ FT Magazine, 2 октября 2015 г. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/fc76fce2-67b3-11e5-97d0-1456a776a4f5.html>.

принципы построения новых систем межкультурной коммуникации. А так как одной из важнейших ценностей в изменяющемся мире ста-

новится доверие, необходим постоянный диалог и сотрудничество на местном, национальном и наднациональном уровнях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials>.
2. Серегина Т. Н. Концепция «умного города» в современной урбанистике. Философские проблемы искусственного интеллекта. Монография. Волобуев А. В., Ореховская Н. А., ред. М.: Прометей; 2019.
3. Кастельс М. Галактика Интернет. М.: У-Фактория, 2004. 325 с.
4. Шатилов А. Б. Элита, лидер, народ в современных развитых государствах: опыт рационального анализа иерархии власти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016;3(23):54–60.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер; 2008. 240 с.
6. Ореховская Н. А. Влияние глобализации на молодежь в эпоху четвертой научно-технической революции. Научно-техническая революция: 4.0. Материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции. Ореховская Н. А., Назаренко С. В., Волобуев А. В., Омарова Л. Б., ред. Казань: Отечество; 2018.

REFERENCES

1. Schwab K. The Fourth industrial revolution. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/>.
2. Seregina T. N. The Concept of "Smart city" in modern urbanism. In: Philosophical problems of artificial intelligence. The collective monograph. A. V. Volobuev, N. A. Orekhov, eds. Moscow: Prometheus; 2019.
3. Castells M. The Internet Galaxy. Moscow: Publishing house U-Factoriya; 2004. 325 p.
4. Shatilov A. B. Elite, leader, the nation in modern developed countries: The experience of rational analysis of the hierarchy of power. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2016;3(23):54–60.
5. Bauman Z. Liquid modernity. St. Petersburg: Peter; 2008. 240 p.
6. Orekhovskaya N. A. The Impact of globalisation on youth in the era of the fourth scientific and technological revolution. Scientific and technological revolution 4.0. Proceedings of the International interdisciplinary scientific-practical conference. Orekhovskaya N. A., Nazarenko S. V., Volobuev A. V., Omarova L. B., eds. Kazan: Otechestvo; 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
zamaraeva_e@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Zamaraeva — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
zamaraeva_e@mail.ru

Статья поступила 17.06.2019; принята к публикации 05.07.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.06.2019; accepted for publication on 05.07.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-79-85
УДК 323.172(045)

Национальная политика в многонациональном государстве: баланс интересов или гегемония власть имущих?

П. С. Селезнёв^а, И. Л. Шалаев^б

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3010-4279>

АННОТАЦИЯ

В статье описываются основные принципы и виды реализации национальной политики в многонациональных государствах. Приведены примеры из мировой практики, раскрывающие проблемы сосуществования различных наций в условиях единого политического пространства. Авторы подробно анализируют известные причины и модели формирования крупных полиэтнических государств, где существует острая необходимость проведения национальной политики, основанной на определенных принципах, напрямую зависящих от стратегии построения главного политического института. Авторы также обращают внимание на изменчивость подходов к государственному строительству при сохранении существенных признаков, адаптированных к современным реалиям. Подробно рассматривается российский опыт межэтнического взаимодействия и национального самоопределения, а также попытки унификации культурной, конфессиональной, языковой идентичности, подавления сепаратистских настроений, причины появления которых особенно выделяются в качестве одной из главных категорий, характеризующих осуществимость, актуальность, дальновидность стратегии развития национальных отношений. В статье особо выделяется правовое закрепление Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, направленное на сохранение государственной целостности и недопущение сепаратистских настроений. Также приведена классификация межнациональных конфликтов по разным основаниям, известным в мировой практике. Предложен комплекс мер по долгосрочной гармонизации межэтнического взаимодействия в РФ.

Ключевые слова: национальная политика; этнос; автономия; многонациональное государство; национальное меньшинство; инкорпорация; ассимиляция; ирредентизм

Для цитирования: Селезнев П.С., Шалаев И.Л. Национальная политика в многонациональном государстве: баланс интересов или гегемония власть имущих? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-79-85

ORIGINAL PAPER

National Policy in a Multinational State: Balance of Interests or Hegemony of Powers that Be?

P.S. Seleznev^а, I.L. Shalaev^б

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3010-4279>

ABSTRACT

The article is devoted to the basic principles and types of implementation of national policies in multinational states. We give examples from world practice that reveal the problems of the coexistence of various nations in a single political space. In the article, the authors analyse in detail the well-known causes and models of the formation of large multi-ethnic states, in which there is an urgent need for a national policy based on certain principles that directly depend on the strategy of building the leading political institution. The author draws attention to the evolutionary variability of approaches to state-building while maintaining significant features, but adapted to modern realities. The Russian experience of interethnic interaction, national self-determination and attempts to unify cultural, confessional, linguistic identity, suppression of separatist sentiments, the reasons for the appearance of which are particularly highlighted as one of the main categories characterizing the feasibility, relevance, and foresight of the development strategy of national relations, are examined in detail. Legal consolidation of the Concept of state national policy of the Russian Federation stands out as the most democratic event in Modern Russia, aimed at maintaining state integrity, preventing separatist sentiments. We also give the classification of interethnic conflicts on various grounds known in world practice. Finally, we propose a set of measures for the long-term harmonisation of interethnic interaction in the Russian Federation.

Keywords: national policy; ethnos; autonomy; multinational state; national minority; incorporation; assimilation; irredentism

For citation: Seleznev P.S., Shalaev I.L. National policy in a multinational state: Balance of interests or hegemony of powers that be? *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-79-85

Проблема совместного проживания различных этнических общностей возникала в процессе формирования государственности во всех регионах мира. Острейшим образом необходимость регулирования отношений между этническими общностями и предотвращения конфликтов на почве национальной неоднородности проявилась в многонациональных государствах, объединивших в рамках своего пространства различные нации и народности. Национальная политика представляет собой комплекс государственных мер, направленных на агрегацию интересов специфичных социальных групп. Данные социальные группы объединяют индивидов благодаря общему языку, территории, менталитету, исторической памяти.

На протяжении столетий происходило формирование империй, сопряженное с борьбой между народами за господство над территориями. Зачастую успех в приобретении новых владений определялся военным превосходством той или иной стороны. Возникновение крупных многонациональных государств происходило по нескольким сценариям:

1. *Мирное присоединение территорий, населенных племенами, не имеющими собственной государственности.*

В 1557 г. в состав Русского государства были включены земли башкирских племен, которые на протяжении всей своей истории фактически не имели собственной государственности — в разные времена территория современного Башкортостана являлась частью Казанского ханства, Нагайской Орды. С падением Казани в 1552 г. башкирские племена (бурзян, мин, усерган, кыпсак) потеряли господина в лице могучего Казанского ханства. Именно в 1557 г. большинство башкир добровольно приняли подданство России, политически стабильного и развитого соседа.

2. *Аннексия территорий соседних государств.*

Обострение геополитической обстановки в Европе в преддверии Второй мировой войны в определенной степени перешло в активную фазу после отчуждения нацистской Германией Судетской области суверенной Чехословакии 10 октября 1938 г. Стоит обратить внимание на то, что откровенная аннексия территории не вызвала осуждения и санкции со стороны ведущих европейских держав (Великобритании, Франции, Италии). Державы шли по пути «усмирения агрессора малой кровью», выполняя условия Мюнхенского соглашения (1938 г.). В Германии того времени активно пропагандировались идеи ирредентизма — объединения всех этнических немцев в рамках единого политического пространства,

большинство населения Судетской области являлось титульной нацией Третьего рейха — немцами. Предшественницей Судет была этнически родственная Германии Австрия, которая была аннексирована 12 марта 1938 г. по «аншлюсу».

3. *Добровольное объединение государственных образований.*

Ход Первой мировой войны сопровождался активизацией национально-освободительных движений западных славян, в частности чехов и словаков, борьба с общим врагом обусловила появление проекта чеха Томаша Масарика о создании суверенного государства, основанного на союзе — «свадьбе» Чехии и Словакии. Объединение было поддержано странами Антанты, которые в период войны снабжали национально-освободительные движения снаряжением для борьбы с Австро-Венгрией. Так, в период 1918–1992 гг. существовало государство Чехословакия.

4. *Массовые миграции.*

С момента открытия Христофором Колумбом в 1492 г. Северной Америки началось заселение территорий «Новой Англии» мигрантами из «старушки Европы». По мере развития производства массово были завезены представители негроидной расы с Африканского континента для рабского труда на плантациях. Образованные в 1776 г. Соединенные штаты Америки в разные периоды стали центром притяжения для мигрантов со всего мира (Европа, Ближний Восток, Средняя Азия, Юго-Восточная Азия, страны постсоветского пространства, Южная Америка, Мексика, Куба и др.). Таким образом, государство превратилось в «плави́льный котел» не только различных этнических групп, но и рас.

Существование любого полиэтнического политического института, ведущего от имени общества внешнюю и внутреннюю политику, требует выбора концепции совместного проживания различных этнических групп. Данная концепция должна обеспечивать баланс, в условиях которого маловероятен сепаратизм, иначе такое государство не жизнеспособно. Для государства важно определение целей национальной политики. Выделяются следующие разновидности целей: национальная консолидация, межэтническая консолидация, этническое обособление, сохранение национальной «чистоты» и защита от влияния интернационального воздействия. В зависимости от поставленной цели вырабатываются способы и принципы осуществления национальной политики. Вспомним, что в классическом трактате Никколо Макиавелли «Государь» обозначены 3 способа удержания и интегрирования новых земель:

1. *Уничтожение.* То есть предполагается ликвидация государственности или геноцид населения данного региона. Данный подход является антигуманным.

Идея «уничтожения» Макиавелли нашла отражение в программах Генриха Гиммлера в нацистской Германии, ставившей перед собой цель удержания завоеванных территорий путем уничтожения 80% коренного населения и онемечивания оставшихся 20%. Таким образом, в сознании покоренного народа был создан образ завоевателя, врага. Это обусловило становление национально-освободительных движений в тылу воюющей Германии. Примером служит польское национально-освободительное движение — Армия Людова, вставшее на защиту своей этнической идентичности.

2. *Переселение на жительство.* То есть — внедрение в систему национального самоуправления представителей этноса-победителя.

Присоединенные к Российской империи в период с 1865–1876 гг. государственные образования Средней Азии были «зацементированы» образованным в 1867 г. Туркестанским генерал-губернаторством, предполагавшим постоянное присутствие на территории «наместников» — генерал-губернаторов Его Императорского Величества, что легитимировало присутствие России [5].

3. *Предоставление права жить по своим законам.* Данный метод не предполагает насильственной интеграции в культурную, правовую и религиозную среду титульной нации. Такое сосуществование предполагает автономное, почти суверенное нахождение национальных территорий в составе государства.

Чеченская Республика — субъект федерации, который, несмотря на закрепленные в Конституции РФ положения о равенстве всех субъектов федерации, обладает особым статусом по сравнению даже с подобными национальными автономиями, это обусловлено политикой РФ по недопущению сепаратизма в данном регионе — повторного открытия «кровоточащей раны», некогда угрожавшей целостности всей страны (1994–1996, 1999–2000 гг.). Так, например, по данным Единого портала бюджетной системы РФ, бюджетная обеспеченность Чеченской Республики в 2017 г. до распределения дотаций составляла 24,5%, а после распределения — уже 58,6%, что прямо свидетельствует о высокой дотационности этого субъекта и о готовности федерального центра эти трансферты начислять. По словам Е.М. Примакова, академика РАН, удалось добиться того, что при сохранении ряда религи-

озных традиционных особенностей Чечня стала реальной частью России [8].

Идеи переселения на жительство и предоставления права жить по своим законам и ныне включены в национальные политики государств.

Истории известны примеры коренных метаморфоз национальной политики. Так, например, Октябрьская революция 1917 г. полностью разрушила весьма консервативную и прорусскую национальную политику Российской империи, во многом основанную на теории официальной народности С.С. Уварова и ее ключевых естественных для России принципах: самодержавии, православии, народности [1]. Уваров видел стабильность и развитие страны в консолидации всех российских народностей под началом русского народа и православной веры как неотъемлемой части менталитета национального большинства. Также данная концепция предполагала постепенную русификацию в процессе инкорпорации территорий нерусских народов. Но стоит заметить, что национальная политика Российской империи, несмотря на курс русификации и ассимиляции, являлась довольно гибкой в вопросах инкорпорации новых государств. Например, Финляндия практически сохранила свою нормативную, культурную, языковую независимость. Присоединенные Бухарский эмират (1868 г.), Хивинское ханство (1873 г.), Кокандское ханство (1876 г.) и иные среднеазиатские государства получили возможность жить в естественной религиозной среде. Все это позволяло обеспечивать легитимность российского господства на данных территориях. Достоинством политики России того времени является отсутствие территориально-административного воплощения национального вопроса, что позволяло постепенно сглаживать национальную дифференциацию, мешающую формированию единого русского народа [2].

После Октябрьской революции 1917 г. в России было провозглашена принципиально новая национальная политика, основанная на идеях интернационализма. Парадоксально, но именно тогда был запущен обратный процесс — национальная реинтеграция. Ленинская программа федерального образования СССР в 1922 г. заложила «бомбу замедленного действия», обусловленную выделением национальных республик и автономий в СССР и в РСФСР. Следующим шагом была передача первостепенных или не менее важных второстепенных республиканских постов представителям титульной нации данного субъекта, что явилось неким «жестом доброй воли» со стороны высшего руководства стра-

ны. Подобные «жесты» проявились в культуре, политике, экономике. Такие действия нарушили естественный ход мирной унификации и стали одной из причин развала СССР в будущем. Республиканские элиты постепенно превращались в мононациональные формирования, состоящие из представителей титульной нации. Некогда дарованное местным этносам право участвовать в управлении автономией прочно укрепилось в национальном самосознании населения, малейшее отступление центра от линии вызывало недовольство общественных масс. Эскалация подобных конфликтов произошла в период перестройки. Ярким примером являются Декабрьские массовые протесты и народные восстания против коммунистической партии в г. Алма-Ате Казахской ССР (17–18 декабря 1986 г.). Причиной событий послужило снятие с должности первого секретаря компартии Казахстана Динмухамеда Кунаева и замена его на представителя неказахской национальности Геннадия Колбина, первого секретаря Ульяновского обкома. Протестующие требовали назначения на должность главы республики представителя коренного населения. Декабрьские события явились одним из первых прецедентов выступлений против диктата центра на национальной почве. Разгул казахского национализма вынудил центральные власти пойти на уступки, поэтому в 1989 г. на пост главы республики был назначен казах Нурсултан Назарбаев. То есть политика СССР по отношению к союзным республикам предполагала выработку традиции и культуры политического участия коренных этнических групп — все это впоследствии сыграло против центра. Стоит заметить, что уже 16 декабря 1991 г. Казахстан провозгласил свою независимость. Начавшийся в 1990 г. «парад суверенитетов» явился следствием неадекватной национальной политики советского руководства, породившей национальное неравенство с перевесом в пользу национального меньшинства.

Уже в современной России в 1996 г. был издан Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», заложивший основу межнационального взаимодействия. А также были определены основные приоритеты:

1. Развитие федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности Российского государства.
2. Развитие национальных культур и языков народов Российской Федерации, укрепление духовной общности россиян.

3. Обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств.

4. Достижение и поддержание стабильности, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе.

5. Поддержка соотечественников, проживающих в государствах — участниках Содружества Независимых Государств, а также в Латвийской Республике, Литовской Республике и Эстонской Республике, содействие развитию их связей с Россией.

Последний пункт свидетельствовал о попытке выстроить систему поддержки русскоязычного населения, оказавшегося за пределами юрисдикции РФ. Данный Указ провозгласил не только названные ранее приоритеты деятельности, но и принципы осуществления национальной политики в целом. Таким образом, были сформулированы следующие принципы:

1. Равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям.
2. Запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.
3. Сохранение исторически сложившейся целостности Российской Федерации.
4. Равноправие всех субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.
5. Гарантия прав коренных малочисленных народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.
6. Право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения.
7. Содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации.
8. Своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов.
9. Запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.
10. Защита прав и интересов граждан Российской Федерации за ее пределами, поддержка со-

отечественников, проживающих в зарубежных странах, в сохранении и развитии родного языка, культуры и национальных традиций, в укреплении их связей с Родиной в соответствии с нормами международного права [6].

Анализируя данные принципы, можно сделать вывод, что общая тенденция либерализации и демократизации всех сфер российского общества нашли отражение в концепции государственной национальной политики. После подписания Договора «О разграничении предметов ведения между органами государственной власти РФ и Республики Татарстан и взаимном делегировании полномочий» перед руководством страны была поставлена задача укрепления федерации путем создания благоприятных условий для существования национальных республик в составе РФ. Это было обусловлено необходимостью борьбы с сепаратистскими настроениями. Вспоминая опыт Татарстана, можно отметить, что в период «парада суверенитетов РСФСР» там все чаще раздавались националистические лозунги: «Мы помним 1552 год», «Свобода». Одной из причин разгула сепаратизма в РФ можно назвать то, что вопросы разграничения полномочий между субъектами федерации и центром не были разрешены, точка в этом вопросе была поставлена лишь с принятием Конституции РФ 12 декабря 1993 г., в которой Глава 3 полностью посвящена федеративному устройству. Почти разрушенная вертикаль власти не была в состоянии контролировать процессы, происходившие в регионах, тем самым способствовала расширению полномочий субъектов. Например, стоит вспомнить фразу, произнесенную Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным 8 августа 1990 г.: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», т.е. неспособность нового политического руководства управлять многонациональной и неоднородной страной была компенсирована санкционированной передачей регионам любого объема полномочий. Позднее Ельцин, оправдываясь, заявил, что брать суверенитет можно только в тех объемах, в которых «можете осилить», иначе «надорветесь».

По словам В.Н. Лексина, руководителя научного направления Института системного анализа РАН, в России продолжают опасные процессы, заложенные еще в СССР, в области обеспечения принципа равенства этносов. Важнейшей необходимостью в современной России является «восстановление равного статуса разных народов и этносов, которые проживают в России, и в первую очередь — восстановление права на институциональное закрепление

национальной идентичности системообразующей нации нашего государства — русского народа» [3].

Сосуществование этнических образований в пределах одной территории может породить национальные конфликты, природа которых разнородна. По причинам возникновения конфликтов различают следующие категории:

1. *Территориальные.* Данные конфликты связаны со стремлением тех или иных этнических групп к отделению от полиэтнического государства — к сепаратизму (Косовская война 1998–1999 гг. в Югославии).

2. *Экономические.* Данный вид связан с хозяйственно-производственной дискриминацией национальной территории. Например, определение национальной территории сырьевым придатком без перспективы экономического развития. (Борьба Индийского национального конгресса во главе с Махатмой Ганди против британского колониализма в 20-е гг. XX в.).

3. *Социальные.* Данный вид связан с ограничением доступа представителей национальных сообществ к общепринятым социальным лифтам, а также с ущемлением прав нации по сравнению с другими. (Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. против турок-османов).

4. *Культурно-языковые.* Данный вид связан с насильственной интеграцией этнической общности в культурное и языковое пространство доминирующей нации, осуществляемой путем запрета и объявления вне закона национального языка, культуры, верования, традиций и т.д. Как правило, запрет национального языка предполагает отказ от получения образования на нем, что приводит к уничтожению культурной идентичности этой общности и унификации, ассимиляции полиэтнического населения («Крымская весна» в марте 2014 г.).

Национальная политика в долгосрочной стратегии многонационального государства, ставящего перед собой цель стабильного развития, направлена на превентивное воздействие на возможные факторы межнациональных территориальных, экономических, социальных, культурно-языковых конфликтов.

Мировой политической науке известны примеры, когда государство в основу стратегии национальной политики закладывает изоляционизм определенных территорий, непризнание иного культурного кода у части своего населения. В качестве примера можно привести ситуацию в Турции, которая угнетает и дискриминирует граждан курдского происхождения, проживающих в турецком Курдистане.

У курдов не только нет независимости, но они даже не обладают автономией в составе Турции. Этот народ на протяжении многих лет ведет борьбу за национальное освобождение. Жесткость, военные методы, реакционность турецких властей по отношению к курдам лишь увеличивают уровень сепаратизма в данном регионе. Общая численность курдов составляет 30–40 млн человек. При этом более 48% всего народа проживает в Турции, 25% — в Иране, 17% — в Ираке, 4% — в Сирии. Анализируя проблематику курдского вопроса в Турции, можно сказать, что поддержка курдами первого президента Турецкой Республики и основателя Республиканской народной партии Мустафы Кемаль в его борьбе против «колонизаторов и империалистов» являлась ошибочной, поскольку обещания о создании курдско-турецкой федерации были лишь популистскими лозунгами. Ведь после победы над греками Кемаль начал политику ущемления прав курдов: запрет курдского языка и самого слова «курд» (их называли «горными турками»). Все это переросло в настоящий геноцид. Почти половина населения иракского Курдистана была переселена подальше от границы в так называемые «образцовые поселки» — фактически гетто. Мустафа Кемаль удовлетворенно заявил: «Я вижу великий знак того, что Турция очистилась от иноземцев и предателей. Отныне Турция принадлежит туркам!» [7].

Ущемление прав курдского населения спровоцировало образование национально-освободительных движений. В 1978 г. националистами была создана Рабочая Партия Курдистана (РПК). 15 августа 1984 г. она начала войну на юго-востоке Турции. Ныне находящийся под арестом лидер курдов Абдула Оджалан во время своего приезда в Москву в ходе встречи с группой депутатов Государственной Думы заявлял, что курдскую проблему необходимо решать путем создания курдско-турецкой федерации. То есть и сегодня решить курдский вопрос возможно лишь в ходе федерализации Турции, что не соответствует принятой концепции национальной политики действующего президента Реджепа Тайипа Эрдогана, поставившего цель возродить Османскую империю [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что национальная политика в многонациональном государстве является сложнейшей материей, которая подчинена конкретным целям действующего руководства. Как показывает история, ошибки в выработке общей стратегии национальной политики способны породить длительные межэтнические конфликты, которые нарушают стабильность в госу-

дарстве. При определенных условиях нестабильность в межэтнических отношениях способна нарушить целостность государства.

Но вернемся к основному вопросу, поставленному в статье: национальная политика — это баланс интересов этнических общностей или же гегемония одной из них? На основании анализа исторических фактов можно сделать вывод о том, что баланс интересов — это идеализированное представление о сущности деятельности в вопросах этнических общностей, поскольку еще ни одно полиэтническое государство мира не приблизилось к состоянию равного положения национальных большинства и меньшинства ввиду ряда политических причин. Баланс в межэтническом государстве достигается при помощи разумной стандартизации — путем уменьшения различий в культуре, языке, менталитете. Тогда постепенно сглаженная дифференциация общества приведет к балансу и мирному сосуществованию теперь уже близких этнических общностей. В таком случае рационально предположить, что отсутствие баланса приводит к гегемонии большинства (парадоксально, но история доказала, что гегемоном может быть и меньшинство).

Для России жизненно необходимо состояние межнациональной гармонии, что в разные периоды истории имело различное выражение, например невозможна была бы победа нашего народа над немецко-фашистскими захватчиками без единения народов СССР, их монолитного единодушия и единообразия. Сегодняшней Российской Федерации необходимо остановить процесс обособления в рамках этнических территорий и углубления национальной дифференциации, а также закрепить правовой статус русского народа как государствообразующего и объединяющего народы России — ее богатство. В качестве решения этой задачи можно рассматривать следующий комплекс мер:

1. Пересмотр Федеративного договора и Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (Москва, 31 марта 1992 г.) в части определения полномочий субъектов РФ в зависимости от территориального статуса (республик, краев, автономных округов и областей). Введение административного деления РФ по территориальному принципу с соблюдением реального, а не декларативного равенства.

2. Правовое закрепление статуса русского народа в ст. 3 п. 1 Конституции РФ от 12.12.1993.

3. Экономическое неугнетение провинций, преференций среди субъектов РФ. Экономическая децентрализация РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I Оп.: Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак; Река времен; 1995.
2. Зырянов П.Н. История России. XIX век. М.: Просвещение; 1999.
3. Лексин В.Н. Национальная политика многонационального государства. URL: <http://rusrand.ru/ideas/nacionalnaya-politika-mnogonaciona> (дата обращения: 30.11.2018).
4. Пожар на Ближнем Востоке. М.: Издание ЛДПР; 2018. 112 с.
5. Трепалов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnaya-politika-v-mnogonatsionalnoy-rossii-xvi-xix-vekov> (дата обращения: 30.11.2018).
6. Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации».
7. Сташкевич А. Турецко-курдский конфликт. URL: <http://project21664.tilda.ws/> (дата обращения: 30.11.2018).
8. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф; 2015. 607 с.

REFERENCES

1. Reports of the Minister of education S.S. Uvarov to Emperor Nicholas I. In: River of time. Issue 1. Moscow: Ellis Lak; 1995.
2. Zyryanov P.N. History of Russia 19th century. Moscow: Prosveschenie; 1999.
3. Leksin V.N. National policy of a multinational state. URL: <http://rusrand.ru/ideas/nacionalnaya-politika-mnogonaciona> (accessed on 30.11.2018).
4. Fire in the Middle East. Moscow: Published by the Liberal Democratic Party; 2018. 112 p.
5. Triepalov V.V. "National policy" in the multinational Russian state in XVI–XIX centuries. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnaya-politika-v-mnogonatsionalnoy-rossii-xvi-xix-vekov> (accessed on 30.11.2018).
6. The decree of the President of the Russian Federation of 15.06.1996 No. 909 "On approval of the Concept of the state national policy of the Russian Federation".
7. Stashkevich A. Turkish-Kurdish conflict. URL: <http://project21664.tilda.ws> (accessed on 30.11.2018).
8. Primakov E.M. Meeting at the crossroads. Moscow: Tsentrpoligraf; 2015. 607 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Сергеевич Селезнёв — доктор политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, заместитель директора по персоналу ректората, председатель Совета молодых ученых, Финансовый университет, Москва, Россия
sps@fa.ru

Илья Леонидович Шалаев — студент 2-го курса факультета государственного управления и финансового контроля, Финансовый университет, Москва, Россия
ilja25@mail.ru

ABOUT THE AUTORS

Pavel S. Seleznev — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Deputy Director for administration personnel, Chairman of the Council of young scientists, Financial University, Moscow, Russia
sps@fa.ru

Ilya L. Shalaev — 2nd-year student, Faculty of Public Administration and Financial Control, Financial University, Moscow, Russia
ilja25@mail.ru

Статья поступила 15.04.2019; принята к публикации 20.05.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.04.2019; accepted for publication on 20.05.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-86-91

УДК 331.101.52;316.422.44(045)

Теоретико-методологические основы формирования концепций социальной науки, влияющие на развитие человеческого капитала*

Х.П. Харчилава^а, К.Ю. Мухин^б, Д.Ю. Башков^с

^{а, б, с} Финансовый университет,

Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-0144-2698>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1450-4264>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-7256-0627>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются подходы к формированию концепций социальных наук и их совместимость между собой. При формировании той или иной концепции используются принципы теоретического анализа в виде онтологии и эпистемологии, а также различные методологические исследования. Эпистемологические дебаты часто ставят позитивистов или реалистов, которые верят в конкретную реальность социальных явлений, против конструктивистов или интерпретаторов, которые делают акцент на восприятии и интерпретации человека. Авторы статьи утверждают, что вопросы являются более сложными, поскольку между этими крайностями существует целый ряд позиций. Методологические дебаты часто представляют собой противостояние между количественными методами, используемыми позитивистами, и качественными методами, используемыми конструктивистами и интерпретаторами.

Ключевые слова: методология; методы; функционализм; эпистемология; научная парадигма

Для цитирования: Харчилава Х.П., Мухин К.Ю., Башков Д.Ю. Теоретико-методологические основы формирования концепций социальной науки, влияющие на развитие человеческого капитала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):86-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-86-91

ORIGINAL PAPER

Theoretical and Methodological Foundations of the Formation of Concepts of Social Science, Affecting the Development of Human Capital**

Kh.P. Kharchilava^a, K.Yu. Mukhin^b, D.Yu. Bashkov^c

Financial University,

Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0003-0144-2698>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-1450-4264>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-7256-0627>

ABSTRACT

This article discusses approaches of the concepts in social sciences formation and their compatibility with each other. It is well known that the principles of theoretical analysis in the form of ontology and epistemology, as well as various methodological tools, such as sequential research projects, are used in the formation of a concept. Epistemological debates often bring positivists or realists who believe in a particular reality of social phenomena against constructivists or interpreters who emphasise the perception and interpretation of the individual. We argue that questions are more

* Статья подготовлена по результатам выполнения фундаментальной научно-исследовательской работы в рамках государственного задания Финансового университета на 2019 г.

** The article is based on the results of fundamental research work in the framework of the state task of the Financial University for 2019.

complex because there are several positions between these extremities. Methodological debates often represent a confrontation between the quantitative methods used by positivists and the qualitative methods used by constructivists and interpreters.

Keywords: methodology; methods; functionalism; epistemology; scientific paradigm

For citation: Kharchilava Kh.P., Mukhin K. Yu., Bashkov D. Yu. Theoretical and methodological foundations of the formation of concepts of social science, affecting the development of human capital. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):86-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-86-91

Социальные науки получили распространение в XIX и XX вв. вместе с развитием общества и государства. Они нередко отражают определенные национальные представления и опыт. В результате формируется определенный «методологический национализм», который принимает две формы. Одна из них — тенденция к обобщению опыта своей страны, часто представляемого как некий предвестник современности, модель будущего. Другая — представление об исключительности, согласно которому страна является исключением из общих правил развития и поэтому заслуживает особого внимания. Французские социальные науки традиционно склонны к абстракции, которая контрастирует с эмпирикой англоязычного мира. Как новые дисциплины в конце XIX — начале XX в. политические науки и социология были связаны в некоторых странах со старыми дисциплинами истории и права, и это наследие все еще заметно. Во многих странах отрасль внешнеполитических отношений возникла как дисциплина, отдельная от сравнительной политики. Разделение между политологией и социологией в Великобритании и США более выражено, чем во Франции или Италии. Иногда эти различия отражают различия в политических и социальных реалиях соответствующих стран. Франция традиционно имела сильное государство. В то же время американская политика вращалась вокруг плюрализма групп интересов в рамках довольно узко определенной системы ценностей (по крайней мере, до возрождения религиозной раздробленности). Однако разница в интеллектуальных акцентах не всегда отражает глубинные социальные реалии, в отличие от различных подходов к политике и обществу. Таким образом, очень важно использовать концепции и идеи из одной страны, пытаясь применять их сравнительно, а в более общем плане — в поиске передвигных концепций, как в качестве помощи для

сравнительных исследований, так и в качестве противовеса методологическому национализму [1, с. 170].

1. Всегда существовал международный интеллектуальный рынок идей, достигший своего пика развития в эпоху Возрождения и Просвещения в XVIII в., а уже в XX в. получивший те признаки, которые присущи нашей настоящей деятельности. Существование общего языка, последовательно: латинского, французского и английского, способствовало этому. Например, «поведенческая революция» в 1960-х гг. была американской по своему происхождению, но при этом сильно повлияла на европейское мышление, начиная с 1970-х гг., подчеркивая универсализм, количественную оценку и строгость. Теория рационального выбора, столь влиятельная с 1980-х гг., не являлась американской монополией, но была самой сильной и опиралась на известность социальных наук США на мировом рынке. Другие идеи имеют более сложную историю. Организационный анализ был импортирован из Соединенных Штатов в 1950-х гг. Мишелем Крозье и др., которые преобразовали его во французскую форму науки — «социологию организаций». Европейская социология не только находилась под влиянием американских подходов, но и развивалась, а затем распространяла новые идеи. Среди прочих французский социолог Ален Турен находился под влиянием парсонского функционализма при разработке своей теории общества, а европейский этно-методолог Эрвин Гоффман — под влиянием самого Алена. Во всех этих областях идеи, разработанные европейскими учеными, перехватывались на другой стороне Атлантики, оказывая особенно сильное воздействие на теорию и исследования по таким вопросам, как власть (Поль-Мишель Фуко), коммуникация (Юрген Хабермас) и культура (Пьер Бурдьё) [2, с. 12].

С течением времени происходила некоторая периодизация различных школ, веяний и направлений научной деятельности. Изучение институтов возникло, исчезло и вернулось в новой форме, включающей в себя изучение не только

уже знакомой истории, но и культурные подходы, как в политике, так и в социологии. Нормативная теория, маргинализированная во время бихевиористской революции, вернулась к нормативной жизни. Существует также тенденция к тому, что те, кто продвигает новые идеи (или часто лишь новые термины), представляют упрощенную карикатуру на своих предшественников, что не позволяет нам опираться на прошлые знания и теоретически и методологически продвигать их.

Некоторые социологи настаивают на том, что в социальных науках существует только один подход (а значит, и одна парадигма). Гари Кинг, Роберт Кохейн и Сидней Верба в 1994 г. синтезировали «идеал, к которому должны стремиться любые фактические количественные и качественные исследования»:

- научные исследования предназначены для того, чтобы сделать описательные или объяснительные выводы на основе эмпирической информации о мире;
- процессы являются публичными. В научных исследованиях используются явные, кодифицированные и общедоступные методы получения и анализа данных, надежность которых может быть оценена;
- выводы неопределенны;
- метод заключается в содержании. Научные исследования придерживаются свода правил вывода, от которых зависит их обоснованность.

2. Однако не все социологи разделяют эти постулаты или даже верят в возможность выработки общего определения научных исследований. Одни считают, что социальная наука является предпарадигматической и все еще находится в поиске свода объединяющих принципов и стандартов, а другие называют ее постпарадигматической, отказавшись от ряда научных предположений, связанных с конкретной концепцией современности (постмодернистский подход). Но есть и такие, кто считает, что она непарадигматична, поскольку не может быть единого гегемонистского подхода и набора стандартов, а социальный мир должен пониматься по-разному или даже быть многопарадигматичным, с различными парадигмами, борющимися друг с другом или игнорирующими друг друга [3, с. 36].

Некоторые социологи непосредственно занимаются этим вопросом, специализируясь на философии социальных наук и теории знаний. Другие берут за основу базовые компоненты и концентрируются на эмпирических исследо-

ваниях. На наш взгляд, можно охватить большую часть этой области не путем навязывания одной истины, а путем установления определенных стандартов аргументации и дебатов, признавая при этом различия в подходах и видах доказательств.

Споры по поводу подходов часто представляются в риторической форме, основанной на дуалистическом противостоянии двух основных подходов (обычно позитивистский против гуманистического или количественный против качественного). Некоторые придерживаются более тонкого подхода — «два плюс один», с двумя крайними позициями и более умеренной версией одной из них.

Обычно в различных подходах в области социальных наук контрастируют:

- их онтологическая база, связанная с наличием реального и объективного мира;
- их эпистемологическая база, связанная с возможностью познания этого мира и форм соответствующего знания;
- их методологическая база, связанная с техническими инструментами, которые используются для приобретения этих знаний.

Вопрос онтологии заключается в том, что мы изучаем, то есть в том, что является объектом исследования. Споры о существовании физического мира восходят еще к древним временам: как устроен мир и как мы понимаем это. Естественные науки до сих пор являются «домом» для споров о том, как мы идентифицируем природные явления, например, существуют ли в природе таксономии видов или же они являются продуктом научной классификации. Для номиналистов категории существуют только потому, что мы произвольно их создаем. Для реалистов категории должны быть открыты. Есть определенные категории, которые неоспоримы, а другие, которые все принимают, являются продуктом конвенции. Почти каждый принимает различие между живыми формами и инертными объектами, а большинство — различие между человеком и другими животными.

Интерпретирующее/качественное исследование направлено на понимание событий путем выявления значений, которые люди приписывают своему поведению и внешнему миру. Акцент делается не на обнаружении законов о причинных связях между переменными величинами, а на понимании человеческой природы, включая разнообразие обществ и культур. Говоря более

конкретно, вслед за Вебером, этот тип социальных наук направлен на понимание мотиваций, лежащих в основе человеческого поведения, и этот вопрос не может сводиться к какому-либо predetermined элементу, но должен рассматриваться в рамках культурной перспективы, когда культура означает паутину общих значений и ценностей. Теория важна, но не всегда устанавливается до начала исследования, как в дедуктивно-эмпирическом подходе. В форме «обоснованной теории» она может быть построена в ходе исследования, но затем доступна для дальнейшего исследования и изучения других примеров. Случаи заболевания не делятся на переменные, а рассматриваются как взаимозависимые целые; обобщение достигается путем разделения случаев по классам и их приближения к идеальным типам. Контекст считается наиболее важным, поскольку исследования человеческой деятельности должны учитывать ситуационную самоинтерпретацию человека. Предсказуемость невозможна, поскольку люди меняются во времени и пространстве. Как следствие, результаты исследования принимают форму конкретных объяснений конкретных случаев, а также уточненных концепций для анализа будущих случаев [4, с. 65].

Количественный метод относится к сложному анализу данных с использованием большого количества информации; безусловно, в социальных науках существует поток как позитивистских, так и количественных подходов. Генри Брэйди, Дэвид Колльер и Джейсон Соррайт описывают «основной количественный метод» как подход, основанный на использовании регрессионного анализа и соответствующих способов, направленных на измерение причинно-следственных связей. Однако следует отметить, что работа в позитивистской традиции также использует неколичественные материалы, такие как тематические исследования, парные сравнения, записи интервью и даже этнографические подходы в полевых исследованиях и интерпретации.

Существует, однако, еще одно иное, более конкретное значение, которое часто придает термину «качественные методы», связанное с интерпретативным подходом, берущим свое начало в этнографии и антропологии, который в настоящее время применяется и в других областях социальных наук. Качественное исследование — это локализованная деятельность, которая определяет местонахождение наблюдателя

в мире. Она состоит из ряда интерпретирующих практик, которые делают мир видимым.

Предпочтительными методами для этого являются неструктурированные интервью, фокус-группы, текстовый анализ и анализ содержания. Однако как позитивисты могут использовать интервью, тематические исследования и даже включенные наблюдения, так и переводчики иногда используют количественные методы. Для анализа содержания речи и текстов на предмет выявления ключевых слов, символьных шаблонов, кодов и ссылок имеется сложное компьютерное программное обеспечение. Это еще раз доказывает, что мы не должны путать вопросы эпистемологии с вопросами методологии или исследовательской методики.

Одной из причин, по которой многие социологи избегают концепции культуры, является сложность ее практического применения. Трудно отделить культурные факторы от других факторов влияния, и слишком часто возникает соблазн объяснить как можно больше, используя другие обстоятельства, оставляя культуру в качестве остатка для объяснения всего остального. Однако культура — это то, что придает значение другим факторам в социальном объяснении. Например, ценное благо с высоким социальным статусом может принимать очень разные формы в различных культурах, будь то материальные блага, достижения в области образования, титульное звание или земля.

Еще одна трудность связана с единицей анализа. Если культура по существу является социальным или межкультурным понятием, то мы должны идентифицировать группу и ее членов. Наиболее известен, пожалуй, тезис Сэмюэла Хантингтона о столкновении цивилизаций — новом наборе культурных границ, вытесняющих старые разногласия в мировой политике [5, с. 12, 15]. Это обобщает информацию о единицах, которые чрезвычайно разнообразны внутри организации и играют роль общих черт в отношении других аспектов культуры и политики.

Соответствующая единица анализа должна зависеть от вопроса исследования, так что, если, например, нас интересует классовая культура, то мы будем смотреть на социальные классы. Однако определение их масштабов всегда является проблематичным, поскольку культуры часто оспаривают границы или переходят в другие культуры. Один из подходов сосредоточен на основном, то есть тех людях, которые наиболее четко ох-

вачены той или иной культурой и которые, как можно предположить, в наибольшей степени обладают ее особенностями. Другой рассматривает границы, где культурные нормы могут быть наиболее четко сформулированы в отличие от соседних норм. Например, хорошо известно, что националистические лидеры часто происходят из маргинальных слоев данной группы или пережили периоды изгнания в других культурах.

Существует несколько методов изучения верований, идентичности и общих ценностей. Они зависят от некоторых немаловажных факторов:

- от того, как мы понимаем культуру;
- от макро-, микросвязи;
- от того, насколько мы ориентированы на социальные науки.

Наиболее очевидным инструментом исследования является опрос. Как правило, это:

- концептуализирует культуру как убеждения и установки;
- определяет ее место на индивидуальном уровне;
- основывается на эмпирической логике причины и объяснения, при этом культура является независимой переменной.

Таким образом, индивидуумам задаются вопросы об их собственной идентичности, их ценностях и доверии к другим людям в целом и другим группам в частности. Это является основой упомянутого выше гражданского культурологического исследования. Такие исследования выявили много полезной информации о ценностях и ориентации, а также об их постоянстве и изменениях. Они подчеркивают важность идей и социализации в формировании социальных и политических действий, а не просто интересов.

Это не просто технические разборы, поскольку мы можем получить иные результаты, если посмотреть на культуру на микро- или макро-уровне. Например, политические ценности по всей Европе демонстрируют явные признаки сближения, но местные и региональные различия в политическом поведении возросли, если

не увеличились кардинально, поскольку партии способны синтезировать политические позиции различными способами и укреплять местные и исторические культурные ориентиры.

Второй метод — этнологический, при котором исследователь погружается в общество, чтобы понять значение, которое придают своему поведению сами авторы. Этот подход, связанный с антропологией, все чаще используется для изучения современных социальных и политических структур. Метод основан на идее о том, что культуру:

- следует определять широко как самобытность, толкование и ценности (см. выше);
- следует определять как межсубъектную (как индивидуальную, так и коллективную);
- можно интерпретировать, а не использовать для объяснения причин.

Изучение культуры, таким образом, позволяет нам рассматривать ее как ряд отправных точек, которые субъекты используют для создания систем действий или политики. Это не означает, что субъекты могут просто придумывать новые культурные ориентиры или искажать любые ссылки на какую-либо цель; скорее, символы, воспоминания и общие нормы могут быть сгруппированы для различных целей. Это позволяет нам по-новому взглянуть на проблему, создаваемую исследованиями культуры и развития. Представляя участников и проявляя инициативу, культура также помогает избежать фатализма, предполагая, что общества с «неправильной» парадигмой культурного развития обречены на провал.

Это свидетельствует о необходимости глубокого изучения и познания культуры, с тем, чтобы показать, как создаются и воспроизводятся эти истории. При этом, поскольку культура и социальные науки неустанно дополняют и зависят друг от друга, методологические и теоретические аспекты формирования концепций обоих направлений нашей жизни являются неотъемлемым инструментом по-настоящему развитого человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М.: Знание; 2014.
2. Китинг М., Порта Д. Подходы в области социальных наук. М.: Логос; 2008.
3. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект; 2015.
4. Столяров В.И. Исторический метод познания в современной науке. М.: Знание; 2013.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Нью-Йорк: Simon & Schuster; 2016.

REFERENCES

1. Orekhov A. M. Social science as a subject of philosophical and sociological discourse. Moscow: Znanie; 2014. (In Russ.).
2. Keating M., Porta D. Approaches in the social sciences. Moscow: Logos; 2008. (In Russ.).
3. Deleuze J. Logic of sense. Moscow: Akademicheski project; 2015. (In Russ.).
4. Stolyarov V.I. Historical method of cognition in modern science. Moscow: Znanie; 2013. (In Russ.).
5. Huntington S. The Clash of Civilizations? The Debate. New York: Simon & Schuster; 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хвича Патаевич Харчилава — доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
HPHarchilava@fa.ru

Кирилл Юрьевич Мухин — кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия
KYMukhin@fa.ru

Дмитрий Юрьевич Башков — студент 2-го курса, факультет экономики и финансов топливно-энергетического комплекса, Финансовый университет, Москва, Россия
d.bashkov.u@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Khvicha P. Kharchilava — Associate Professor, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
HPHarchilava@fa.ru

Kirill Yu. Mukhin — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Department of Management, Financial University, Moscow, Russia
KYMukhin@fa.ru

Dmitry Yu. Baskov — 2nd-year student, Faculty of Economics and Finance of Fuel and Energy complex, Financial University, Moscow, Russia
d.bashkov.u@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Харчилава Х.П. — разработка общей концепции исследования, библиография.

Мухин К.Ю. — дорожная карта исследования, теоретико-обзорная часть исследования.

Башков Д.Ю. — аналитическая и эмпирическая часть исследования.

Authors' declared contribution:

Kharchilava K. P. — development of the general concept of research, bibliography;

Mukhin K. Y. — the road map of the study, theoretical and review part of the study;

Bashkov D. Y. — analytical and empirical part of the study.

Статья поступила 24.07.2019; принята к публикации 08.08.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 24.07.2019; accepted for publication on 08.08.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-92-96

УДК 32(045)

НАТО и безопасность в Арктике: проблемы, возможности, перспективы

В. И. Готов^а, И. А. Аржанов^б

^а Федеральная служба по финансовому мониторингу, Москва, Россия

^б Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-0583-0797>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-5738-3941>

АННОТАЦИЯ

В представленной статье авторы анализируют современную политику Североатлантического альянса (НАТО) в Арктике. В статье подчеркивается, что новые вызовы в Арктике, связанные с изменением климата, участием неарктических государств в освоении территории и ростом военной активности России, поставили перед НАТО вопрос формирования цели и официальной стратегии. Пока государства-члены не достигли консенсуса в этом направлении. В статье выявлены основные шаги альянса, которые подтверждают тезис о росте напряженности на Крайнем Севере. Определены факторы, которые могут повлиять на перспективы деятельности альянса в регионе. С учетом того, что Арктика в современных условиях вошла в глобальную повестку дня международной политики, авторы приходят к выводу о росте активности НАТО, о чем свидетельствуют практические шаги организации. В официальных документах этому уделено мало внимания, хотя подчеркивается важность сотрудничества в данном регионе.

Ключевые слова: НАТО; Арктика; США; Россия; Канада; Норвегия; сотрудничество; военные учения; соперничество

Для цитирования: Готов В.И., Аржанов И.А. НАТО и безопасность в Арктике: проблемы, возможности, перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):92-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-92-96

ORIGINAL PAPER

NATO and Arctic Security: Challenges, Opportunities and Prospects

V.I. Glotov^a, I.A. Arzhanov^b

^a Federal Financial Monitoring Service, Moscow, Russia

^b Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-0583-0797>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-5738-3941>

ABSTRACT

In this article, the authors analyse the current policy of the North Atlantic Alliance (NATO) in the Arctic. The article emphasises that the new challenges in the Arctic, related to climate change, the participation of non-Arctic states in the development of the territory and the growth of Russia's military activity, have put before NATO the question of forming a task and official strategy. So far, member states have not reached consensus in this direction. The article identifies the main steps of the Alliance, which confirm the thesis about the growth of tension in the Far North. We identified the factors that may affect the prospects of the Alliance in the region. Taking into account the fact that the Arctic in contemporary circumstances has entered the global agenda of international politics, the authors conclude the growth of NATO activity, as evidenced by the practical steps of the organisation. Little attention has been paid to this in official documents, although the importance of cooperation in the region has already been stressed.

Keywords: NATO; Arctic; USA; Russia; Canada; Norway; cooperation; military exercises; rivalry

For citation: Glotov V.I., Arzhanov I.A. NATO and Arctic security: challenges, opportunities and prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):92-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-92-96

Арктический регион занимал одно из главных мест в сфере безопасности во времена холодной войны. Эта важность в значительной степени снизилась с распадом Советского Союза и прекращением конфронтации между НАТО и странами Варшавского блока.

В постбиполярную эпоху арктические государства сосредоточились на диалоге о проблемах невоенной безопасности, в том числе — об ухудшении состояния окружающей среды. Новый акцент арктических отношений по вопросам устойчивого развития и научно-технического сотрудничества привел к снижению напряженности в регионе, который когда-то был одним из наиболее военизированных в мире. Сотрудничество интенсивно проявилось в создании Арктического совета — регионального форума, который способствует совместному управлению в Арктике, но не занимается проблемами безопасности. Вследствие потепления климата и возрождения геополитической конкуренции регион вновь встал на повестку дня в сфере безопасности для Североатлантического альянса.

Новые вызовы, которые, согласно заявлениям официальных лиц альянса, заключаются в возможном распространении напряженности между Россией и союзниками по НАТО, а также растущем участии Китая, могут сделать Арктический регион ареной стратегического соперничества. Данные обстоятельства являются важными для евроатлантической безопасности, так как пять из восьми членов Арктического совета — члены НАТО: Канада, Дания, Исландия, Норвегия и США. Союзники по НАТО имеют противоречивые мнения о намерениях России и об увеличении ее военного присутствия, но пришли к общему мнению о важности региона для безопасности НАТО.

Стоит отметить, что, в отличие от России и отдельных арктических стран — членов НАТО, у организации в целом нет единой согласованной позиции относительно своей роли в Арктическом регионе, а также нет официальной стратегии. Изучение эволюции подходов к Арктике дает возможность утверждать, что вопрос общего участия НАТО в регионе был предметом многочисленных дискуссий. В отчете Парламентской ассамблеи (ПА) НАТО за 2012 г. указывалось, что «в настоящее время в альянсе нет единого мнения о том, что НАТО

должна играть какую-либо роль в Арктике, поскольку Канада решительно выступает против любого участия, а другие члены альянса обеспокоены негативной российской реакцией» [1]. В отчете ПА НАТО за 2013 г. отмечалось, что «50% территории, окружающей Арктическое море, является территорией государств-членов», и предлагалось, чтобы «НАТО могла служить форумом для диалога по военным вопросам...» [2]. В докладе также утверждалось, что альянс имеет возможности играть ключевую роль в решении проблем безопасности, связанных с надзором, поисково-спасательными работами и очисткой окружающей среды. Однако отсутствие консенсуса в отношении нахождения альянса в Арктике отражено в том, что регион не был упомянут ни в Стратегической концепции НАТО 2010 г., ни в итоговой декларации саммита НАТО в Чикаго 2012 г.

В 2013 г. Политический комитет ПА НАТО признал, что «среди арктических стран-членов нет единого мнения о том, что альянс должен стать более активным на Крайнем Севере» [3]. 8 мая 2013 г. после визита в Норвегию генеральный секретарь НАТО А. Ф. Расмуссен заявил, что альянс «в настоящее время не намерен наращивать свое присутствие и деятельность на Крайнем Севере» [4]. Также в декларации Варшавского саммита НАТО в июле 2016 г. не была упомянута Арктика [5].

Подобная тенденция — не активизировать арктическую тематику — на официальном уровне среди членов альянса продолжилась в 2017 г. В начале 2018 г. в докладе Политического комитета ПА НАТО о безопасности в Арктике было отмечено, что «по мере того, как стратегическая значимость Крайнего Севера будет возрастать в будущем, арктические прибрежные государства альянса и все союзники могут позволить отложить оценку подхода НАТО к региону на неопределенный срок»¹. В отчете ПА НАТО от 4 апреля 2018 г. говорилось, что, несмотря на рост напряженности в отношениях с Россией в Восточной Европе, странах Балтии и в последнее время — в Великобритании, альянс хотел бы сохранить Арктику в зоне низкой напряженности. В то же время на официальном уровне начали появ-

¹ NATO needs to adapt to new security challenges in the High North / NATO Parliamentary Assembly. 18 November 2018. URL: <https://www.nato-pa.int/news/nato-needs-adapt-new-security-challenges-high-north>.

ляться заявления о необходимости ответа на увеличение российского военного присутствия в Северной Атлантике и арктических регионах, о чем, к примеру, заявил генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг.

Активный рост требований среди западных аналитических центров и СМИ о повышении военного присутствия НАТО в Арктике был отмечен накануне саммита Организации Североатлантического договора в Брюсселе 11 и 12 июля 2018 г. К примеру, «Уолл-стрит джорнэл», одно из крупнейших и влиятельнейших американских изданий, заявляло, что НАТО должен «принять новую стратегию» в ответ на «массовое наращивание военной мощи России» на Крайнем Севере [6]. За несколько дней до саммита британский Королевский институт международных отношений призвал организацию разработать «последовательное видение того, как защищать интересы НАТО в Арктике». Постоянный комитет Палаты общин по национальной обороне Канады в июне 2018 г. занял аналогичную позицию и дал рекомендацию правительству Канады «играть ведущую роль в НАТО в Арктике и повышать участие НАТО в регионе, включая совместные учения членов НАТО» [7]. Стоит отметить, что это обращение со стороны канадских парламентариев было неожиданным, поскольку традиционная позиция Канады основывалась на решительной оппозиции коллективному участию Альянса в Арктике.

Лидеры брюссельского саммита НАТО решили не включать какие-либо отсылки на Арктику в итоговое заявление. Этот вопрос также не поднимался и не рассматривался на пресс-конференции Генерального секретаря НАТО. Но уже на ежегодной сессии ПА, которая прошла в Галифаксе в 2018 г., участники выразили обеспокоенность масштабами наращивания военной мощи России в Арктике, включая модернизацию ее Северного флота, создание военной инфраструктуры в регионе и резкое увеличение воздушной и подводной активности. Эта было первое официальное заявление, после которого началась активизация коллективной деятельности стран НАТО в Арктике. Уже с 25 октября по 7 ноября 2018 г. в Арктике были развернуты военные учения Trident Juncture («Единый трезубец»), которые стали крупнейшими для членов альянса со времен холодной войны. В учениях при-

няли участие все 29 членов НАТО, а также Швеция и Финляндия. Были задействованы 50 тыс. человек, 65 кораблей, 250 самолетов и 10 тыс. единиц наземной военной техники [8]. Соединенные Штаты проявили большой интерес к данным учениям: впервые с 1987 г. они направили военно-морской авианосец «Гарри Трумэн» в регион. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что учения покажут, что НАТО готова защищать своих союзников в условиях «значительно ухудшившейся» обстановки в сфере безопасности в Европе [9].

Также учения должны были проверить готовность НАТО в случае нападения на Норвегию, где проводилась большая их часть. Предполагаемое государство-агрессор было названо «Муринос» — вымышленный противник на северо-восточном фланге Североатлантического альянса. После учений политические эксперты заявили, что маневры стали репетицией потенциального конфликта с Россией [10]. Стоит отметить, что учения НАТО состоялись вскоре после масштабных учений «Восток», которые Россия провела вдоль своих восточных границ. Министерство обороны РФ заявило, что в них приняли участие 300 тыс. военнослужащих, также среди них были китайские военные в знак укрепления военно-политических связей между Москвой и Пекином.

Независимый военный аналитик С. Флэнаган заметил, что «Единый Трезубец» напомнил военные учения НАТО 1980-х гг. против советской угрозы на Севере и что Альянс выполняет обещания расширить свои возможности в Восточной и Северной Европе [11]. Британское издание The Telegraph заметило, что «это крупнейшие учения НАТО после окончания холодной войны, и тот факт, что они проводятся, просто доказывает, что началась новая холодная война и противостояние становится более жестким» [12]. Факт проведения учений был негативно воспринят в Москве. Заместитель министра иностранных дел РФ С. В. Вершинин заявил, что учения были «антироссийскими» и будут «учтены в нашем военном планировании». Министр обороны Российской Федерации С. К. Шойгу назвал уровень активности НАТО у границ России «беспрецедентным со времен холодной войны» [13].

После проведения учений тенденция к нарастанию военного присутствия Альянса в Арктике

продолжилась. Некоторые страны — члены НАТО приступили к пересмотру своей военной мощи в регионе. Великобритания выпустила парламентский отчет «На тонком льду», предупреждающий, что страна должна усилить свои оборонительные силы в регионе и положить конец нынешнему периоду «мягкого пренебрежения» Арктикой. В качестве начального шага Королевство Британии ввело в практику ежегодную отправку 800 королевских морских пехотинцев для обучения в суровых условиях Норвегии и включения их в планы обороны данного государства. В дополнение к британскому контингенту Норвегия также приняла более 700 морских пехотинцев США для продолжения обучения².

Исландия открыла авиабазу в Кефлавике, которая была закрыта в 2006 г., для размещения морского патрульного самолета США Poseidon P-8A. Соединенные Штаты, в свою очередь, выделили на модернизацию авиабазы в Кефлавике 35 млн долл.³ Примечательно и то, что в Канаде 10 апреля 2019 г. Палата общин призвала правительство сотрудничать с НАТО, чтобы определить истинные военные намерения России на Севере и защитить арктический суверенитет страны⁴.

Таким образом, учитывая современную ситуацию с НАТО в Арктике, выделим следующие факторы, которые могут иметь влияние на перспективы деятельности альянса в регионе:

- хотя во всех национальных стратегиях арктических государств-союзников по НАТО подчеркивается стремление к стабильности и мирному сотрудничеству в Арктическом регионе, все пять прибрежных государств Северного Ледовитого океана определяют суверенитет в качестве одного из своих приоритетов. Между государствами есть территориальные противоречия, что может привести к негативным последствиям. Усиление человеческой деятельности в регионе (в основном обусловленное изменением климата и, следовательно, растущей ролью Арктики в мировой экономике и политике) формирует напряженность, аналогичную той, которая возникла в ходе регионального стратегического противостояния во времена холодной войны;

- несмотря на то что сейчас в Арктике отношения между прибрежными государствами в значительной степени определяются сотрудничеством, существующие (украинский кризис, санкционная практика США и ЕС в отношении РФ и т.п.) и потенциальные противоречия между Россией и другими неарктическими членами НАТО могут оказать негативное влияние на стабильность и безопасность Крайнего Севера;

- растущий интерес и присутствие неарктических государств в регионе (включая КНР), которые в случае переоценки своего положения могут нарушить существующую стабильность.

Таким образом, можно предположить, что по мере потенциального роста стратегической значимости Арктического региона прибрежные государства Альянса и все союзники приступят к созданию комплексной стратегии, так как на сегодняшний день вполне очевиден рост военного присутствия НАТО в Арктике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Birdwell I. The NATO of the New North. Center for International Maritime Security. 16 May 2017. URL: <http://cimsec.org/nato-new-north/32539>.
2. Deja C. T.R. NATO's future role in the Arctic. Air Command and Staff College Air University. May 2016. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/1037210.pdf>.
3. Connolly G. E. Political Committee NATO and security in the Arctic. NATO Parliamentary Assembly. 7 October 2017. URL: <https://www.nato-pa.int/download0NATO%20AND%20SECURITY%20IN%20THE%20ARCTIC.pdf>.
4. Wheelersburg R. The NATO West Nordic Security Zone 2025. *Policy brief*. 2018;3. URL: <http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2018/06/The-NATO-West-Nordic-Security-Zone-2025-2.pdf>.
5. Houck O. Does NATO have a role in the Arctic Region? 2017. URL: https://www.academia.edu/37664532/Does_NATO_have_a_role_in_the_Arctic_Region.

6. Connolly G. E. NATO and security in the Arctic. NATO Parliamentary Assembly. 7 October 2017. URL: <https://www.nato-pa.int/download-f%20NATO%20AND%20SECURITY%20IN%20THE%20ARCTIC.pdf>.
7. Regehr E. Arctic Security. Briefing Papers. NATO's Brussels Summit and the Arctic. July 18 2018. URL: <http://www.thesimonsfoundation.ca/20Briefing%20Paper%2C%20July%2018%202018.pdf>.
8. Lute D. NATO at seventy an Alliance in crisis. Project on Europe and the Transatlantic relationship. 2019. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/NATOatSeventy.pdf>.
9. Foggo J. G. NATO and the Challenge in the North Atlantic and the Arctic. *Whitehall Papers*. 2018;1(93):121–128.
10. Gorey C. Norway claims Russia disrupted GPS during NATO Arctic war games. 19 March 2019. URL: <https://www.siliconrepublic.com/enterprise/russia-disrupt-gps-nato-arctic-war-games>.
11. Flanagan S. J. NATO's Return to the North Atlantic implications for the Defense of Northern Europe. 25 November 2018. URL: https://www.fiia.fiontent/uploads/2018/11/bp250_nato_in_the_north_atlantic.pdf.
12. Luhn A. NATO holds biggest exercises since Cold War to counter Russia's growing presence around the Arctic. *The Telegraph*. 25 October 2018. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/10/25/nato-holds-biggest-exercises-since-cold-war-counter-russia-arctic/>.
13. Thompson-Jones M. NATO's Arctic Exercise is a Good Start to Standing Up to Russian Militarization of the High North. Center for the National Interest. 6 November 2018. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/natos-arctic-exercise-good-start-standing-russian-militarization-high-north-35367>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Иванович Глотов — кандидат экономических наук, профессор, заместитель директора Федеральной службы по финансовому мониторингу, Москва, Россия
glotov@fedsfm.ru

Игорь Александрович Аржанов — студент 2-го курса магистратуры кафедры «Международные отношения», направление «Международная безопасность», Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
yatsu@flaut.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Glotov — Candidate of Economic Sciences, Professor, Deputy Director of the Federal Financial Monitoring Service, Moscow, Russia
glotov@fedsfm.ru

Igor A. Arzhanov — 2nd-year master's student, Department of International Relations, International Security, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
yatsu@flaut.ru

Статья поступила 02.07.2019; принята к публикации 02.08.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.07.2019; accepted for publication on 02.08.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-97-105

УДК 316.4(045)

«Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запятую столичная молодежь?*

О.А. Александрова^а, Е.И. Борковская^б^а Финансовый университет; ИСЭПН РАН, Москва, Россия^б Финансовый университет, Москва, Россия^а <http://orcid.org/0000-0002-9243-9242>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2853-2557>

АННОТАЦИЯ

В рамках исследований финансовой грамотности молодежь выглядит как не слишком ответственный субъект, склонный к нерациональному потреблению и не имеющий привычки долгосрочного финансового планирования. Однако социальный контекст, в котором бремя социальных расходов все более перекладывается на плечи самих граждан, требует от них финансовой дисциплины, знания финансовых инструментов, рациональных решений. В статье анализируется поведение столичной молодежи на рынке жилья. Показано, что в долгосрочной перспективе большинство ориентировано на приобретение собственного жилья. Это обусловлено нежеланием при наличии семьи зависеть от арендодателя и направлять свои средства в «чужой карман», а также восприятием собственного жилья как актива. Удовлетворение достаточно скромных запросов респондентов невозможно без обращения за финансовой помощью. В качестве кредитора чуть более половины респондентов видят банк и более трети респондентов — родственников или друзей. Почти половина участников массового опроса прямо либо косвенно сталкивались с ипотечным кредитованием, в абсолютном большинстве случаев этот опыт был «скорее положительным». В качестве варианта промежуточного решения жилищного вопроса молодежь видит аренду, основным достоинством которой является расширение мобильности. Аренда не исключена и при наличии собственного жилья, которое само в этом случае будет сдаваться в наем. Несмотря на свой оптимизм, около половины респондентов полагают, что сегодня для молодежи жилищный вопрос является трудноразрешимым. По мнению респондентов, государство могло бы помочь молодежи принятием таких мер, как контроль за обоснованностью ценообразования; субсидирование процентов по ипотеке либо выделение квот для молодых семей и дефицитных кадров; развитие сегмента арендного жилья; повышение стипендий и содействие трудоустройству выпускников с тем, чтобы молодежь как можно раньше приступала к формированию накоплений; эффективная политика регионального развития, позволяющая разгрузить столицу.

Ключевые слова: молодежь; жилая недвижимость; аренда жилья; жилищная политика; финансовая грамотность; sharing economy

Для цитирования: Александрова О.А., Борковская Е.И. «Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запятую столичная молодежь? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):97-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-97-105

ORIGINAL PAPER

“Buy or Rent”: What Do Metropolitan Youth Choose?*

О.А. Aleksandrova^а, Е.И. Borkovskaya^б^а Financial University; ISESP RAS, Moscow, Russia^б Financial University, Moscow, Russia^а <http://orcid.org/0000-0002-9243-9242>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2853-2557>

ABSTRACT

In the framework of financial literacy research, young people look like a not-too-responsible subject, prone to irrational consumption and not having the habit of long-term financial planning. However, the social context in which the burden of social spending is increasingly shifted onto the shoulders of the citizens, requires from them financial discipline, knowledge of financial instruments, and rational decisions. The article analyses the behaviour of metropolitan youth in the housing market. We showed that in the long term, the majority of young people are focused on the purchase of their own homes. It is due to the reluctance in the presence of the family to depend on the landlord and direct

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ГЗ-ПИ2 «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации» в Финансовом университете.

** The article is based on the results of research task GZ-PI2 “Institutionalization of financial literacy of the population of the Russian Federation” at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

their funds into the “other people’s pocket”, as well as the perception of their housing as an asset. Satisfying modest requests of respondents is impossible without seeking financial assistance. A little more than half of the respondents see a bank as a lender, and more than a third of respondents see relatives or friends as a lender. Nearly half of the participants in the mass survey directly or indirectly faced mortgage lending; in most cases this experience was “rather positive”. As an alternative solution to the housing problem, young people see rent, the main advantage of which is increased mobility. Rent is not excluded and in the presence of own housing, which in this case will be rented. Despite their generally optimistic attitude, about half of the respondents believe that today housing is an intractable problem for young people. According to respondents, the state could help young people by implementing such measures as monitoring the reasonableness of pricing; subsidising mortgage interest or allocating quotas for young families and scarce staff; development of rental housing; increase of scholarships and promotion of employment for graduates so that young people start forming savings as early as possible; effective regional development policy allowing to unload the capital.

Keywords: youth; residential real estate; rental housing; housing policy; financial literacy; sharing economy

For citation: Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I. “Buy or rent”: What do metropolitan youth choose? *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta* = *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):97-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-97-105

В контексте финансовой грамотности современная российская молодежь выглядит неоднозначно. С одной стороны, исследователи отмечают активность молодежи в использовании финансовых инструментов, сопряженных с информационными технологиями, — именно молодежь чаще людей других возрастных категорий использует в частной жизни безналичные расчеты (пластиковые карты), мобильный банкинг и другие приложения (https://www.minfin.ru/common/upload/.../Itogovyy_otchet_po_1.4_dlya_sayta.docx). С другой стороны, квалифицируют молодежь как не слишком финансово ответственного субъекта, склонного к спонтанным покупкам, заимствованиям в Интернете, не имеющего привычки долгосрочного планирования и т. д. (<http://nacfin.ru>). Именно поэтому молодежи в России, как и в других странах, имеющих национальные стратегии повышения финансовой грамотности населения, включена в число целевых объектов финансового просвещения (http://www.ippk.arkh-edu.ru/web_community/financial/1.%20G20_OECD_final%20RU.pdf). Тем более что, судя по нынешним тенденциям, социальный контекст, в котором ей придется жить, будет разительно отличаться от того, в котором жили старшие поколения: решение жизненно важных для индивидов и домохозяйств вопросов все сильнее зависит от наличия у них финансов и способности ими грамотно распорядиться [1]. Все более коммерциализирующиеся образование и медицина, туманное будущее государственного пенсионного обеспечения, практически отсутствующая государственная жилищная политика — все это на фоне расши-

рения неустойчивой занятости как глобальной тенденции [2] требует от индивидов и домохозяйств высокой финансовой дисциплины, хорошей ориентации в мире финансовых институтов и предлагаемых ими услуг, способности принимать ответственные и рациональные решения [3].

Одновременно с превращением государства во все более сервисное, (перекладывающее бремя социальных расходов на самих граждан), а занятости — во все более неустойчивую, получает развитие экономика совместного пользования (sharing economy)¹. Превращение «временности» в устойчивый тренд и возникшая на этом фоне так называемая «снэк»-культура (замена постоянных, устойчивых отношений на временные взаимодействия) начинают оказывать влияние на различные аспекты человеческой жизни [4]. В частности, наблюдается стремление не владеть собственностью, чтобы не взваливать на себя связанное с владением бремя [5]. Развитию экономики совместного пользования способствует все большее проникновение в современную жизнь информационных технологий (Интернета и создаваемых на его основе сервисов и платформ), в которые особенно глубоко вовлечены молодежные генерации.

¹ Термин sharing economy переводится по-разному: «экономика совместного пользования», «экономика совместного потребления», «долевая экономика», «экономика сотрудничества», «экономика участия» и т. д. — в зависимости от моделей и форм, в которых она проявляется, но ключевым принципом ее функционирования признается доступ к пользованию неким благом, но не владением им. Автор термина, Л. Лессинг, определил его как взаимодействие индивидов, одни из которых имеют активы, но не нуждаются в их использовании и готовы делиться с другими для удовлетворения потребностей последних.

Одной из жизненно важных сфер, заботящихся молодых, является жилье. Во-первых, все дальше уходит в прошлое традиция совместного проживания с родителями взрослых детей, даже тех, кто еще не завел семью, не говоря уже о семейных. Во-вторых, столица, о которой пойдет речь в данной статье, — не только главный образовательный центр, но и самый емкий в стране рынок труда, отсюда — центростремительное движение трудовых ресурсов, в первую очередь молодежи, пытающейся закрепиться в столице по окончании обучения. Как же один из ключевых жизненных вопросов — жилищный — решает сегодня столичная молодежь? Куда она ставит запятую в вынесенном в заголовок парафразе известного выражения? Иначе говоря, на что и почему она ориентирована: на покупку жилья или его долгосрочную аренду? И как это соотносится с финансовой грамотностью молодежи?

Ответы на эти вопросы были получены в рамках исследования, реализованного весной 2019 г. и посвященного изучению установок столичной молодежи в отношении арендного образа жизни (помимо жилища, затрагивался и автотранспорт) [6]. Исходной гипотезой служило предположение о том, что именно молодежь в силу, с одной стороны, ее большей мобильности и отсутствия консерватизма, а с другой — нехватки текущих доходов и накоплений, является социальной группой, в большей мере, нежели старшее поколение, готовой воспринять арендный образ жизни, а также модель совместного потребления. И, тем более, этого можно ожидать от молодежи в столице — с ее темпом и стоимостью жизни, включая стоимость жилья. Так, к началу 2019 г. коэффициент доступности жилья² в столице (не учитывая территорию новой Москвы) составил 9,4 года (<https://lenta.ru/news/2019/03/28/unaffordable>). По международным меркам срок свыше 5 лет говорит о наличии очень серьезных барьеров на пути приобретения собственного жилья [7], в Москве же он превышен почти вдвое.

² Определяется отношением среднерыночной цены стандартной двухкомнатной квартиры площадью около 54 кв.м к годовому доходу семьи из 3 человек со среднедушевым уровнем доходов, или, иначе говоря, количеством лет, в течение которых домохозяйство должно аккумулировать доходы, не осуществляя трат, чтобы приобрести стандартную двухкомнатную квартиру на первичном или вторичном рынке жилья.

В ходе исследования, проходившего в два этапа, использовались как количественный, так и качественный методы социологического исследования. Первый этап представлял собой анкетный опрос студентов Финансового университета при Правительстве РФ и сотрудников компании «Ингосстрах» в возрасте от 18 до 30 лет, и в части, касающейся жилищной сферы, был призван выявить текущую жилищную обеспеченность респондентов; уровень притязаний (включая срок, в который они надеются решить свои жилищные проблемы) и установки в отношении способов решения жилищного вопроса (в том числе изучался имеющийся в окружении респондента опыт привлечения займа на приобретение жилья); а также выявить представления респондентов о факторах, определяющих нынешний уровень цен на покупку и аренду столичного жилья, и меры, которыми государство может облегчить для молодежи решение жилищного вопроса. В начале анкеты респондентам предлагалось в целом оценить тенденции, касающиеся отношения общества к решению жизненно важных бытовых вопросов посредством аренды. Всего в опросе приняли участие 240 человек: небольшой перевес имели женщины (58%), а также респонденты в возрасте 26–30 лет, т.е. в том возрасте, когда молодежь уже, как правило, имеет собственный доход и задумывается о создании семьи либо уже обрела ее; около трети участников родились в Москве, остальные прибыли в столицу из Московской области (19%) и других регионов (47%). Четверть попавших в выборку респондентов находятся в зарегистрированном браке и еще 22% — в так называемом гражданском, остальные холосты/не замужем; у пятой части респондентов есть дети. Свыше 50% респондентов работают и чуть менее четверти совмещают работу и учебу, 18% только учатся. Порядка 80% респондентов самоидентифицировали себя как среднеобеспеченных, однако при оценке уровня жизни по шкале, используемой ВЦИОМ, обнаружилось, что если для 38% респондентов затруднительны только серьезные приобретения вроде автомобиля и т.п., то половина опрошенных без проблем может купить лишь мелкую бытовую технику.

Результаты опроса учитывались на втором этапе исследования при разработке гайда для серии фокус-групповых интервью, призванных более детально обсудить жилищную проблематику, а также некоторые, проявившиеся

в ходе анкетирования тенденции (всего было проведено 4 фокус-группы с равным представительством юношей и девушек).

Итак, что же показало исследование? На момент опроса 53% участников массового опроса обитали в собственном жилье (самостоятельно или с родственниками), чуть более трети снимали жилье и еще 14% жили в университетском общежитии. Четверть опрошенных проживали с родителями и/или другими родственниками, 19% — со своим молодым человеком/девушкой и по 14% — с мужем/женой либо с друзьями или другими квартиросъемщиками. Из тех, кто сегодня проживает с родителями, более половины планируют приобрести собственное жилье, и совместное проживание позволяет им копить средства («Если брать на квартиру в долг, то там большая сумма — быстро и просто не вернешь... я лучше у родителей поживу год-другой, накоплю...»³); 22% — думают о переезде от родителей на съемное жилье («Я живу с мамой, меня это никак не напрягает, ее вроде бы тоже. Как только я захочу жить с избранницей, то перееду на съемную квартиру»). Для 13% — проживание с родителями вполне приемлемый вариант («Все одноклассники-москвичи поголовно живут с родителями, их это устраивает на данный момент»), для 8%, напротив, — исключительно вынужденная мера («Москвичи не хотят жить с родителями»). Из тех, кто планирует переезд от родителей, около половины надеются сделать это в течение 1–3 лет, каждый четвертый — 3–5 лет и 14% — в срок свыше 5 лет; рассчитывают на переезд в текущем году 16% участников опроса. При этом называемые сроки обусловлены самыми разными причинами: необходимостью накопления на первый взнос в ипотеку или завершения выплаты текущих кредитов; окончанием вуза; поиском новой работы или ожиданием повышения на текущей; окончанием строительства или ремонта в собственной квартире; предстоящим замужеством, выходом из декретного отпуска и т.д.

Что касается уровня притязаний, то среди участников анкетного опроса 16% назвали желательным вариантом однокомнатную квартиру, 35% — двухкомнатную, 18% — трехкомнатную и 6% — квартиру из 4 и более комнат; 7% респондентов хотели бы жить в таунхаусе,

а 19% — в собственном доме. Таким образом, несмотря на содержащееся в анкете предложение при ответе на этот вопрос абстрагироваться от своих сегодняшних финансовых возможностей, около половины респондентов выбрали вполне реалистичный, с точки зрения запросов, вариант. Умеренность запросов (при том же допущении об отсутствии финансовых ограничений) проявилась и в ходе фокус-групп: «У меня — доставшаяся от родителей трехкомнатная квартира. Но мне было бы достаточно и однокомнатной»; «Даже студия для первого времени была бы хороша»; «У меня довольно большая студия, но если ее в 2 раза уменьшить, то и это было бы хорошо. Что нужно, если ты живешь один? Кровать, ТВ, компьютер»; «Сейчас достаточно однокомнатной или студии». Хотя были и исключения, характеризующие «предел мечтаний» участников фокус-групп: «Двушка в пределах Садового кольца», «Двушка в новом доме на Патриарших прудах», «Квартира в центре»; «Если забыть про финансовые возможности, то идеально — это трехкомнатная квартира в Москве и дом за городом».

Также, не принимая во внимание их сегодняшние финансовые возможности, участникам анкетного опроса было предложено указать предпочтительный способ решения жилищного вопроса. Лидером оказалась покупка собственного жилья (81%), следом с большим отрывом идет самостоятельная аренда жилья (10%). Покупка жилья совместно с друзьями или родственниками, как и совместная аренда жилья, набрали не более 1–6% голосов. Говорит ли это о том, что идеи sharing economy не близки молодым жителям Москвы? Судя по высказываниям участников фокус-групп, не совсем так: покупка собственного жилья рассматривается молодежью как приобретение актива, который никак не препятствует аренде, предоставляющей возможности для большей мобильности («Собственное жилье не всегда исключает аренду. Например, я готов сначала купить что-то и таким образом закрыть жилищный вопрос на будущее, но жить в купленной квартире не буду, а буду снимать что-то с девушкой, получая доход от сдачи своей квартиры»; «Я не привязан к своей собственности, мне ничего не мешает сдавать личную квартиру и одновременно жить в съемной»; «Я выбрала вариант „купить“, но это не значит, что я отказываюсь арендовать. Фундаментально жилищный вопрос нужно ре-

³ Здесь и далее курсивом даны высказывания на соответствующую тему участников фокус-групповых интервью.

шать покупкой жилья. Но это можно отложить лет до 30, а пока — арендовать, меняя работу и оценивая новые районы»).

Важно заметить, что актив в виде собственного жилья имеет не только экономический, но и важный социально-демографический смысл. Так, на вопрос, является ли наличие собственного жилья необходимым условием для создания семьи, положительно ответили 79% участников массового опроса (39% выбрали вариант «да» и 40% «скорее, да»); однозначно отрицают это только 6% респондентов. Большинство участников фокус-групп высказывались в том же духе («Свое жилье — это гарантия надежности, которая важна при создании семьи»; «Семью без наличия собственной недвижимости я заводил бы не стал», «Обязательным условием не считаю, но в отдаленной перспективе хотелось бы с детьми жить уже в собственном доме или квартире», «Пока я еще не определилась, что у меня будет в будущем (может, я перееду в другой город) и не нашла спутника жизни, проще использовать аренду. А в дальнейшем, считаю, что семья должна жить в своей квартире»), хотя звучали и иные мнения («Если я решу создать семью, для меня это не будет отталкивающим фактором: нет сейчас — появится потом»; «Есть жилье — хорошо, нет жилья — для адекватных людей вряд ли это повод не создавать ячейку общества (если, конечно, кто-то не считает брак способом решения своего жилищного вопроса)»).

Что касается прогноза относительно сроков реализации обозначенных респондентами планов, то у 15% уже есть собственное жилье, примерно равные доли (18–19%) респондентов рассчитывают приобрести его в ближайшие 1–3 года либо 3–5 лет, и каждый четвертый участник (27%) — в течение 5–10 лет. Более 10 лет потребует каждому десятому респонденту, еще 4% вообще не видят для себя такой возможности. Для большинства участников фокус-групп сроки обретения собственного жилья пока туманны и видятся, скорее, отдаленными: «Сейчас, когда я работаю на своей первой работе со стартовой зарплатой, мне кажется, что это очень дорого, очень труднодоступно. Даже представить не могу, сколько времени потребуется, чтобы накопить полностью или хотя бы на взнос по ипотеке. Надеюсь на развитие карьеры — тогда будет понятнее про сроки. Но многое зависит еще и от уровня доходов семьи,

в которой ты родился или в которую пришел благодаря браку».

Сроки приобретения собственного жилья определяются соотношением его стоимости и текущих доходов, а также наличием накоплений. Соотнесение с уровнем среднемесячного дохода домохозяйства показало, что срок до 1 года называли респонденты с совокупными доходами от 100 тыс. до 200 тыс. руб. (респондентов с такими доходами в выборке оказалось 3,6%), часть респондентов из домохозяйств с такими же доходами называли срок 1–3 года. На этот же срок рассчитывает и часть респондентов с совокупным доходом домохозяйства в 60–80 тыс. рублей.

Что же касается стоимости жилья, то более половины опрошенных (51%) оценили жилую недвижимость в Москве как «очень дорогую» (несопоставимо более дорогую, чем где бы то ни было в России, при этом, судя по комментариям, ссылка на то, что в других городах и зарплаты ниже, не кажется этим респондентам адекватной), накопить на которую людям даже со стабильным и довольно высоким доходом практически невозможно. Чуть менее половины респондентов (43%) охарактеризовали столичную жилую недвижимость как «дорогую», что, как они писали в своих комментариях, определяется столичным уровнем и качеством жизни (развитостью рынка труда, транспортной инфраструктуры, в целом благоустройством города и т.д.), оказывающим непосредственное влияние на спрос на жилье. Те же 6% респондентов, кто выбрал вариант «приемлемая», пояснили свою позицию тем, что, несмотря на цены, ежегодно в Москве тысячи людей с разным уровнем дохода приобретают жилье. Как бы то ни было, общим для всех респондентов является представление о том, что сложившийся уровень цен на жилье обусловлен возможностями, которые предоставляет столица и которые, собственно, и детерминируют высокий уровень спроса.

Дороговизна столичной жилой недвижимости такова, что только 6% участников анкетного опроса могут приобрести жилье без обращения к заемным средствам («Мы похожи на миллионеров?»; «Если речь о Москве, то звучит нереально, разве что если у кого-то случился бешеный карьерный рост»; «Это должен быть уникальный случай — когда человеку повезло уже на ранних стадиях и с работой, и с поддержкой — не от родителей, а от партнера, друга и т.д.»),

подавляющему же большинству потребуется финансовая помощь. За недостающими средствами участники массового опроса прежде всего обратятся в банк (54% респондентов). Основные причины обращения в кредитное учреждение: отсутствие состоятельной родни или знакомых (*«Не у всех есть подходящие кандидаты для обращения за займом среди друзей или родственников»*); нежелание становиться обязанным родне (*«Банк деньги даст, ты обратно с процентами выплатишь, и никаких более отношений и взаимных друг к другу требований нет. А если ты пошел за помощью к родне, то нужно быть готовым к тому, что придет время «услуги за услугу», а быть обязанным совсем не хочется. Поэтому сначала банк, а потом, при совсем плохих предложениях или отказе — родственники»*), необходимость формализации отношений с близкими людьми в случае крупного займа (*«Если речь идет о крупной сумме, то даже с родственниками уже как-то хочется узаконить отношения, и это определенным образом сковывает»*). Более трети респондентов (36,1%) обратятся к друзьям или родственникам, поскольку опасаются брать кредит в банке (*«Совершенно не хочу обращаться в банк — пугают меня эти связи. На депозит в надежный банк деньги под процент, может быть, положил и копил бы. Возможно, если бы вопрос требовал более скорого разрешения, обратился бы к родителям»*), считают условия заимствования у близких людей более выгодными, особенно когда речь идет об относительно не крупных суммах (*«К родственникам очень выгодно обратиться, не когда хватает половины суммы или более, а совсем немного. Или когда решается вопрос о том, какой будет оплата — единовременная или нет»*; *«Прежде всего обращусь к родственникам: банк ничего привлекательного не предложит, а они, думаю, поспособствуют»*). Еще 8% респондентов рассчитывают на финансовую помощь работодателя (в случае, когда им выступает государство). Суммы, которые участники анкетного опроса готовы привлечь в виде займа для приобретения жилья, варьируются от 500 тыс. до 5 млн руб. и более. В основном это займы в пределах 1–2 млн (указали 21% респондентов) и 2–3 млн руб. (27%), 16% готовы занять суммы в пределах до 1 млн а 27% — 3 млн руб. и более.

Почти половина участников массового опроса (46%) прямо — в рамках своей семьи, либо косвенно — через опыт близких людей, стал-

кивались с ипотечным кредитованием. В абсолютном большинстве случаев (указали 84% соответствующих респондентов) этот опыт был «скорее, положительным», поскольку, как поясняли респонденты, без ипотечного кредита приобретение жилья было неосуществимой задачей. Те же, кто оценил опыт участия в ипотеке как «скорее, негативный», объясняли свою оценку слишком высокой ставкой процента, вынуждавшей взявших ипотеку долгое время ограничивать себя в потреблении. Некоторые не склонны ввязываться в ипотеку в связи с неуверенностью в прочности будущего брака: *«На совместную покупку вряд ли пошел бы, особенно с использованием ипотеки — это может казаться глупым, но платить оставшуюся ипотеку потом будет кто-то один...»*.

Как уже говорилось, альтернативой приобретению собственного жилья является его долгосрочная аренда. В случае с арендой 55% респондентов оценили уровень цен как высокий, очень высокой стоимость аренды сочли 26%, каждому пятому она видится приемлемой. Основным преимуществом аренды является возможность менять квартиру вместе с местом работы (28% ответивших) и вообще не быть привязанным к конкретному району (27%). По 19% респондентов указали на такие плюсы аренды, как более простой способ улучшения (в том числе расширения) жилищных условий и в целом более легкое расставание с конкретным жильем при тех или иных вынуждающих обстоятельствах. Достоинствам аренды, состоящим прежде всего в расширении мобильности арендатора, противостоят недостатки, среди которых в первую очередь отмечались отсутствие (иногда) возможности обустроить арендуемую жилплощадь на свой вкус (49,2% указавших), нежелание регулярно платить «в чужой карман» (47,6%), а также вновь артикулируемая принципиальная убежденность в необходимости иметь собственное жилье (48,4%). Треть респондентов указали на трудности аренды жилья при наличии домашних животных, а также детей, хотя последнее — уже не проблема (*«Я много лет снимаю жилье и общаюсь с риелторами: с животным тяжелее снимать квартиру, нежели с детьми — сегодня это уже не вызывает затруднений»*), и каждого четвертого беспокоит возможность неожиданного расторжения договора аренды, а также необходимости переезда в случае резкого подъема арендной платы на

фоне волатильности рыночных цен (просто хлопотность переездов тяготит 13% участников массового опроса).

Таким образом, большинство как участников массового опроса, так и фокус-групповых интервью нацелены на приобретение собственного жилья, которое для многих выступает в качестве одного из важных условий для создания семьи. Кроме прочего, свое жилье рассматривается молодежью (и не только ею⁴) как надежный актив. И можно предположить, что такие установки распространены не только среди столичной молодежи. При этом 46% наших респондентов указали на то, что сегодня для молодежи в целом жилищный вопрос является трудноразрешимым (46%) или даже совсем неразрешимым (4%). Решаемым, хотя и не без проблем, его считают 44% участников массового опроса; вполне разрешимым он видится только 6% опрошенных. Очевидно, что в условиях, когда собственных средств для покупки жилой недвижимости у абсолютного большинства молодых россиян недостаточно, а обращение за займом по тем или иным причинам (включая недоверие кредитным учреждениям) затруднено, субъектом, который должен придти на помощь молодежи (в том числе как своему главному демографическому ресурсу) является государство. Классификация ответов респондентов на открытый вопрос, посвященный мерам, которые могло бы использовать государство, говорит о том, что столичная молодежь полагает таковыми: контроль государства за ценообразованием на рынке жилой недвижимости (в части его обоснованности); субсидирование процентов по ипотечному кредитованию или реализацию госпрограмм (выделение квот) для определенных социальных групп, например, молодых семей (*«За рождение второго ребенка дают деньги, за третьего, вроде бы, дают землю. Если бы за первого давали льготный процент по ипотеке, это было бы привлекательно»*); *«Взамен мы можем предложить брачность и деторождение. Не знаю, насколько это верно с точки зрения ценностей, но такие условия понятны народу»*; *«Молодым семьям доступное жилье*

может даваться в обмен на штамп — думаю, подействует»). Кроме того, указывалось на необходимость повышения стипендий до более адекватного размера, а также содействие трудоустройству выпускников — с тем, чтобы молодежь как можно раньше могла начинать формировать накопления.

Еще одна мера — строительство государственного жилищного фонда, который может использоваться для аренды, а также для социального найма определенными слоями населения. Некоторые респонденты мыслят еще более масштабно, сопрягая решение жилищной проблемы с политикой регионального развития (*«Государство может развивать другие города, делать их привлекательными для молодежи, тем самым разгружая столицу»*), а также кадрового обеспечения приоритетных или испытывающих дефицит кадров отраслей (*«Закрывать „дыры“ недостающих специалистов в разных отраслях, предлагая им взамен льготы или само жилье»*; *«Я бы предложила пониженный процент на покупку именно первого жилья, а также рассрочку для каких-то ценных молодых кадров, например, занятых в науке или еще в каких-то сферах»*). При этом участники фокус-групп подчеркивали, что, поскольку помощь от работодателя предполагает взаимность обязательств, ее принятие требует учета всего набора условий. Стоит заметить, что, судя по комментариям респондентов к открытым вопросам анкеты, а также высказываниям участников фокус-групповых интервью, понятного взаимовыгодного решения жилищного вопроса молодежь ждет, скорее, от работодателя в лице бизнеса, нежели государства. Притом, что последнее располагает гораздо большими ресурсами, а главное — не может не понимать, что адекватная жилищная политика позволяет решить целый ряд задач стратегического характера.

Итак, если говорить о долгосрочной перспективе, в вынесенном в заголовок парафразе столичная молодежь пока что ставит запятую после слова «купить». Причина тому, с одной стороны, — нежелание оказываться в зависимости от арендодателя (особенно при наличии семьи) и долгосрочно направлять немалые средства в «чужой карман», а с другой — желание иметь собственный актив, способный приносить доход. Однако если говорить о дне сегодняшнем, то дороговизна столичной жилой недвижимости и в то же время стремление

⁴ Как показало исследование инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения, недвижимость рассматривается представителями соответствующих домохозяйств как рациональный способ вложения накоплений и в том числе источник рентных доходов в старости [8].

современной молодежи к самостоятельному проживанию и свободе перемещений как на рынке труда, так и в городском ландшафте, сдвигают запятую вправо — ставя акцент на слове «арендовать». Это дополнительно актуализирует давно пропагандируемую специалистами задачу развития сектора муниципальной аренды для определенных категорий граждан (на основе создания бездотационных домов), а также значительное расширение рынка коммерческой аренды и его надлежащую регламентацию [9]. Сегодня жилье сдается, как правило, непосредственными собственниками и в основном нелегально. В то же время,

как показывают исследования, долгосрочная аренда стала бы более привлекательной при заключении официального договора, гарантирующего неизменность срока аренды и цены либо фиксирующего четкие и понятные принципы ее изменения не чаще раза в год. Следует заметить, что развитие сегмента доступного и цивилизованного арендного жилья способствовало бы сокращению спроса на жилую недвижимость и, как следствие, снижению цен на нее. В этом случае и слово «нельзя» в обиходном парафразе звучало бы не столь категорично, причем как в отношении «купить», так и применительно к «арендовать».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Santos A. Cultivating the self-reliant and responsible individual: the material culture of financial literacy. *New Political Economy*, November 2016. URL: <https://estudogeral.uc.pt/bitstream/10316/36310/1/Cultivating%20the%20self%20reliant%20and%20responsible%20individual%20the%20material%20culture%20of%20financial%20literacy.pdf>.
2. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения. *Народонаселение*. 2019;(2):91–103.
3. Arthur C. Financial Literacy Education Neoliberalism, the Consumer and the Citizen. URL: https://www.researchgate.net/publication/271206480_Financial_Literacy_Education_Neoliberalism_the_Consumer_and_the_Citizen.
4. Маркеева А.В. Экономика участия (sharing economy): проблемы и перспективы развития. *Инновации*. 2017;(8):73–80.
5. Головецкий Н.Я., Гребеник В.В. Фундаментальные основы экономики совместного потребления. *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2017;4(23):21–26.
6. Борковская Е.И. Столичная молодежь как арендаторы благополучия. Форсайт образования: академические свободы VS аккредитационные ограничения: сб. науч. материалов по результатам конференции. Казань: Отечество; 2019. С. 113–120.
7. Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М. Социально-экономические проблемы обеспечения населения жильем. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-problemy-obespecheniya-naseleniya-zhiliem>.
8. Александрова О.А., Ярашева А.В. Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016;1(43):122–137.
9. Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М. Современные проблемы развития арендного жилья. *Народонаселение*. 2016;(4):94–103.

REFERENCES

1. Santos A. Cultivating the self-reliant and responsible individual: the material culture of financial literacy. *New Political Economy*; 2016. URL: <https://estudogeral.uc.pt/bitstream/10316/36310/1/Cultivating%20the%20self%20reliant%20and%20responsible%20individual%20the%20material%20culture%20of%20financial%20literacy.pdf>. (accessed on 02.05.2019).
2. Bobkov V. N. Unsustainable employment in the Russian Federation: State and areas of decline. *Narodonaselenie*. 2019;2:91–103. (In Russ.).
3. Arthur C. Financial Literacy Education Neoliberalism, the Consumer and the Citizen. URL: https://www.researchgate.net/publication/271206480_Financial_Literacy_Education_Neoliberalism_the_Consumer_and_the_Citizen (accessed on 02.05.2019).

4. Markeeva A. V. The economy of participation (sharing economy): Problems and prospects of development. *Innovacii*. 2017;8:73–80. (In Russ.).
5. Golovetsky N.Ya., Grebenik V. V. Fundamental foundations of the economy of joint consumption. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*. 2017;4(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-osnovy-ekonomiki-sovmestnogo-potrebleniya> (accessed on 22.04.2019). (In Russ.).
6. Borkovskaya E. I. Metropolitan youth as tenants of well-being. Forsajt obrazovaniya: akademicheskie svobody i akkreditacionnye ogranicheniya. *Sbornik nauchnykh materialov po rezul'tatam konferencii*. Kazan': Otechestvo; 2019:113–120. (In Russ.).
7. Nozdrina N. N., Schneiderman I. M. Socio-economic problems of providing the population with housing. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-problemy-obespecheniya-naseleniya-zhiliem> (accessed on 22.04.2019). (In Russ.).
8. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Transformation of the investment and savings behaviour of high-income groups in times of crisis. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2016;1(43):122–137. (In Russ.).
9. Nozdrina N. N., Schneiderman I. M. Modern problems of rental housing development. *Narodonaselenie*. 2016;4:94–103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Аркадьевна Александрова — доктор экономических наук, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет; заместитель директора по научной работе ИСЭПН РАН, Москва, Россия
a762rab@mail.ru

Екатерина Игоревна Борковская — магистрант факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
katrin_borkovskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Aleksandrova — Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University; Deputy Director for Research, ISESP RAS, Moscow, Russia
a762rab@mail.ru

Ekaterina I. Borkovskaya — The graduate student of the Faculty of Sociology and Political Science at the Financial University, Moscow, Russia
katrin_borkovskaya@mail.ru

Статья поступила 28.07.2019; принята к публикации 12.08.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 28.07.2019; accepted for publication on 12.08.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-106-112

УДК 314.7(045)

Перспективы инвестиционной миграции в России как фактор предупреждения социальных и экономических рисков и угроз*

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможности инвестиционной и бизнес-миграции в Российской Федерации в контексте опыта зарубежных стран. Инвестиционная миграция трактуется как совокупность затрат материальных, трудовых и денежных ресурсов юридических и/или физических иностранных лиц, легитимно и добровольно перемещаемых в страну-реципиент, направленных на расширенное воспроизводство основных фондов всех отраслей принимающей экономики. В этой связи анализируется механизм регулирования экономической миграции в России. Внимание уделено новациям миграционного права и государственно-политическим задачам российской миграционной политики. Инвестиционная миграция физических лиц стимулируется в современных государствах-реципиентах преференциями в оформлении разрешения на временное проживание, вида на жительство, получения гражданства. Юридические лица, инвестирующие за рубеж, поощряются налоговыми, кредитными преференциями, банковскими программами, благоприятными экономическими условиями, правовыми режимами, снижением административных барьеров. Каждая страна-реципиент стремится создать выгодные условия для иностранных инвестиций в приоритетные сферы экономики и социального развития [1]. В современных условиях наиболее популярные направления инвестиционной миграции — Австралия, Великобритания, Канада, США. Российская Федерация как один из основных современных реципиентов ставит перед собой стратегическую задачу создания эффективной модели экономической миграции, с которой непосредственно сопряжена трудовая и инвестиционная миграция.

Ключевые слова: инвестиции; миграция; предпринимательство; экономика; правовой режим; преференции

Для цитирования: Галас М.Л. Перспективы инвестиционной миграции в России как фактор предупреждения социальных и экономических рисков и угроз. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):106-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-106-112

ORIGINAL PAPER

Prospects of Investment Migration in Russia as a Preventive Factor of Social and Economic Risks and Threats**

M.L. Galas

Financial University,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

This article discusses investment opportunities and business migration in the Russian Federation in the context of the experience of foreign countries. The author treated investment migration as an aggregate of the cost of materials, labour and money in artificial body and/or natural foreign persons, legitimate and free-roaming in the recipient country, aimed at expanded reproduction, fixed assets of all branches of the host economy. In this regard, analyses the mechanism of regulation of economic migration in Russia. Attention is paid to the innovations of migration law and public policy objectives of the Russian migration policy. Investment migration of individuals is stimulated by the recipient in modern

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету 2019 г.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University 2019.

states preferences in obtaining a temporary residence permit, residence permit or citizenship. Legal entity investing abroad, encouraged by the tax, credit preferences, banking programs, favourable economic conditions, legal regimes, the reduction of administrative barriers. Each recipient country strives to create favourable conditions for foreign investment in the priority areas of economic and social development. Each recipient country seeks to create favourable conditions for foreign investment in the priority areas of economic and social development. The Russian Federation, as one of the leading contemporary recipients, poses a strategic task of creating an effective model of economic migration, which directly involves labour and migration investment.

Keywords: investment; migration; entrepreneurship; economics; legal regime; preferences

For citation: Galas M.L. Prospects of investment migration in Russia as a preventive factor of social and economic risks and threats. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta* = *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):106-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-106-112

Иностранный экономический компонент всегда взаимосвязан с глобальными процессами и может, с одной стороны, способствовать росту ВВП государств-реципиентов, а с другой — дестабилизировать внутренние рынки, отраслевую структуру, соотношение интересов страт гражданского общества. Принимающему государству важно построить миграционную экономическую политику таким образом, чтобы минимизировать риски, угрозы, опасности для национальных интересов [2, с. 70–78].

Субъекты Российской Федерации получили право регулировать численность прибывающих на их территорию мигрантов, дополнять бюджеты регионов за счет платы за приобретение иностранными гражданами патентов. Вместе с тем есть серьезные проблемы, связанные с осуществлением легитимной экономической и трудовой деятельности. В ряде регионов стоимость патентов высока, соответственно создается риск перехода иностранных работников в теневую сферу экономической деятельности. Недифференцированность условий проведения комплексного экзамена для иностранных граждан в соответствии с уровнем образования, квалификацией, специальностью, сферой занятости и целью, видом трудовой и/или экономической деятельности, а также формализм проведения такого экзамена провоцируют риск устойчивости формализованного подхода к регулированию внешней экономической миграции.

Перспективным механизмом регулирования экономических миграционных процессов в современной России является не имеющий аналогов в мире организованный набор иностранных граждан с учетом макроэкономических задач, отраслевой структуры, состояния основных рынков, уровня развития и потребностей регионов. Ключевым звеном организованного набора должна стать предварительная профессиональ-

ная, квалификационная и общеобразовательная довыездная подготовка внешних экономических мигрантов в странах происхождения. Началом легитимации механизма организованного набора стал двусторонний договор Российской Федерации и Таджикистана.

В отношении граждан государств — членов ЕАЭС не применяются ограничения, установленные национальными законодательствами в целях защиты своих рынков труда, отменены квотирование и обязательные разрешительные документы на осуществление трудовой деятельности. Развиваются онлайн-платформы, предоставляющие этим преференциальным категориям мигрантов возможность получать государственные электронные услуги на всем пространстве Европейского союза. Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК), изучив опыт Евросоюза, инициирует проект соглашения об особом статусе трудящегося ЕАЭС.

Наряду с прямыми инвестициями и банковско-кредитным пакетом инвестиций целесообразно задействовать инвестиционный потенциал иностранных работников на территории государства трудоустройства. В этих целях предлагается:

1. Провести количественную и качественную оценку денежных переводов трудящихся иностранных граждан.
2. Проанализировать степень влияния глобализации на инвестиции.
3. Сопоставить денежные переводы внешних трудовых мигрантов и потоки капиталов в форме иностранных инвестиций.
4. Изучить текущие трансферы как составляющую ВВП, а движение капиталов — как источник ВВП и финансирования.

Наблюдается влияние инвестиционного климата в принимающем государстве на переводы трудящихся иностранных граждан. Показательны такие характеристики, как целеполагание пере-

водов внешних трудовых мигрантов и специфика регионального инвестиционного климата. Важно создать правовые условия для инвестирования денежных средств трудящихся иностранных граждан в экономику, социальную, культурно-просветительную и образовательную сферы. Для стимулирования трудовых инвестиций могут быть использованы государственные программы, подпрограммы.

В России недооценен инструмент инвестирования денежных переводов трудящихся иностранных граждан в малый семейный бизнес по схеме самозанятости. Потоки переводов трудящихся иностранных граждан необходимо направлять на развитие экономики страны трудоустройства посредством разработки и запуска специальных банковских программ и создания условий для сохранения вкладов внешних трудовых мигрантов в принимающей стране [3].

Специальные банковские программы для трудящихся иностранных граждан успешно функционируют в Шри-Ланке, Таиланде, Китайской Народной Республике, на Филиппинах и др. Заслуживает внимания механизм доступа трудовых миграционных инвестиций к рынкам ссудного капитала в США и Мексике.

Следует отметить, что в принимающих странах ряд отраслей экономики ориентирован на развитие потребностей регулярно пребывающих иностранных граждан. К ним относятся туризм; здравоохранение; транспорт; телекоммуникации; производство товаров потребления, быта, религиозно-конфессионального культа; пищевая промышленность; аграрная сфера; создание произведений культуры и интеллектуальной деятельности и пр. Иностранные граждане, пребывающие в стране-реципиенте, формируют спрос на экспорт товаров и услуг из стран их происхождения. Высококвалифицированные иммигранты ориентированы на вклады рискованных капиталов в экономику стран-реципиентов (в высокотехнологичные компании, научно-образовательные, транспортные хабы и др.) [4, с. 18–78].

Трудящихся иностранных граждан, инвестирующих в экспортно ориентированные отрасли, предлагается на определенный срок освободить от уплаты пошлин на импорт сырья и оборудования, предусмотреть и законодательно закрепить за ними налоговые преференции, страховое возмещение возможных рисков. В мировую практику вошел институт инвестиционных консультационных служб, учреждаемых правительствами

стран пребывания и стран происхождения. За рубежом показали свою эффективность миграционные фонды и их объединения, социально ориентированные некоммерческие организации, производственные кооперативы. Весомый вклад в инвестиционные программы вносят транснациональные организации с участием внешних мигрантов. Такие корпорации благоприятствуют развитию регионов, но, с другой стороны, создают риски влияния на властные структуры и формирования параллельных теневых схем управления.

Российская Федерация могла бы применить свой исторический опыт периода НЭПа по привлечению миграционных инвестиций, в том числе соотечественников, проживающих за рубежом. Опыт этого этапа экономической отечественной политики был изучен и применен в современной народнохозяйственной модели Китайской Народной Республики [5].

Признано, что фактором экономических достижений КНР является привлечение иностранных инвестиций. Государство позволяет инвесторам осуществлять капиталовложения на территории страны в разрешенных законом формах, обязывая их согласовывать сферы вложений, виды экономической деятельности, объем производства, темпы роста, экспортно-импортную политику, ценообразование, банковские операции с народнохозяйственным и региональными планами, национальными приоритетами. Государство обязывает инвесторов закупать сырье, топливо, комплектующие и пр. преимущественно в Китае. Налоговые преференции стимулируют иностранных инвесторов к сбыту продукции за пределами Китая, в том числе посредством китайских внешнеторговых организаций на комиссионных началах. Инвесторам разрешено в интересах национальной экономики учреждать филиалы китайских компаний за пределами страны. Государство поощряет применение предприятий иностранного капитала и инновационных технологий.

Показательно, что в 2000-е гг. мировой ежегодный приток иностранного капитала в КНР составлял 6–8%, превысив показатели многих стран Европы. На конец 2017 г. по объему долларовых накопленных прямых инвестиций (1,51 трлн долл.) КНР занимал 6-е место в мире.

Но страны-реципиенты рискуют попасть в китайские «долговые ловушки» с угрозой утраты предприятий, связанных кредитов, обязательств нанимать китайских работников, приобретать

Таблица 1 / Table 1

Прямые инвестиции в Российскую Федерацию по странам за 2008–2018 гг. (по данным платежного баланса РФ – сальдо операций), млн долл. США всего по странам / Total direct investments in the Russian Federation by the country for 2008–2018 (according to the balance of payments of the Russian Federation – balance of operations). In millions of USA dollars.

	Годы										
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	74 783	36 583	43 168	55 084	50 588	69 219	22 031	6853	32 539	28 557	8816
Страны СНГ	265	398	154	449	776	882	476	602	522	114	186
Страны дальнего зарубежья	74 518	36 186	43 013	54 634	49 812	68 337	21 556	6251	32 017	28 444	8630

Источник / Source: Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/Central Bank of the Russian Federation. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs.

оборудование и средства производства из КНР и пр. В сфере инвестиционного сотрудничества Российской Федерации и КНР заметен дисбаланс: китайские инвестиции в экономику России примерно в 10 раз превосходят российские инвестиции в экономику Китая. Созданы институты, регулирующие инвестиционные проекты России и Китая: Межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству, Российско-Китайский инвестиционный фонд (капитал около 4 млрд долл.). В рамках инвестиционного сотрудничества разрабатывается до 70 проектов, а около 20 — реализуются.

В Российской Федерации не разработан эффективный механизм кредитования крупных совместных проектов, нет источников финансирования, кроме бюджетных. В этой связи проекты на паритетных основах не работают должным образом: в отличие от КНР, которая активно реализует свою часть проектов, Россия пока отстает, поскольку как раз отсутствуют иные (кроме бюджета) источники финансирования.

Развитие рынка инвестиционной миграции на современном этапе должно стать одним приоритетных направлений государственной миграционной политики России, сферой международного сотрудничества. Акцент в этом направлении рекомендуется сделать на регулировании форм и объемов рынка миграционных инвестиций. Очевидна регулятивная роль налогово-финансовых инструментов. Необходимо разработать правовую систему регулирования инвестиционной миграции. Федеральное законодательство не предусматривает специального стимулирую-

ющего режима получения визы иностранным гражданином, являющимся представителем или работником крупной иностранной компании (по устанавливаемым Правительством Российской Федерации показателям финансово-экономической деятельности), инвестирующим в российскую экономику¹. Не дифференцирован правовой статус иностранных граждан и их групп, въезжающих на территорию Российской Федерации в целях ведения предпринимательской, инвестиционной деятельности. На данный момент законодатель расширил лишь перечень оснований для выдачи визы. Прямое толкование Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ (п. 8 ст. 25) показывает, что законодатель не регулирует статус инвесторов — физических лиц, а рассматривает статус только инвесторов — юридических лиц, представители которых намерены посетить Российскую Федерацию как работники по найму.

Для иностранных инвесторов в России установлен национальный правовой режим², за

¹ Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

² Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Федеральный закон от 01.05.2019 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с подготовкой и проведением чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года».

исключением случаев ограничений для защиты конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения безопасности государства.

Тем не менее, по данным Центробанка, прямые иностранные инвестиции в экономику России за период с 2008 по 2018 г. сократились до минимального показателя (*табл. 1*). Основными инструментами инвестирования являлись участие в капиталах, реинвестирование доходов, долговые инструменты.

По странам СНГ основными инвесторами за период 2008–2018 гг. являлись Азербайджан, Беларусь, Казахстан, а в 2012 и 2013 гг. основным инвестором выступила Украина. Как видно из *табл. 1*, лидировали в инвестировании страны дальнего зарубежья. Среди этой группы стран-инвесторов доминировали Багамы, Бермуды, Виргинские острова (Британские), Ирландия (до 2017 г.), Франция, Швейцария, Австрия, Германия, Италия, Люксембург (в 2008–2013, 2017 гг.), Нидерланды (2008–2014, 2018 гг.), Великобритания (в 2011, 2013, 2016–2018 гг.).

Со II квартала 2018 г. прекращено участие в капиталах, и в целом за год применение этого инвестиционного инструмента сократилось на 6658 млрд долл. США. Всего в 2016 г. участие в капиталах иностранных государств-инвесторов составило 18 477 млн (из них 178 966 млн инвестировали страны дальнего зарубежья), в 2017 г. — 9891 млн долл. США (из них 9623 млн инвестировали страны дальнего зарубежья). Основным участником в капиталах в 2016–2017 гг. был Сингапур.

В реинвестициях в 2018 г. всего вложено 16 766 млн долл. США (из них 16 737 млн пришлось на зарубежные государства). Лидерами по реинвестициям в Россию в 2016–2018 гг. стали Китай, Нидерланды, Норвегия, Сингапур, Великобритания, Австрия.

Эффективность прямых инвестиций характеризуется в том числе их долевая роль в валовом региональном продукте (*табл. 2*).

В целом по Российской Федерации прямые инвестиции не играют значительной роли в валовом продукте, и очевидна тенденция на понижение. Особенно актуальны инвестиции для территорий приоритетного вселения (согласно перечню Правительства Российской Федерации) — Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Несмотря на относительно средние показатели инвестирования, на Дальнем Востоке наблюда-

ется низкое освоение вкладываемых ресурсов, а Сибирь малопривлекательна для инвесторов. Более благоприятным остается инвестиционный климат в Центральном, Уральском, Севере-Западном федеральных округах при очевидной востребованности участия инвесторов нефинансового сектора экономики.

Режим санкций и односторонних ограничительных мер влияет на крупные инвестиции, активность среднего и малого инвестиционного участия иностранных лиц в экономике Российской Федерации в большей мере определяется миграционной политикой и регулированием правового статуса. В условиях современной России необходимо упростить иностранным инвесторам среднего и малого кластера процедуру получения деловой визы, максимально используя цифровые технологии. С августа 2017 г. легитимированы электронные визы, но получить электронную визу с целью делового визита возможно лишь на 30 дней, а принимается она только в шести аэропортах Российской Федерации, ограниченном числе автомобильных и железнодорожных пропускных пунктов.

В России, помимо довольно сложной процедуры получения гражданства инвестором-предпринимателем, обязательным требованием является отказ заявителя от гражданства страны происхождения или решение о выходе или невозможности выхода из него. Это требование существенно ограничивает приток потенциальных инвесторов.

Во исполнение п. 9 поручений Президента Российской Федерации от 22.06.2018 № Пр-1076 в рамках реализации программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» утвержден проект федерального закона от 03.07.2019 № 165-ФЗ «О внесении изменений в ст. 14 Федерального закона „О гражданстве Российской Федерации“». В проекте предлагается без учета правительственной квоты выдавать разрешение на временное проживание иностранному гражданину, родившемуся на территории Российской Федерации либо состоящему в браке с российским гражданином (–кой), имеющим место жительства в стране; инвестировавшему в Российскую Федерацию в объеме, установленном российским правительством.

Актуализируется для Российской Федерации цифровая процедура оформления правового статуса иностранного гражданина и лица без гражданства. Электронные визы должны быть дифференцированы в зависимости от квалификации, образования, сферы занятости, актуальности

Таблица 2 / Table 2

Прямые инвестиции по субъектам Российской Федерации, в которых зарегистрированы резиденты, % к валовому региональному продукту (на основе статистических данных Центробанка РФ) / Direct investments by subjects of the Russian Federation in which residents are registered, in % to Gross Regional Product (based on statistical data of the Central Bank of the Russian Federation)

Российская Федерация по федеральным округам	Годы													
	2011		2012		2013		2014		2015		2016		2017	
	поступило	сальдо	поступило	сальдо	поступило	сальдо	поступило	сальдо	поступило	сальдо	поступило	сальдо	поступило	сальдо
Центральный	31,7	8,0	17,1	6,9	20,0	7,0	16,9	1,9	21,4	-1,5	21,6	3,2	22,7	3,7
Северо-Западный	3,3	10,0	12,4	4,2	11,8	4,5	10,6	-1,3	12,2	-1,2	19,6	0,4	11,2	-1,0
Южный	2,6	0,5	2,2	0,2	2,5	0,3	0,5	0,4	3,5	0,5	3,0	2,8	2,7	0,4
Северо-Кавказский	0,6	0,3	0,4	-0,1	0,2	0,0	0,5	0,4	2,0	1,2	1,4	-0,1	1,5	0,2
Приволжский	2,2	-0,3	2,1	0,4	2,2	0,6	2,1	-0,1	4,0	-0,6	2,2	0,2	1,7	0,3
Уральский	9,8	1,4	10,0	2,7	6,6	4,6	7,9	3,4	10,2	6,0	7,5	3,2	4,1	1,5
Сибирский	3,0	0,9	2,5	-2,3	8,6	1,3	2,6	-0,8	3,8	-0,7	6,8	3,9	6,1	1,3
Дальневосточный	9,6	1,1	8,6	0,6	8,8	1,5	10,0	6,0	18,1	12,1	20,8	18,6	15,3	12,3
Всего	15,3	3,6	10,1	3,2	11,4	4,0	9,6	1,3	12,5	0,7	13,2	3,0	11,7	2,2

для национальной экономики и др. (например, в США действует 16 типов таких виз). Интересно применяемая в США практика специальной визы для инвесторов, создающих рабочие места гражданам принимающей страны, организующих новый бизнес, участвующих в уставном капитале компаний в определенном правительством объеме и секторе экономики. Такая виза дает право на получение грин-карты, а также вида на жительство для членов семьи инвестора. Специальные визы могут предоставляться гражданам стран, с которыми у принимающего государства заключены торгово-экономические соглашения. Отдельный тип визы целесообразно установить для топ-менеджеров иностранной компании, открывающих в стране въездную фирму (т.е. юридическое лицо) или дочернюю структуру иностранной фирмы. В Испании, Пор-

тугалии, Греции, на Кипре, Мальте, например, практикуется преференциальный тип визы для собственников объектов жилья определенной стоимости, предоставляющей право на трудовую деятельность, предпринимательство, а также на проживание в стране сроком до 5 лет.

Имеет смысл пересмотреть отношение к средним и малым инвесторам — физическим лицам (в том числе из стран Южной и Юго-Восточной Азии).

Зарубежные и отечественные инвестиции могут послужить важным инструментом вывода избыточной трудовой миграции за границы Российской Федерации, прежде всего, в посткризисные государства — доноры миграции (страны Центральной Азии, Корейской Народной Демократической Республики), имеющие потенциал крупных инвестиций в гидроэнергетику, железно-

дорожные, автомобильные, авиакommunikации, золотодобычу, разработку месторождений редкоземельных и цветных металлов, угля и др. [6].

Есть основания полагать, что модернизация кредитно-финансовой системы, создание совре-

менного механизма администрирования проектной деятельности, международное сотрудничество в инвестиционной сфере будут способствовать совершенствованию социально-экономического развития России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Викторова Н.Н. Проблемы квалификации понятия «иностранный инвестиционный капитал» в международном частном праве. *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. 2016;12(28):33–43.
2. Галас М.Л., Силласте Г.Г., Шатилов А.Б. Согласование интересов страт современного гражданского общества — основа социальной стабильности. М.: Прометей; 2019.
3. Ильинова И.А. Кредитные организации с иностранными инвестициями как форма коммерческого присутствия иностранных банков в России: правовые аспекты. *Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты*. 2015;(1):227–237.
4. Борисенко А.Ю., Круглов В.В. Международная миграция капиталов и современная Россия. М.: Санкт-Петербургский экономический университет; 2018. 99 с.
5. Галас М.Л. Идеи «мягких» реформ в России в модели современного государства КНР. *Власть*. 2019;27(2):246–255.
6. Галас М.Л. Социально-экономические и политико-правовые аспекты посткризисной миграции. *Вестник Финансового университета*. 2017;3(99):216–235.

REFERENCES

1. Viktorova N.N. Problems of qualification concepts foreign investment in private international law. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina*. 2016;12(28):33–43. (In Russ.).
2. Galas M.L., Sillaste G.G., Shatilov A.B. Harmonising the interests of strata of contemporary civil society as the foundation of social stability. Moscow: Prometheus; 2019:70–78. (In Russ.).
3. Iljanova I.A. Credit organisations with foreign investments as a form of commercial presence of foreign banks in Russia: legal aspects. *Aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitiya yuridicheskoi nauki: obshchegosudarstvennyi i regional'nyi aspekty*. 2015;(1):227–237. (In Russ.).
4. Borisenko A. Yu, Kruglov V. V. International migration of capital and modern Russia. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii ekonomicheskii universitet; 2018. (In Russ.).
5. Galas M.L. The idea of “soft” reforms in Russia in the model of the modern state of the People’s Republic of China. *Vlast'*. 2019;2(27):246–255. (In Russ.).
6. Galas M.L. Socio-economic, political and legal aspects of post-crisis migration. *Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;3(21):216–235. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Financial University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 20.07.2019; принята к публикации 02.08.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.07.2019; accepted for publication on 02.08.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-113-119

УДК 323.39,330.117(045)

Анализ позитивного и негативного влияния экологических организаций на политические и экономические процессы в современной России*

Д.В. Петросянц

Финансовый университет,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>

АННОТАЦИЯ

Наша страна не остается в стороне от участия в международном движении, направленном на формирование экологической культуры в отношении окружающей среды обитания. Вместе с тем, спекуляция общественным мнением на тему «все хотят беречь природу» может принимать как позитивную, так и негативную, и даже деструктивную окраску. Важную роль играет грамотное и гибкое использование экономических и юридических инструментов регулирования деятельности акторов, воздействующих на экологию и экологическую политику государства. В статье предлагается методика оценки позитивного и негативного влияния экологических организаций на политические и экономические процессы в нашей стране.

Ключевые слова: экология; экологический фактор; природно-экологические показатели; иностранные агенты; факторный анализ

Для цитирования: Петросянц Д.В. Анализ позитивного и негативного влияния экологических организаций на политические и экономические процессы в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):113-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-113-119

ORIGINAL PAPER

Analysis of the Positive and Negative Impact of Environmental Organisations on Political and Economic Processes in Modern Russia**

D.V. Petrosyants

Financial University,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>

ABSTRACT

Our country does not stand aside from participating in an international movement aimed at creating an ecological culture concerning the environment. At the same time, speculation by public opinion on the topic “everyone wants to protect nature” can take both positive and negative, and even destructive colours. The competent and flexible use of economic and legal instruments plays an essential role in the regulation of the activities of actors affecting the ecology and environmental policy of the state. The article proposes a methodology for assessing the positive and negative impact of environmental organisations on political and economic processes in our country.

Keywords: ecology; environmental factor; environmental indicators; foreign agents; factor analysis

For citation: Petrosyants D.V. Analysis of the positive and negative impact of environmental organisations on political and economic processes in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):113-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-113-119

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

Задача, стоящая перед автором статьи, — сформулировать и стратифицировать факторы воздействия экологических организаций, которые несут определенную негативную окраску, воздействуют скорее с деструктивных позиций, нежели приносят пользу обществу. Кроме того, необходимо найти и использовать полученные наблюдения, статистические и иные метрические показатели для формирования адекватной модели оценки воздействия влияния экологических организаций на политические процессы в современной России [1, 2].

Представители правоохранительных и иных силовых структур России неоднократно совершенно прозрачно намекали, что под «крышей» экологических организаций на территории России фактически создается шпионская сеть, в которую вовлекаются носители государственных секретов.

Наиболее важным при разработке модели позитивного и негативного влияния экологических организаций на политические процессы в современной России видится выбор и оценка факторов, имеющих наибольшее значение при формировании комплексной синтетической оценки. Проведем их систематизацию.

Первое. Классификацию следует начать с определения зоны действия экологических организаций, для чего необходимо:

- выявить, какие сферы производственной деятельности являются объектами их пристального внимания (например: атомная энергетика, производство и утилизация отходов и т.п.);
- выявить, в сфере деятельности каких компаний ведется работа экологической организации (например, ЭЦП Беллона — серьезный оппонент Минатома, Ecodefense — НК «ЛУКОЙЛ» и т.п.);
- очертить круг регионов (субъектов Федерации) активной деятельности экологических организаций;
- оценить политические амбиции экологических организаций и здоровый прагматизм взаимодействия с политическими партиями и движениями.

Российская экологическая партия «Зеленые», собственно, сама является политическим игроком. В начале 2000-х гг. хорошо просматривались исторические связи партии «ЯБЛОКО» с экологическими организациями.

Второе. Следует определить, входит ли экологическая организация в реестр иностранных

агентов Министерства юстиции РФ. Понятие «иностранный агент» было введено Госдумой поправками к закону «О некоммерческих организациях» в июле 2012 г.: согласно им, Минюст присваивает этот статус российским организациям, занимающимся политической деятельностью и получающим финансирование из-за рубежа. В настоящий момент в реестре «иностранных агентов» Министерства юстиции РФ значится 74 организации, подавляющее большинство которых продолжает свою работу (<http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>). Список постоянно корректируется, добавляются новые организации, выбывают те, которые были закрыты.

Каковы основания включения экологических организаций в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента? Они могут на первый взгляд выглядеть ничтожными, однако достаточными для внесения в список.

За долгое время существования международных экологических организации научились технологии блокировки ресурсного освоения региона практически в любой стране мира, например, путем создания цепи экологических заповедников вокруг потенциальных мест добычи. А эти методы вполне могут применяться и в интересах конкурирующих компаний, и в интересах руководства США и других «спонсоров» этих организаций.

В качестве примера можно привести борьбу российской экологической организации Ecodefense с НК «ЛУКОЙЛ». Речь идет о добыче нефти компанией в Калининградской области, всего в 22 километрах от Куршской косы — мирового наследия ЮНЕСКО. Активисты Ecodefense при поддержке неправительственной организации Urgewald и Фонда Генриха Белля активно лоббировали свои требования на уровне правлений зарубежных банков, кредитовавших ЛУКОЙЛ: нидерландского ABN Amro, бельгийско-французского Dexia, немецких WestLB, Deka, Deutsche Bank и Hypo-Vereinsbank. По сути, Ecodefense активно работала против ЛУКОЙЛА в пользу его конкурентов, а мотивировка экологической организации в этом противостоянии была более чем «экологичная» и благородная: «хочется рассчитывать хотя бы на то, что стандарты защиты окружающей среды, а также социальные стандарты, которые действуют в Европе, сочтут обязательными и российские концерны» [3].

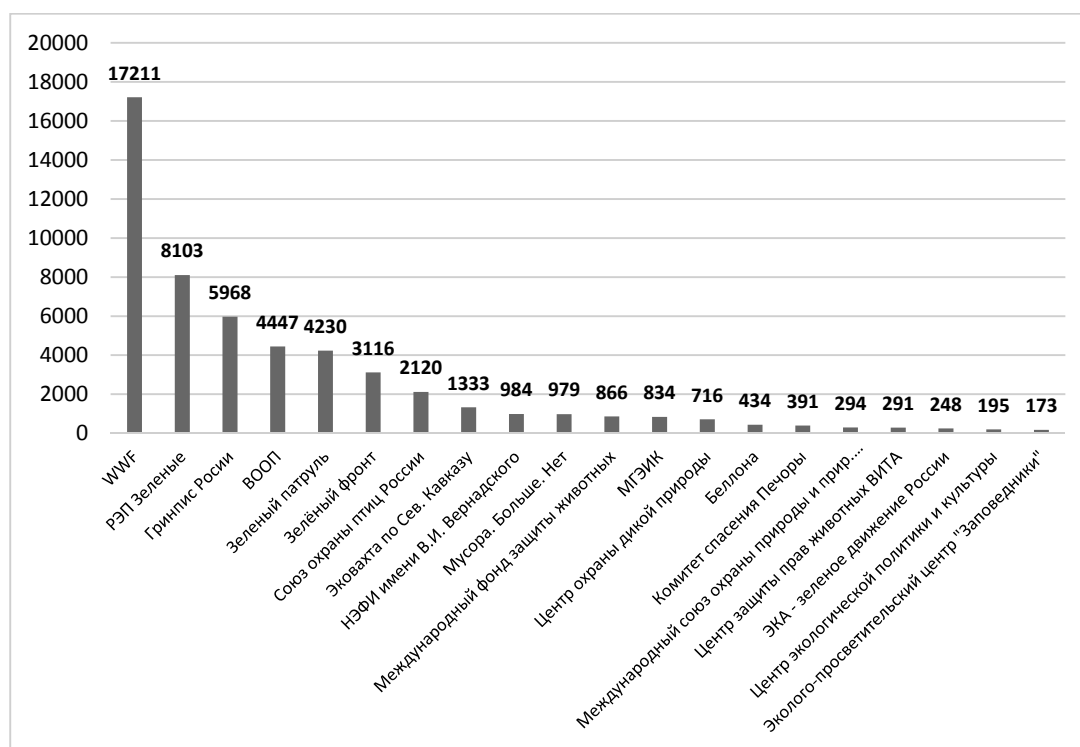

Рис. 1 / Fig. 1. Публикационная активность российских экологических организаций в СМИ в 2018 г. /
Publication activity of Russian environmental organisations in the media in 2018

Источник / Source: SCAN-Интерфакс. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505230001?index=0&rangeSize=1>.

В начале 2015 г. российские законодатели ввели еще одно понятие — «нежелательная организация». Закон о нежелательных иностранных и международных организациях был подписан президентом Путиным 23 мая 2015 г.: «нежелательной» может быть признана деятельность иностранной организации, представляющей угрозу основам конституционного строя, обороноспособности страны или ее безопасности» (<http://scan-interfax.ru.>).

Третье. Экологические организации действуют в нескольких направлениях, что тоже является фактором стратификации их деятельности:

- информационное;
- правовое;
- экспертное.

Четвертое. Необходимо определить «весомость» влияния экологических организаций на политические и экономические процессы в России с целью очертить ограниченный пул наиболее значимых. Кроме того, следует определить «дружественные» экологические организации, действующие в ряде проектов согласованно. В то же время следует выделить и те экологические организации, которые являются либо дочерними, либо клонированы или «отпочкованы» от головной организации.

Для проведения анализа деятельности, на наш взгляд, не следует изучать их все (по оценкам экспертов, их в России порядка пятисот). Целесообразно провести отбор наиболее заметных экологических организаций с позиции выяснения их заметности в СМИ и в правовом поле, а именно — активность в судебных процессах и в лоббировании принятия различных законов и подзаконных актов, в том числе, и с целью изменить существующее положение регулирования в экологической сфере в стране в целом или в отдельных регионах.

Первое вполне четко определяется с помощью базы данных, агрегирующей большие объемы текстового контента, в первую очередь — СМИ. На рис. 1 представлена публикационная активность российских экологических организаций в СМИ в 2018 г.

На рис. 2 представлены данные о ежемесячной публикационной активности российских экологических организаций в СМИ в 2018 г. с числом упоминаний свыше 1000. Заметный всплеск упоминания WWF был отмечен в марте 2018 г.

Отследить вовлеченность экологических организаций в судопроизводство можно, например, на сайте <http://судебныерешения.рф>.

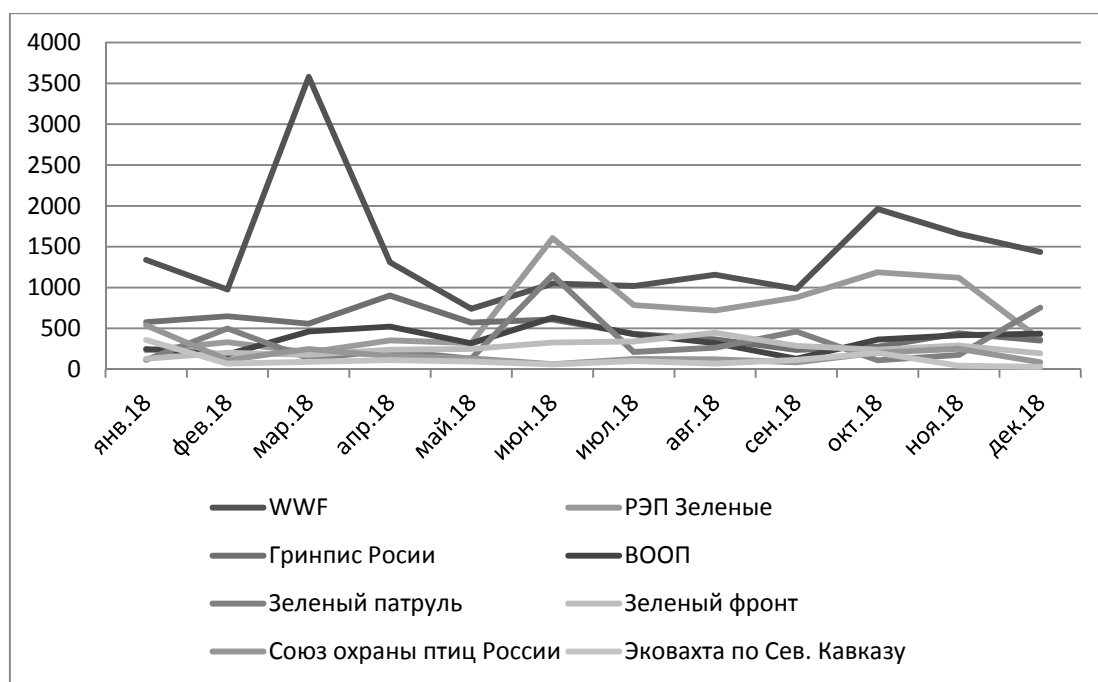

Рис. 2 / Fig. 2. Помесячная публикационная активность российских экологических организаций в СМИ в 2018 г. (свыше 1000 упоминаний в году) / Monthly publication activity of Russian environmental organisations in the media in 2018 (over 1000 mentions per year)

Источник / Source: SCAN-Интерфакс. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505230001?index=0&rangeSize=1>.

Заметность деятельности экологических организаций можно исследовать по активности на сайтах, а также проверить по всем популярным social networks. В таблице предлагается замер, проведенный по Alexa.com и Facebook.com.

Ниже перечислены негативные факторы, которые можно в дальнейшем стратифицировать по важности, с тем, чтобы применять метрические подходы на основе экспертных прогнозов, например метод Саати:

- демонстрации, пикетирования «неэкологических объектов», в том числе и с нарушением законов;
- воздействие на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики;
- проведение пресс-конференций, общественных слушаний, получение эфирного времени на ТВ. Оказание общественного давления на основании подтасовки фактов, используя общую обеспокоенность населения экологическими проблемами;
- оповещение населения по собственной инициативе экологической информацией, зачастую тенденциозно подобранной (листовки, обход по квартирам и т.п.);

- действия экологических организаций в интересах своих учредителей — зарубежных акционеров;

- действия экологических организаций в интересах лоббистской группы, в том числе в ГД РФ, местных парламентах и иных государственных органах. Инициирование принятия деструктивных законов и подзаконных актов;

- обращение в российские и международные суды, выставление исков, затягивание судопроизводства путем различных юридических уловок;

- привлечение независимых экспертов и академических ученых, публикации тенденциозных материалов в научных и научно-популярных изданиях;

- работа в интересах одной из бизнес-структур с целью деструкции деятельности конкурентов, например, объявляя деятельность конкурентов «неэкологичной и вредной для окружающей среды»;

- антигосударственная деятельность, в том числе разглашение государственной тайны.

Приведенные факторы способны обострять политическую жизнь, а также дестабилизировать ситуацию и процессы в России, относящиеся к экономической, политической и государственной безопасности (зона действия и ответственности российских спецслужб).

Таблица / Table

**Замеры заметности и числа подписчиков сайтов российских экологических организаций /
Measurements of visibility and number of subscribers of sites of Russian environmental organisations**

Экологическая организация	Сайт	Место сайта, глобальные замеры Alexa.com (последние 90 дней)	Facebook, число подписчиков
Гринпис России	http://www.greenpeace.ru	117 719	103 000
Всемирный фонд дикой природы – WWF России	http://www.wwf.ru/	204 669	64 959
ООО ЭЦП Беллона	https://bellona.ru/	404 208	10 602
Центр защиты прав животных ВИТА	http://www.vita.org.ru/	492 159	6454
Союз охраны птиц России	http://www.rbcu.ru/	771 933	5486
Центр охраны дикой природы, благотворительный фонд (ЦОДП)	http://www.biodiversity.ru/	817 989	53
Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль»	https://greenpatrol.ru/ru	910 812	405
Неправительственный экологический фонд им. В.И. Вернадского	http://www.vernadsky.ru/	1 369 151	–
ЭКА – зеленое движение России	http://ecamir.ru/	1 438 759	3245
Экологическая вахта	http://www.ewnc.org/	1 757 746	–
Экологическая вахта Скаверного Кавказа	http://www.ewnc.org/	1 757 746	992
Российская экологическая партия «Зеленые»	http://greenparty.ru/	2 006 666	3017

В качестве примера эффективного блокирования нежелательного оппозиционного политического деятеля приведем ситуацию с выдвижением на пост главы Щучанского района Курганской области Галины Вепревой. Г. Вепрева, руководитель местного отделения экологической организации «Зеленый крест», депутат Щучанской районной Думы, была основным кандидатом на пост районного главы в 2007 г. Поскольку ни экстремизма, ни криминального прошлого за Вепревой не наблюдалось, ее кандидатура была отведена на том основании, что Щучье — место строительства завода по уничтожению химического оружия. Этот район Курганской области является местом столкновения интересов различных спецслужб, а эксперты утверждали, что «Зеленый крест» «совершенно однозначно поддерживается западными политическими кругами». В результате был сорван «план», предусматривавший внедрение в представительную власть представителя

«ненадежной» экологической организации. Подобные дестабилизирующие действия членов экологических организаций можно отнести к отдельной группе, как наиболее активно влияющие на национальную безопасность РФ.

Есть другой пример использования экологических организаций, на этот раз — конкурентами ОАО «Газпром» по международному бизнесу. Передача Газпрому в 2006 г. контрольного пакета акций в проекте «Сахалин-2» привела к усилению давления западных энергетических монополий на российского конкурента. В частности, неоднократно возникали проблемы вокруг строительства экспортного газопровода по дну Балтийского моря. Здесь были задействованы экологические и пацифистские организации, а также госструктуры Швеции, Польши и республик Балтии.

Понятно, что неправильно видеть только негатив в принятом во всем мире механизме

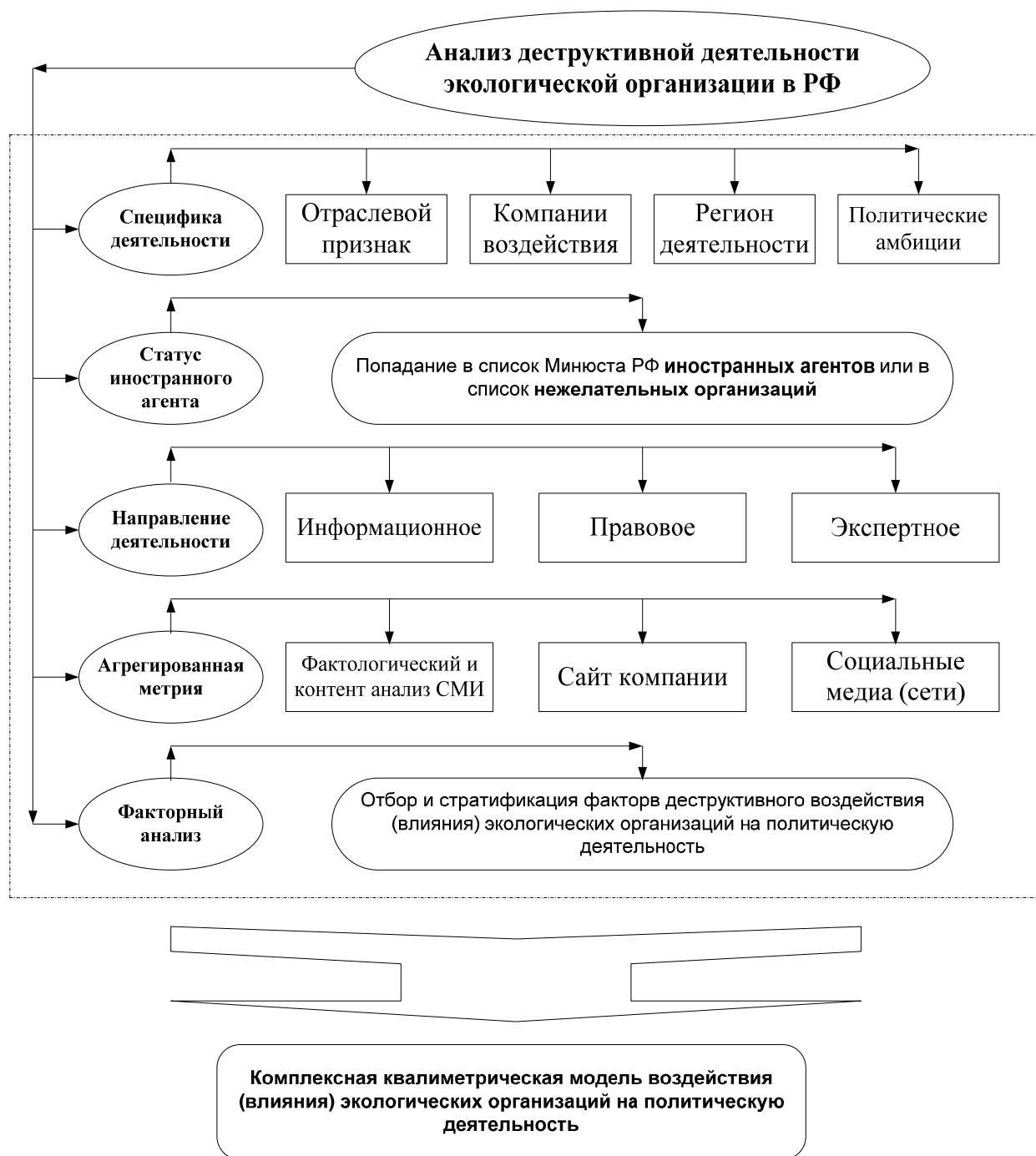

Рис. 3 / Fig. 3. Анализ деструктивной деятельности экологических организаций в РФ /
Analysis of destructive activities of environmental organisations in Russia

Источник / Source: составлено автором/compiled by the author.

воздействия гражданского общества на государство и частные компании, решения которых способны пагубно воздействовать на экологию и окружающую экосистему. Поэтому отметим и **позитивные факторы** воздействия экологических организаций. В их числе:

- содействие экологической грамотности населения и вовлечение в жизнь гражданского общества;

- привлечение внимания гражданского общества к экологическим проблемам, организация диалога между бизнесом, чиновниками и жителями территорий, подвергающихся экологическим изменениям;

- содействие гражданам в реализации их прав на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного их здоро-

вью или имуществу экологическими правонарушениями.

Следующее звено исследования — факторный анализ экспертных оценок и фактических метрик. Переведем экспериментальные данные в матрицу, где столбцы будут соответствовать различным негативным действиям экологических организаций, а строки — это сами экологические организации.

На рис. 3 представлена схема-анализ деструктивной деятельности экологических организаций в РФ.

Как было указано выше, этот процесс содержит несколько информационно-аналитических

блоков: выявление специфики деятельности, отнесение экологических организаций к иностранным агентам, определение направления деятельности, использование агрегированной метрики сторонних систем сбора информации, факторный анализ наиболее формализуемых деструктивных действий. Итогом данной кропотливой работы станет синтетическая квалиметрическая модель (параметры (критерии) можно не приводить к единым метрическим единицам, используются относительные величины), выявляющая степень вклада экологических организаций в деструктивную деятельность, проводимую всеми подобными организациями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Русин С.Н. Какой быть Стратегии экологической безопасности Российской Федерации? *Журнал российского права*. 2014;(7):25–26.
2. Ферару Г.С. Методические подходы к формированию и реализации региональной экологической политики. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2011;(1):28–29.
3. Дагмар Д. Российская нефть угрожает мировому наследию. URL: <https://www.inopressa.ru/article/07Apr2005/tagesspiegel/oil.html>.

REFERENCES

1. Rusin S.N. What should be the Environmental Security Strategy of the Russian Federation? *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2014;(7):25–26. (In Russ.).
2. Feraru G.S. Methodological approaches to the formation and implementation of regional environmental policy. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2011;(1):28–29. (In Russ.).
3. Dagmar D. Russian oil threatens world heritage. Tagesspiegel. URL: <https://www.inopressa.ru/article/07Apr2005/tagesspiegel/oil.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниэл Викторович Петросянц — кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
dan-basa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daniel V. Petrosyants — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
dan-basa@yandex.ru

Статья поступила 20.07.2019; принята к публикации 05.08.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.07.2019; accepted for publication on 05.08.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-120-124

УДК 325.1(045)

Институты гражданского общества как агенты регулирования миграции*

К.В. Аршин

Финансовый университет,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению институтов гражданского общества в качестве агентов регулирования миграционных потоков. Автор демонстрирует, что подобная роль институтам гражданского общества может быть приписана только в условиях коммунитарно-контрактуалистского взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти. Подобный тип взаимодействия наблюдается только в условиях полиархической политической системы. Ярким примером такой системы можно признать Канаду. Вместе с тем опыт Канады не может быть полностью заимствован Российской Федерацией. Однако именно коммунитарно-контрактуалистское взаимодействие позволит решить ряд важнейших проблем миграционной политики России.

Ключевые слова: миграция; гражданское общество; диаспора; полиархия; коммунитаризм

Для цитирования: Аршин К.В. Институты гражданского общества как агенты регулирования миграции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):120-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-120-124

ORIGINAL PAPER

Civil Society Institutions as Agents of Migration Regulation**

K.V. Arshin

Financial University,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

ABSTRACT

In this article, the author considers the role of civil society institutions as agents of migration flows regulation. The author demonstrates that such a task can be attributed to institutions of civil society only in the conditions of communitarian-contractualist interaction between civil society institutions and public authorities. This type of interaction is observed only under terms of the polyarchical political system. Canada is a prime example of such a system. However, the experience of Canada cannot be fully adopted in the Russian Federation. However, the communitarian-contractualist interaction will allow solving a number of the most critical problems of Russia's migration policy.

Keywords: migration; civil society; diaspora; polyarchy; communitarianism

For citation: Arshin K.V. Civil society institutions as agents of migration regulation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):120-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-120-124

Взаимоотношения институтов гражданского общества с государственными органами необходимо рассматривать в качестве основополагающего вопроса развития современного социального организма. Будучи крайне сложным образованием, претерпевающим постоянные трансформации, общество ис-

пытывает необходимость в институтах, регулирующих взаимоотношения индивидов в рамках ежедневных взаимодействий. В развитом демократическом обществе государственные органы лишь устанавливают общие рамки подобных взаимодействий, избегая мелочного регулирования. Последнее отдается на откуп институтам

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the financial University.

гражданского общества — различным союзам и организациям, которые не только справляются с возложенными на них обязанностями, но и способствуют развитию общества. Как писал отец современной политической теории, французский мыслитель Алексис де Токвиль: «Нравственность и умственное развитие демократического народа подверглись бы не меньшей опасности, чем его торговля и промышленность, в случае, если бы правительство полностью заменило собой союзы и ассоциации» [1].

В современной России общественные объединения выступают развитым общественно-правовым институтом, эффективно выполняющим свои функции по обеспечению взаимодействия индивидов с группами людей, а также групп людей с государственными органами. Формы указанных объединений определены Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». К таковым законодатель отнес любое «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения»¹. Свою деятельность общественные объединения могут реализовывать во множестве форм, однако наиболее распространенными являются:

- создание обществ по интересам, выступающих инициаторами проведения мероприятий для своих членов и общественности в целях удовлетворения стремления граждан проявить свою инициативу и удовлетворить свои потребности;
- создание лоббистских и правозащитных организаций для оказания влияния на властные и иные облеченные властью структуры для привлечения внимания ответственных органов к решению конкретных проблем.

Исследователи выделяют следующие формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами власти (в рамках чего происходит легитимация первых):

- индифферентно-институциональное взаимодействие, в рамках которого обеспечивается разделение сфер ответственности, а также функций общественных организаций и властных структур, в силу чего они приобретают автономию;

- конфронтационно-институциональное взаимодействие, которое предполагает противостояние институтов власти и общественных объединений, в силу чего между ними возникают серьезные противоречия;

- коммунитарно-контрактуалистское взаимодействие, в рамках которого между общественными объединениями и органами власти устанавливаются отношения взаимного сотрудничества, предполагающие признание соответствия публичных интересов общественных объединений, личных интересов входящих в них граждан и интересов государственных органов [2].

Первая форма взаимодействия характерна для либерально-демократических государств, в которых сферы гражданского общества и государства, как правило, отделены друг от друга и пользуются существенной автономией.

Вторая форма взаимодействия наблюдается в авторитарных государствах или государствах, недавно вступивших на путь демократического развития. В указанных государствах, как правило, институты гражданского общества еще слабы и незрелы, государственные органы не испытывают доверия к нарождающейся сфере гражданской самоорганизации, а политическая культура основной части населения носит патерналистский характер и не благоприятствует формированию объединений, не зависящих от органов государственной власти. Вследствие последнего общественные объединения вынуждены буквально завоевывать свое место в борьбе с государством. Поэтому доминирующей формой взаимодействия становится конфронтация.

Наконец, третий тип взаимодействия характерен для государств, в которых складывается полиархический политический режим, строящийся на предоставлении допуска к управлению обществом автономных групп интересов (общественных объединений). Указанное обстоятельство крайне важно, поскольку позволяет учитывать мнение меньшинства, так как каждая из подобных автономных групп рассматривается в качестве представителя такого меньшинства [3].

Следует отметить, что первая и вторая формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами власти нельзя назвать эффективными. Однако если малая эффективность конфронтационно-институционального взаимодействия очевидна, то низкая эффективность индифферентно-институционального взаимодействия требует дополнительного пояснения.

¹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/21e3b5b8fdc7e38173cf8cdc09363a4cb0fde52a/.

Не секрет, что именно индифферентно-институциональное взаимодействие институтов гражданского общества и государства лежало в основе либерально-демократических концепций взаимодействия гражданского общества и государства [4, 5]. Однако в настоящее время институты гражданского общества, организованные именно на указанном типе взаимодействия с институтами государства, подвергаются существенной эрозии. Суть ее прекрасно описал в своей книге «Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства» англо-американский историк Нил Фергюсон. Основываясь на работах американских политологов Роберта Патнэма [6], Теда Скочпол и Чарльза Мюррея, а также личных наблюдениях, историк делает вывод об упадке институтов гражданского общества в государствах традиционной либеральной демократии: США и Великобритании. Причину этого он видит в том, что государство в условиях упадка интереса граждан к объединению, в целях решения бесчисленного множества мелких задач, возлагает «на себя обязанности некоторых из крупнейших [общественных] объединений» [7]. Однако в данном случае важен не диагноз, который ставит Н. Фергюсон, а симптомы, поскольку именно они характеризуют состояние современного гражданского общества в либерально-демократических странах.

Впрочем, и коммунитарно-контрактуалистское взаимодействие институтов гражданского общества с институтами государства чревато рядом опасностей. Уже упомянутый основоположник теории полиархии Р.А. Даль писал, что полиархия опасна тем, что в ее рамках может сформироваться несколько активных, враждующих между собой групп. Как правило, такие группы складываются не на основе имущественных или профессиональных различий, а на основе этнической и/или религиозной идентичности. При этом развитие миграционных потоков оказывает на процесс формирования таких идентичностей существенное влияние. Следствием формирования подобных групп становятся нарастание конфликтности внутри общества и ослабление политического режима. Для того чтобы этого не произошло необходимо, по мнению Р.А. Даля, соблюдение следующих условий:

- позволение представителям субкультур надеяться на участие в органах управления;
- наличие (формальных или неформальных) договоренностей, обеспечивающих представи-

телям субкультур относительно высокую степень безопасности;

- высокая степень доверия граждан к политическому режиму полиархии, основанная на его способности справляться с основными проблемами страны в том виде, как его понимают граждане или, хотя бы, формулируют политики.

Выполнение этих трех условий обеспечивает стабильность полиархии в условиях субкультурного плюрализма и, как следствие, стабильность институтов гражданского общества, предотвращая радикализацию общественных объединений. Классической страной полиархии в этом отношении следует признать Канаду, которая, с одной стороны, характеризуется наличием множества разнородных этнических групп, формируемых за счет миграционных потоков, а с другой стороны, их мирным сосуществованием в рамках единого политического пространства и правового поля. При этом еще в 1970-е гг. в стране бушевал национализм франкофонов, а страна стояла если не на грани гражданской войны, то на грани распада. Избежать этого удалось путем создания специальных федеральных программ, постепенно снимавших дискриминационные и институциональные барьеры и обеспечивших участие этнических меньшинств в государственном управлении.

Впрочем, указанные программы преследовали еще одну цель — снятие напряжения в отношениях между коренным населением и мигрантами, которые к 1970-м гг. наводнили страну. Причиной массовой миграции в Канаду после Второй мировой войны стала либерализация миграционного законодательства (Миграционный акт 1952 г.), в соответствии с которым гражданство страны мог получить любой иностранец, имеющий достаточно средств для проживания в стране на время поиска работы или соглашающийся занять вакансию, которую предложило Министерство гражданства и иммиграции. «Как результат, в течение последующего десятилетия с 1952 по 1962 г. в страну въехало 1,5 млн иммигрантов. А после 1962 г., когда расовые, национальные и этнические критерии отбора переселенцев были полностью устранены, поток желающих получить канадское гражданство еще более усилился, и до конца 1960-х гг. в страну въехало еще около 1,2 млн чел.» [8]. Столь масштабный миграционный поток не мог не привести к формированию этнических (мигрантских) сообществ.

В 1982 г. был принят Основной закон Канады, в который в качестве составной части вошла Хартия прав и свобод, содержащая провозглашенные несколькими годами ранее принципы мультикультурализма. Особенностью Основного закона стало признание примата индивидуальных прав над групповыми, но одновременно за этническими и миграционными сообществами сохранялось право истребовать для себя отдельные права. Однако возможно это только путем обращения в судебные инстанции, которые и решают, нужна институционализация отдельной культурной нормы для конкретного сообщества или нет. Таким образом, этнические и миграционные сообщества вводятся в правовое поле и в рамках политической системы получают защиту, а также возможность претендовать на участие в управлении. Сообщества же, не прошедшие соответствующие процедуры, остаются вне рамок закона, а следовательно, не могут претендовать на какие-либо права в рамках канадского общества.

Формальная схожесть Российской Федерации и Канады как государств, отличающихся высокой многосоставностью и миграционной привлекательностью, позволяет утверждать, что ряд элементов политики регулирования межэтнических отношений, а также способы взаимодействия между коренным населением страны и мигрантами могут быть позаимствованы нашей страной. Вместе с тем субстанциальные отличия в опыте формирования государства и становления политических систем делают Российскую Федерацию уникальной страной, которой требуется поиск собственного пути.

Одним из важнейших элементов здесь может стать признание институтов гражданского общества в качестве одного из важнейших агентов в регулировании миграционных потоков. В своей книге «Исход: как миграция меняет наш мир» американский экономист Пол Коллиер утверждает, что именно государство-реципиент миграционных потоков выступает их основным регулятором. Именно оно устанавливает те правила, по которым осуществляется миграция, делая ее более привлекательной или, наоборот, ограничивая ее. В свою очередь, страна исхода может рассматриваться исключительно как объект воздействия, так как обладает весьма ограниченными инструментами регулирования миграционных потоков.

Важнейшим агентом миграции П. Коллиер признает диаспору. Именно она выступает главным бенефициаром миграционных потоков, которые увеличивают ее количественный состав, а следовательно, и силу. При этом диаспора, желая сохранить себя, препятствует адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество (абсорбции мигрантов в терминологии П. Коллиера). Таким образом, именно проблема борьбы с диаспорой, по мнению американского экономиста, должна стоять перед государствами-реципиентами.

Вместе с тем в демократическом обществе возможности органов государственной власти в этом направлении крайне ограничены. Возможности же гражданского общества, наоборот, практически безграничны. Обладая правовым статусом, институты гражданского общества могут и должны создавать структуры, параллельные диаспоральным институтам, тем самым предоставляя мигрантам возможность выбора между обращением к диаспоре и консервацией своего статуса мигранта (и вероятным его ухудшением), либо — к институтам гражданского общества страны-реципиента с получением всех возможных привилегий, предоставляемых мигрантам страной-реципиентом (урегулированный статус, медицинская помощь, правовая помощь и т.д.). Деятельность подобных институтов гражданского общества также может быть дополнительно поддержана государством путем предоставления грантов, субсидий и т.д.

Также необходимо отметить, что деятельность гражданского общества в данной сфере позволит решить ряд важнейших проблем миграционной политики:

- 1) выведение прибывающих мигрантов из «тени», обретение ими урегулированного миграционного статуса;
- 2) снижение государственных расходов, избавление органов государственной власти от несвойственных им функций и, как следствие, повышение эффективности их деятельности;
- 3) улучшение криминогенной ситуации в стране, снижение латентной преступности в среде мигрантов;
- 4) развитие гражданского общества в России, вовлечение все большего числа граждан России в неправительственную сферу, повышение уровня доверия между гражданами России;
- 5) снижение уровня ксенофобии, мигрантофобии, а также распространенности негативных этнических и миграционных мифов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь мир; 2000. 560 с.
2. Остапенко А. С. Общественные объединения в качестве конструкторов гражданского общества: функциональная роль и эволюция. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2015;(1):72–81.
3. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ИД Гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2010. 288 с.
4. Фергюссон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН; 2000. 391 с.
5. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика; 1997. 351 с.
6. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster; 2000.
7. Фергюссон Н. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М.: АСТ CORPUS; 2016.
8. Нохрин И. М. Мультикультурализм как форма национализма: канадский опыт конструирования национальной идентичности на основе идеи культурного многообразия во II половине XX века. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017;(2):79–88.

REFERENCES

1. Tocqueville A. *Democracy in America*. Moscow, Publishing house “The whole world”; 2000. (In Russ.).
2. Ostapenko A. S. Public associations as constructs of civil society: Functional role and evolution. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki*. 2015;(1):72–81. (In Russ.).
3. Dal R. A. *Polyarchy: Participation and opposition*. Moscow: Higher School of Economics; 2010. (In Russ.).
4. Ferguson A. *Experience in the history of civil society*. Moscow: ROSSPEN; 2000. (In Russ.).
5. Smith A. *Theory of moral sentiments*. Moscow: Republic; 1997. (In Russ.).
6. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster; 2000.
7. Ferguson N. *The Great degeneration. How institutions are destroyed and states are destroyed*. Moscow: ACT CORPUS; 2016. (In Russ.).
8. Nokhrin I. M. Multiculturalism as a form of nationalism: Canadian experience of constructing national identity based on the idea of cultural diversity in the second half of the XX century. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. 2017;(2):79–88. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Валерьевич Аршин — научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Kosta-10@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Arshin — Researcher, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
Kosta-10@yandex.ru

Статья поступила 08.05.2019; принята к публикации 20.06.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 08.05.2019; accepted for publication on 20.06.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-125-128

УДК 323.225(045)

Рост деструктивной активности в молодежной среде: причины и перспективы

К.Т. Лукьяненко

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

АННОТАЦИЯ

В настоящее время в Российской Федерации все большее внимание государства привлекает рост политической активности российской молодежи. Данная активность имеет как продуктивное выражение, так и деструктивное. В то же время все большее количество молодых людей принимают участие в различных несистемных политических акциях, направленных против государства. На фоне этих процессов вопросы эффективности работы с молодежью принимают особое значение, так как дальнейшие перспективы развития настроений и тенденций в молодежной среде остаются неясными и трудно поддаются прогнозированию. Несомненно, рост деструктивной активности молодежи является негативной тенденцией, которая имеет множество причин, среди которых, в том числе, и действия государства. В данной статье рассматриваются причины и возможные перспективы роста деструктивной активности в молодежной среде в Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежная политика; протесты; активность молодежи; власть; радикализм; экстремизм

Для цитирования: Лукьяненко К.Т. Рост деструктивной активности в молодежной среде: причины и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):125-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-125-128

ORIGINAL PAPER

Growth of Destructive Activity among Young People: Causes and Prospects

K. T. Lukianenko

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

ABSTRACT

Currently, in the Russian Federation, the increasing attention of the state is attracted by the growth of the political activity of Russian youth. This activity has both a productive expression and a destructive one. At the same time, an increasing number of young people are taking part in various unsystematic political actions directed against the state. Against the background of these processes, questions of the effectiveness of working with youth are of particular importance, since further prospects for the development of moods and trends in the youth environment remain unclear and difficult to predict. Undoubtedly, the growth of the destructive activity of youth is a negative trend, which has many reasons, including the actions of the state. This article discusses the causes and possible prospects for the growth of destructive activity in the youth environment in the Russian Federation.

Keywords: youth policy; protests; youth activity; power; radicalism; extremism

For citation: Lukianenko K.T. Growth of destructive activity among young people: Causes and prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta* = *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):125-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-125-128

В последнее время в Российской Федерации наблюдается рост социальной и политической активности молодежи [1]. Данная активность приобретает различные формы; с точки зрения государства, ее можно условно разделить на конструктивную и деструктивную. Конструктивная активность представляет собой действия молодежи, которые несут продуктивный характер для социума и не угрожают безопасности граждан и основам конституционного строя. Деструктивная активность — это действия, которые несут антисоциальный и антигосударственный заряд. Важно также отметить, что молодежная среда (в силу своих социальных характеристик и уровня

восприятия окружающей социальной, экономической и политической обстановки) в наибольшей степени подвержена критичному отношению к действительности и накоплению и реализации негативного протестного потенциала.

Согласно данным правоохранительных органов по состоянию на май 2018 г., более 16% задержанных участников несанкционированных митингов и акций оппозиции — несовершеннолетние. При этом лишь менее 2% из них на тот момент уже состояли на учете в ОВД, а для 98% это стало первым опытом общения с полицией [2]. В целом наблюдается тенденция выступления молодежи в качестве основной массы участников различного рода политических

акций, в том числе, несанкционированных. Ярким примером служит несанкционированный митинг, который прошел в Москве 27 июля 2019 г. под лозунгом «За честные выборы», в котором, по оценкам организаторов, приняло участие примерно 12 тыс. чел., среди которых основную часть составляла молодежь [3].

Вместе с тем, наряду с участием молодежи в различных незаконных политических акциях, также наблюдается рост количества экстремистских движений, вовлекающих молодых людей в свою деятельность. Статистика за последнее пятилетие показывает, что возраст четырех из пяти лиц, экстремистская деятельность которых пресечена, составляет не более 30 лет, в том числе среди них много несовершеннолетних в возрасте 14–18 лет (<https://cao.mos.ru/countering-extremism/features-for-the-prevention-and-suppression-of-manifestations-of-extremism-and-terrorism-in-the-yout>).

Причины данных негативных тенденций называются разные. Например, многие специалисты сходятся во мнении, что молодые люди участвуют в подобных мероприятиях и вступают в ряды радикальных неформальных организаций либо ради самовыражения и проведения досуга (так как для них подобное является притягательным и новым), либо ради попытки выстроить справедливое, по их мнению, общество (<https://www.dw.com/ru/зачем-молодежь-в-рф-протестует-против-пенсионной-реформы/a-45400495>).

Однако хочется отметить поверхностность данных утверждений, так как они констатируют следствие, но не причины развития данных негативных тенденций. Несомненно, сложившаяся ситуация является результатом комплекса проблем и недоработок власти, некоторые из которых представлены ниже.

1. Отсутствие системной работы с молодежью в сети Интернет. В настоящее время сложилась ситуация, при которой государство не имеет эффективных механизмов коммуникации с молодежью, так как государственный аппарат «заточен» под работу с официальными СМИ, которые охватывают лишь малую часть молодежи и не владеют механизмами взаимодействия с молодежью с учетом поколенческих особенностей восприятия информации. Для 70% молодежи и 10% взрослого населения именно Интернет, а не ТВ является основным источником новостей и формирования мнения о происходящих событиях. Согласно данным, полученным экспертами, основными источниками новостей для студентов являются соци-

альные сети («ВКонтакте» — 70,3%, Instagram — 42,5%, Facebook — 8,9%, «Одноклассники» — 7,7%) и поисковики (Google — 39,6% и Yandex — 31%) (<https://newizv.ru/article/general/10-04-2018/sotsiologi-rossiyskaya-molodezh-vse-bolshe-rashoditsya-s-vlastyu>). Таким образом, можно сказать, что государство практически упустило момент, когда нужно было работать с молодежью онлайн, чем, в свою очередь, воспользовались деструктивно настроенные силы. В настоящее время государство исправляет данную недоработку, но трудно сказать, насколько эффективно идет этот процесс.

2. Отсутствие эффективной работы по воспитанию патриотизма в молодежной среде. На протяжении длительного времени государство не уделяло этому вопросу достаточно внимания. Были отдельные попытки продвижения патриотических идей, но они базировались не на системной работе, а на политической воле и инициативе отдельных должностных лиц. Так, в 2016 г. была принята государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.», которая позиционировалась как ключевая стратегия работы с молодежью. Однако на сегодняшний день приближается срок окончания ее действия, но реальной положительной динамики в работе с молодежью не наблюдается. В данной программе содержится большое количество мероприятий, однако, не обозначены критерии оценки эффективности их реализации, что, в свою очередь, привело к тому, что реальный эффект от них — минимальный. В частности, это отмечает секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушев. Он полагает, что данная программа не выполняет свой функционал и ориентирована на количественные, а не качественные показатели, а также «не решает таких задач, как масштабное увеличение количества патриотов и противодействие экстремизму» (<https://iz.ru/711182/2018-02-20/patrushev-raskritikoval-programmu-po-patrioticheskomu-vospitaniiu-molodezhi>).

3. Отсутствие действенных механизмов участия молодежи в политической жизни своих регионов/районов. Это приводит к тому, что, не наблюдая эффективных механизмов обратной связи и не имея видимых альтернативных вариантов своего участия в политической жизни общества, молодежь на безальтернативной основе все чаще склоняется к несистемным субкультурам, так как видит в них своего рода социальный лифт и ме-

ханизм донесения запроса до власти, а также возможность приобщения к групповой идентичности.

4. Отсутствие работы с молодежью со стороны органов государственной власти федерального и регионального уровней. В настоящее время сложилась ситуация, при которой многие молодые люди (не только с оппозиционными или антигосударственными взглядами) просто не имеют представления о том, чем занимаются органы государственной власти и в чем заключается целесообразность их деятельности. Из этого зачастую вытекает рост недовольства «раздутой» и «беспольной» бюрократической машиной. Это происходит потому, что молодым людям не разъясняют функционал отдельных органов государственной власти, а зачастую о некоторых органах (особенно региональных) трудно найти какую-либо информацию, доступную для понимания молодых людей.

5. Низкий уровень политической грамотности в молодежной среде. Сегодня постоянно говорится о росте политической активности молодежи, которая бывает как продуктивной, так и деструктивной. Однако никто не поднимает вопрос об уровне политической грамотности населения, хотя существует множество всевозможных проектов, направленных на повышение финансовой и правовой грамотности. Хотя именно следствием политической неграмотности молодежи является подверженность ее воздействию различных экстремистских сил. Возможно, государство не видит целесообразности повышения политической грамотности молодежи и населения в целом, однако такой запрос уже давно назрел, и это не представляет угрозы для государства, а напротив, способствует укреплению политической системы.

Каждая из перечисленных проблем по отдельности является важным направлением работы профильных государственных органов власти, так как порождает дополнительные вызовы и конфликты. Несомненно, помимо перечисленных проблем, существует также множество иных причин, которые сложились под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов.

В условиях текущих политических реалий в Российской Федерации все большую актуальность обретают вопросы прогнозирования развития политической активности в молодежной среде. С каждым годом растет количество совершеннолетних граждан, работе с которыми государство в свое время не уделило достаточного внимания, и в результате этого они политически безграмотны и, как след-

ствие, склонны к проявлению несистемной социальной и политической активности. В этой связи можно выделить следующие примерные прогнозы развития деструктивности в молодежной среде.

1. **Позитивный сценарий** подразумевает достижение следующих целей: снижение показателей деструктивной активности молодежи и протестного потенциала в молодежной среде; устранение первопричин деструктивной активности молодежи; выстраивание постоянной системной работы по развитию патриотизма и гражданственности со всеми категориями молодежи; повышение политической грамотности в молодежной среде; изменение нормативной правовой базы по работе с молодежью в соответствии с вызовами современности; выстраивание эффективного двухстороннего взаимодействия с молодежью с использованием доступного для нее понятийного аппарата. Без сомнения, данный сценарий является идеалистическим и труднодостижимым при текущем подходе со стороны государства к работе с молодежью, но, тем не менее, он реализуем в случае оптимизации системы государственной молодежной политики.

2. **Негативный сценарий** влечет за собой следующее: рост подверженности молодежи альтернативному влиянию деструктивных сил; романтизацию антигосударственными силами образа оппозиционера-революционера в молодежной среде на фоне учащения несогласованных протестных акций; рост количества открытых столкновений молодых людей с представителями правоохранительных органов на фоне «акций протеста» против политического курса государства и проводимых реформ; появление пострадавших и погибших молодых людей и создание из них символов жертв борьбы с режимом; выдвижение неформальных лидеров протеста из числа молодежи; обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов; рост радикализации общества. Данный вариант является вероятным в случае продолжения государственной политики по игнорированию молодежного протестного фактора и межпоколенческих разрывов.

3. **Промежуточный сценарий** подразумевает временную «заморозку» существующей проблемы деструктивной молодежной активности с получением следующих эффектов и при реализации следующих действий: сохранение текущих механизмов работы с молодежью; информационное запугивание наказанием за участие в несанкционированных политических акциях с последую-

щим демонстративным его смягчением; выявление и пресечение деятельности деструктивных структур, оказывающих влияние на молодежь. Однако даже успешная реализация данного сценария даст временный эффект и лишь загонит «болезнь» внутрь.

Стоит отметить, что на сегодняшний день государство старается исправить существующие недоработки, послужившие причиной роста деструктивной активности в молодежной среде. Примером этого служит запуск проекта «Лидеры России» [4] как попытка создания новых социальных лифтов для возможности самореализации молодежи в сфере государственного управления. Также в настоящее время наблюдается тенденция регионализации (<http://yamal-region.tv/news/36131>) различных молодежных форумов, направленных на аккумуляцию социально активных молодых людей с целью выстраивания с ними эффектив-

ной коммуникации (<https://www.permkrai.ru/news/zritelnyami-meropriyatiy-zimney-sessii-molodezhnogo-foruma-prikamya-stali-pochti-6-5-tysyach-chelovek>).

Вместе с тем можно говорить об учащении случаев применения силовых методов противодействия вышеописанным факторам со стороны государства. В качестве примера можно рассмотреть цикл несогласованных митингов в Москве, посвященных предстоящим выборам в Московскую городскую Думу, в ходе которых сотрудниками правоохранительных органов были жестко задержаны свыше тысячи участников (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/07/27/81392-politsiya-obyskivaet-i-zaderzhivaet-nezavisimyyh-kandidatov-v-preddveri-protestov-u-stolichnoy-merii-onlayn>). Однако использование только силовых методов без проведения в жизнь эффективной молодежной политики способно лишь обострить противоречия между государством и молодым поколением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаматонова Г.Л. Социально-политическая активность молодежи в современной России: состояние и тенденции развития. *Социальные и гуманитарные знания*. 2018;4(2):82–87.
2. Юршина М., Берсенева Т. Молодежь защитят от политических манипуляций. URL: <https://iz.ru/741314/marina-iurshina-tatiana-berseneva/molodezh-zashchitiat-ot-politicheskikh-manipuliatcii>.
3. Кузнецова Е., Сироткин К., Дергачев В. Акция «за честные выборы» в Москве. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2019/5d3c8a7c9a7947630f84424a>.
4. Мисливская Г. Матвиенко: Конкурс «Лидеры России» создает реальные социальные лифты. URL: <https://rg.ru/2019/07/15/matvienko-konkurs-lidery-rossii-sozdaet-realnye-socialnye-lifty.html>.

REFERENCES

1. Shamatonova G.L. Socio-political activity of youth in modern Russia: State and development trends. *Sotsial'nye i humanitarnye znaniya*. 2018;4(2):82–87.
2. Yurshina M., Berseneva T. Youth will be protected from political manipulation. URL: <https://iz.ru/741314/marina-iurshina-tatiana-berseneva/molodezh-zashchitiat-ot-politicheskikh-manipuliatcii>.
3. Kuznetsova E., Sirotkin K., Dergachev V. Action “For fair elections” in Moscow. Main thing. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2019/5d3c8a7c9a7947630f84424a>.
4. Mysliwska G. Matvienko: The Contest “Leaders of Russia” creates real social mobility. URL: <https://rg.ru/2019/07/15/matvienko-konkurs-lidery-rossii-sozdaet-realnye-socialnye-lifty.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Тимурович Лукьяненко — студент 4-го курса факультета государственного управления и финансового контроля, Финансовый университет, Москва, Россия
Lukianenko0817@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kirill T. Lukianenko — 4th-year student, Faculty of Public Administration and Financial Control, Financial University, Moscow, Russia
Lukianenko0817@mail.ru

Статья поступила 09.09.2019; принята к публикации 15.09.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.09.2019; accepted for publication on 15.09.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Элитологический аспект политики идентичности

(Рецензия на монографию Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: история, теория, практика)*

Elitological Aspect of Identity Politics

(Review of the Monograph: V. Sh. Surguladze. Identity Politics in the Realities of National Security: History, Theory, Practice)**

* Под науч. ред. проф. Н.А. Фроловой. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 400 с. Серия «Мир в сетях идеологии».

** Under scientific editorship of professor N.A. Frolova. Moscow: Analytical group "S.T.K."; 2019. 400 p. Series: "The world in ideology networks".

В современном мире активно идут процессы глобализации и интернационализации жизни, прежде всего — мировой экономики, технологической сферы и стандартов потребления. Современная сетевая экономика характеризуется резкой и ускоряющейся поляризацией доходов населения и не только имущественным, но и ценностным обособлением элиты, поскольку Давосская культура¹ создает космополитическую атмосферу, отрывающую представителей локального политического истеблишмента и лидеров бизнеса от национальных корней, что, в свою очередь, приводит к понижению социальной ответственности как финансово-экономической, так и связанной с ней политической элиты. Данный процесс опасен в том отношении, что делает население национальных государств зависимым от безответственной транснациональной элиты, рассматривающей текущее место своего фактического пребывания не как свою родину, а как одно из многочисленных временных мест проживания, один из источников извлечения прибыли, которые без сожаления оставляются, как только ухудшается инвестиционный климат и растет социально-экономическое и политическое напряжение.

Британский социолог Дж. Урри² и ряд других исследователей называют этот процесс офшоризацией элиты, поскольку не только ее доходы скрываются в собственно офшорах, но и мышление обладателей офшорных счетов отличается в буквальном смысле перевода данного понятия с английского языка «заморским» характером, т.е. мировоззрением временщиков, у которых нет обязательств перед страной своего происхождения и пребывания.

Социально-политические риски этих тенденций сегодня достаточно очевидны. На них указывают как многочисленные примеры современной политической истории, так и соответствующие заявления политиков и ученых, анализирующих современные тенденции социально-экономических и политических трансформаций. Среди политиков, отмечавших данную проблему, прежде всего можно отметить Президента Российской Федерации В.В. Путина, прямо заявлявшего в ряде Посланий Федеральному Собранию о необходимости национализации элит, распространении в среде делового сообщества и чиновничества этики патриотического служения общественному благу, необходимости прекратить практику извлечения административной ренты государственными служащими вопреки национальным

¹ Бергер П.Л., Хантингтон С.П., ред. Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект Пресс; 2004. 378 с.

² Урри Дж. Офшоры. М.: ИД «Дело» РАНХиГС; 2018. 288 с.

интересам государства и его долгосрочным перспективам развития³.

Тема отрыва элиты от большей части населения широко освещается современными политологами, экономистами, социологами, специалистами-урбанистами и многими другими исследователями самых разных направлений научной деятельности⁴. В этом контексте своевременной и актуальной является публикация в 2019 г. монографии ведущего эксперта аналитической группы «С.Т.К.» В.Ш. Сургуладзе «Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика», посвященной политике идентичности, рассматриваемой в качестве важнейшего практического инструмента обеспечения национальной безопасности государства, прежде всего в информационной сфере.

Одной из стержневых концепций автора и важным выводом его работы является тезис о необходимости защиты ценностного суверенитета государства, его морально-нравственной, цивилизационной, духовной матрицы развития, позволяющей обеспечивать идеологическую и политическую субъектность и независимость государства в условиях постоянной информационной агрессии извне. Обосновывая ключевое место консолидирующей, консенсусной, отвечающей сложившимся историческим традициям государственности гражданско-правовой национальной идентичности в обеспечении информационной безопасности, В.Ш. Сургуладзе много места уделяет глубокому анализу политических функций идентичности и идеологии, проводит интересный и практически значимый анализ их соотношения и особенностей.

По мнению автора, эффективная политика идентичности должна основываться на присущих обществу ценностных установках и ориентироваться на практическое переосмысление прежде всего собственного многовекового опыта развития. В.Ш. Сургуладзе выделяет историю становления государственности, а также геополитические факторы в качестве важнейших отправных точек развития национальной идентичности и формирования политической психологии общества.

С точки зрения практических политических технологий, политического пиара и противодействия враждебной агитации и пропаганде, интерес представляет политологическое применение автором в целях анализа места идентичности и идеологии в структуре иерархии потребностей человека широко используемой специалистами в области рекламы и маркетинга пирамиды потребностей А. Маслоу⁵. Использование данной методологии для целей выявления закономерностей политической мотивации и массовой психологии представляется новым потенциально полезным подходом к осмыслению политической реальности в ее человеческом измерении.

Важное место в монографии занимает рассмотрение социально-экономических противоречий в современном постиндустриальном обществе. В.Ш. Сургуладзе считает, что в условиях развития третичной экономики практически полезным для политологического ситуационного и стратегического анализа является переосмысление идейного наследия классовых теорий развития коллективной идентичности и национального самосознания. Автор при этом оговаривает невозможность буквального применения этих концепций, но полагает полезным применять их отдельные элементы, как для того, чтобы успешно реализовывать эффективную и адекватную современным реалиям политику идентичности, так и для лучшего понимания таких феноменов современной социально-политической реальности как социальные группы, обозначаемые современными учеными в качестве «прекариата»⁶ и «креативного класса»⁷. Данное указание верно в силу того, что опыт цветных революций продемонстрировал — именно указанные социальные группы прежде всего подвержены воздействию внешнего идеологического влияния и способны к дестабилизации сложившегося политического порядка. Формирование социальной структуры постиндустриального общества информационной эпохи действительно требует пристального внимания к самым разным аспектам формирования мотивации и коллективной идентичности, способных мобилизовывать определенные слои населения на изменение конституционного по-

³ Путин В.В. Прямая речь. В 4 т. М.: Звонница-МГ; Новый Ключ; 2016–2017. Т. 1. 412 с.

⁴ Атkinson Э.Б. Неравенство: как с ним быть? Добрякова М., ред. М.: ИД «Дело» РАНХиГС; 2018. 536 с; Стиглиц Дж. Ю. Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо; 2015. 255 с.

⁵ Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер; 2011. 352 с.

⁶ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; 2014. 328 с.

⁷ Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2016. 384 с.

рядка. При этом предотвращение угроз с данной стороны требует не только мер эффективного информационного противодействия, но серьезной комплексной социально-экономической политики, направленной на выравнивание уровня благосостояния общества, смягчение имущественного расслоения и поляризации.

Элитологическим аспектам реализации политики идентичности посвящен отдельный параграф монографии — «Современные наднациональные формы коллективной идентичности» в главе «Современные практики политики идентичности в условиях глобализации на наднациональном и государственном уровнях», в которой анализируется влияние процессов глобализации на национальное самосознание элит, и рассматриваются примеры государственной политики идентичности, зафиксированные в конституционном праве современных государств.

С практической точки зрения наиболее важной частью монографии В.Ш. Сургуладзе представляется заключительная глава, в которой анализируются политика идентичности и ресурсы ее обеспечения в России. В рамках этой части своего исследования автор рассматривает целеполагающие документы государственного стратегического планирования Российской Федерации, прежде всего, ежегодные Послания Президента Федеральному Собранию последних 20 лет и практическую работу министерств и ведомств России по патриотическому воспитанию граждан и обеспечению информационной безопасности государства.

Важный вывод, который можно сделать, ознакомившись с работой В.Ш. Сургуладзе, состоит в том, что, с одной стороны, меры государства, направленные на патриотическое воспитание граждан, недостаточные и дисперсные⁸, а с другой — теоретические и практические подходы, которые позволяли бы анализировать возможности национализации элит и трансформацию ценностных установок ее представителей, отсутствуют. По большей части монография В.Ш. Сургуладзе касается проблематики национальной идентичности применительно к обычным гражданам как населению национального (в гражданско-правовом понимании) государства. Между тем, одной из наиболее актуальных и сложных проблем является вопрос о том, как трансформировать ми-

ровоззрение элиты, чтобы оно было национально ориентированным и патриотическим. В.Ш. Сургуладзе внимательно анализирует закономерности политической, национальной и этнической мобилизации, проводимой элитами, но не затрагивает вопрос о том, возможно ли трансформировать сами элиты. В то же время важно отметить, что рассмотрение политики идентичности с данной точки зрения представляет значительные практические трудности. Особенно в свете наметившихся в экспертной среде дискуссий о деглобализационных тенденциях, угрозе торговых войн и протекционизма. Если отмеченные тенденции будут носить долгосрочный характер, то в какой-то мере процессы национализации элит могут быть запущены самой логикой противостояния между соперничающими центрами складывающегося нового мирового порядка.

Современный этап развития мира характеризуется нарастанием хаотизации и неопределенности⁹, непрогнозируемым ростом практического значения и воздействия информационных технологий на человека, обострением киберугроз и вызовов обществу со стороны новых технологий массовой мобилизации и подрыва политической стабильности средствами сетевых медиа. В этих условиях роль реализации эффективной политики идентичности сложно переоценить. Представляется, что ее осуществление должно носить комплексный характер и основываться как на деятельности государственных структур, так и на вовлечении широких слоев общественности.

Завершение исторического цикла глобального доминирования коллективного Запада во главе с США несет в себе не только семена новых конфликтов, но и возможности в сфере укрепления национальной идентичности отдельных государств и обществ, в силу того, что агрессивная либеральная идеология утрачивает позиции и все большую политическую актуальность обретают локальные интерпретации собственного исторически накопленного опыта государственного строительства и модернизации, адаптация успешных зарубежных практик вне привязки к сопутствующему импорту иностранных идеологических и ценностных моделей. В современном мире модернизация уже не означает «вестернизация», и этот факт позволяет говорить о том,

⁸ Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2016. 384 с.

⁹ Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: ИД «Дело» РАНХиГС; 2018. 320 с.; Болдуин Р. Великая конвергенция: Информационные технологии и новая глобализация. М.: ИД «Дело» РАНХиГС; 2018. 416 с.

что XXI в. может стать веком новых идеологий и противоборства идеологических концепций и образов желаемого будущего.

Важной положительной чертой работы В.Ш. Сургуладзе является широкий спектр затрагиваемых примеров политики идентичности, дополненный вниманием к российским реалиям ее реализации. Отрадной является в целом положительная оценка автором трансформаций информационно-идеологической сферы Российской Федерации последних десятилетий, подтверждаемая как впечатляющим сравнительным анализом большого массива целеполагающих документов государственного стратегического планирования, так и осмыслением важнейших вех современной общественно-политической истории страны, к которым автор относит присоединение Крыма и возникновение ряда патриотических движений и традиций (например, акция «Бессмертный полк»), свидетельствующих об укреплении ценностного суверенитета государства как неотъемлемой и важной части комплексной национальной безопасности государства¹⁰.

Научно и практически значимой представляется предлагаемая автором концепция консолидации гражданско-правовой нации на базе реализации деятельностного подхода. Под деятельностной концепцией нации В.Ш. Сургуладзе понимает формирование идентичности граждан на базе увязывания их социокультурных ценностей с реализацией практической хозяйственной деятельности, цели и задачи которой закреплены в многочисленных документах государственного стратегического планирования. Автор считает, что практические меры созидательной деятельности общенационального масштаба должны

получать соответствующее информационное освещение с тем, чтобы граждане ассоциировали себя с государством, в том числе, через конкретные свершения в области материально-технического и экономического развития. В чем-то предложенная исследователем деятельностная концепция нации представляет собой теоретически обоснованное и научно структурированное развитие мысли В.В. Путина, прозвучавшей в Послании Президента Федеральному Собранию 2016 г. и сформулированной в качестве необходимости поддержания в обществе «атмосферы общих дел». Данный тезис Послания Президента теоретически не развивается, хотя в практической плоскости государственной политики, в том числе, в государственных программах и в рамках национальных проектов Российской Федерации присутствуют признаки того, что деятельностный подход постепенно внедряется. Однако данный процесс осуществляется в социально-экономической плоскости, практически не увязываясь с политической и информационной сферой. В этой связи монография В.Ш. Сургуладзе представляет собой весомый научный, теоретический вклад в разработку деятельностной концепции консолидации общества, является практически полезным исследованием, которое может быть использовано в качестве методологической основы для выстраивания комплексной государственной политики идентичности и информационной политики, учитывающей деятельностные аспекты жизни общества.

Благодаря широте рассмотрения автором феномена коллективной идентичности монография В.Ш. Сургуладзе может быть полезна политологам, социологам, социальным и политическим психологам, специалистам, занимающимся проблематикой государственного стратегического планирования, правоприменительной практикой в части обеспечения ценностного суверенитета Российской Федерации и противодействия внешней информационной агрессии и пропаганде, сотрудникам государственных специальных служб и научно-практических организаций.

Александр Борисович Шатилов,
декан факультета социологии
и политологии

¹⁰ Шатилов А.Б. «Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;1(37):32–37; Шатилов А.Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;3(27):18–23; Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015;2(18):6–13; Патриотизм как идеология возрождения России: сборник статей и докладов. Гузенкова Т.С., ред. М.: РИСИ; 2014. 258 с.